

ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№6–2 2022 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015
В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел./факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

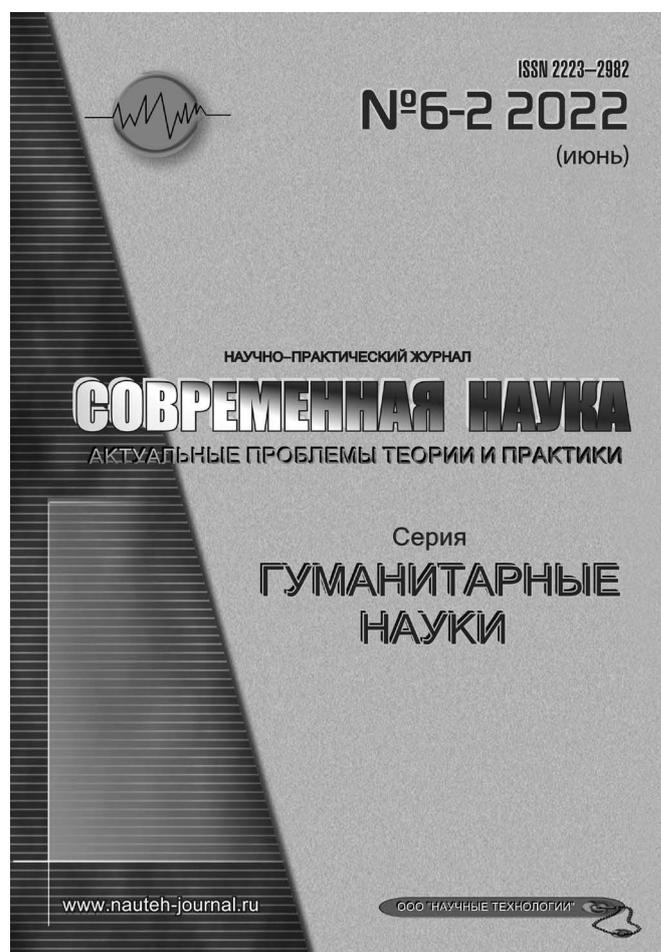
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки № 6-2 (июнь) 2022 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK – 07.00.00, 10.00.00, 13.00.00)

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 23.06.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Евладова Елена Борисовна — д.п.н., Институт изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (ИИДСВ РАО)

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрушинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н., Институт экономики РАН, г.н.с.

Сидорова Марина Юрьевна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н., МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

История

Бондарь И.А., Дарендорф М.В., Ованесян И.Г. – Цензура в России как институт государственного контроля над печатным словом в начале XIX века
Bondar I., Darendorf M., Ovanesyan I. – Censorship in Russia as an institute of state control over the printed word in the beginning of the XIXth century 5

Бондарь И.А., Дарендорф М.В., Власова Т.А. – Цензура как часть политической системы самодержавной России
Bondar I., Darendorf M., Vlasova T. – Censorship as a part of the political system of autpowerful Russia 8

Педагогика

Георгиева М.А., Езаова А.Г., Арванова С.М., Блиева О.З., Георгиева И.А., Тлепшева Д.А. – Имитация поведения условной ракеты в поле тяжести планеты N
Georgieva M., Ezaova A., Arvanova S., Blieva O., Georgieva I., Tlepshева D. – Simulation of the behavior of a conditional rocket in the gravity field of the planet N 11

Изюмникова С.А. – Коворкинг как инструмент для решения актуальных проблем реализации бенчмаркинг-проектов в образовании
Izyumnikova S. – Coworking as a tool for solving urgent problems of implementing benchmarking projects in education 16

Копрева Л.Г., Науменко Н.П. – Принцип ситуативности в процессе реализации коммуникативного подхода при обучении авиационному английскому языку
Kopreva L., Naumenko N. – Principle of situativeness in the process of implementing a communicative approach in aviation English teaching 20

Пинигина О.Н., Гурьева А.Н., Сергеева Т.Н. – Театрализованная деятельность
Pinigina O., Gurieva A., Sergeeva T. – Theatrical activity 26

Пирманова Н.И. – Методические особенности работы над текстом в процессе формирования коммуникативной компетенции обучающихся в средней школе
Pirmanova N. – Methodological features of work on a text in the process of forming communicative competence of students in secondary school 34

Филология

Беляева Л.Е. – Семантика цвета в экфрасисе (на материале романа С. Кинга «Дьюма-Ки»)
Belyaeva L. – Colour semantics in ekphrasis (based on the novel by S. King "Duma-Key") 39

Васильева Т.С. – Имена собственные в драме У. Шекспира «Ромео и Джульетта» в рамках вертикального контекста
Vassilyeva T. – Proper names in W. Shakespeare's drama "Romeo and Juliet" within the vertical context 44

Гаранина Н.В. – Жанры детского фольклора в игровом дискурсе английских школьников
Garanina N. – Genres of children's folklore in the game discourse of English schoolchildren 47

Глашев А.А. – Об одной азербайджанской миниатюре XVI в. в свете данных словаря Махмуда Кашгарского и карачаево-балкарского языка
Glashev A. – About the Azerbaijani miniature of the XVI century in the light of the dictionary of Mahmud Kashgari and Karachay-Balkar language 53

Гуань Цзюньбо – Отличительные особенности понятий «идеологема» и «концепт»
Guan Junbo – Distinctive features of the terms "ideologeme" and "concept" 58

Ерастова Д.А. – О проблеме восприятия идиоматики родного языка современными подростками
Erastova D. – On the problem of the native language idiomatics perception by modern teenagers 61

Крутова И.Н., Хорохорина Г.А., Акбилек Е.А. – Информативность политического текста как способ влияния на реципиента речи (на примере выступления президента США Дж. Байдена) <i>Krutova I., Khorokhorina G., Akbilek E.</i> – Informativeness of a political text as a way of influence on a speech recipient (on the example of the speech of USA president J. Biden) 64	Филиппова А.А. – Фольклорные мотивы в рассказах В.Г. Короленко (на материале якутского цикла) <i>Filippova A.</i> – Folklore motives in the stories of V.G. Korolenko (based on the Yakut cycle) 96
Кузьмина Р.П. – Концептуализация холода в языковом сознании эвенов <i>Kuzmina R.</i> – Conceptualization of cold in the linguistic consciousness of evens 69	Химинец Е.М. – Особенности семантического развития лексемы «opération» в дискурсе (на материале французской газеты Le Figaro) <i>Khiminets E.</i> – Features of the semantic development of the lexeme "opération" in discourse (based on the French newspaper Le Figaro) 100
Малыгина Г.Е., Савенкова С.Р. – Семантический анализ как средство формирования академического кругозора студентов-медиков <i>Malygina G., Savenkova S.</i> – Semantic analysis as a means of forming the academic outlook of medical students 73	Ху Янисуи – Адъективные метафоры, входящие в состав тематической группы «РАСТЕНИЯ» <i>Hu Yangyixin</i> – Adjectival metaphors included in the thematic group "PLANTS" 106
Пашина А.В., Вертянкина Н.В., Шарипова Э.М. – Речевые стратегии воздействия на реципиента в современном английском письме-жалобе (letter of complaint) <i>Pashina A., Vertyankina N., Sharipova E.</i> – Speech strategies of influencing a recipient in a modern English letter of complaint 78	Цатурян М.М., Ломакина Э.А. – Репрезентация художественного концепта "Home\House" в романе Энн Бронте «Агнес Грей» <i>Tsaturyan M., Lomakina E.</i> – Representation of the literary concept "Home\House" in Ann Bronte's novel "Agnes Gray" 109
Сабельникова Е.А. – Вербальные способы выражения речевого акта несогласия в англоязычных диалогических бытовых дискурсах <i>Sabelnikova E.</i> – Speech act of disagreement in the structure of English everyday dialogical discourses 82	Чжоу Биньбинь – Проблемы систематизации лексики с оценочным значением <i>Zhou Binbin</i> – Problems of systematization of vocabulary with evaluative meaning 113
Субачева Е.Г. – Московская топонимика в произведениях И.С. Шмелёва <i>Subacheva E.</i> – Moscow toponymics in the works of I.S. Shmelev 86	Чэнь Ясин – Прецедентные единицы как прототип создания интернет-игры в антифразы <i>Chen Yaxing</i> – Precedent units as a prototype of creating the internet game in antiphrases 117
Таймур М.П. – Пространственно-временные отношения в современном художественном дискурсе <i>Taymour M.</i> – Spatial and time relations in modern fictional discourse 90	Чэнь Сюецин – Грамматикализация предложной конструкции «по пути» <i>Chen Xueqing</i> – Grammaticalization of the Russian prepositional unit <i>po puti</i> 'along the way' 122
Титова А.В. – Прецедентные имена в названиях вооружения и военной техники США <i>Titova A.</i> – Precedent names in U.S. weapons and military equipment designations 92	Информация
	Наши авторы. Our Authors 126
	Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 127

ЦЕНзуРА В РОССИИ КАК ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ НАД ПЕЧАТНЫМ СЛОВОМ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

ENSORSHIP IN RUSSIA AS AN INSTITUTE OF STATE CONTROL OVER THE PRINTED WORD IN THE BEGINNING OF THE XIXTH CENTURY

*I. Bondar
M. Darendorf
I. Ovanesyan*

Summary: The article examines the issue of developing a scientific concept of building relations between press and authorities and deepening scientific knowledge on the problems of speech freedom. Information flows circulating in society are regulated by censorship as a form of state supervision. Due to the specifics of censorship activity, today it is among the most important and topical problems in the history of Russia.

Keywords: censorship, education, charter, publications.

Бондарь Ирина Алексеевна

*Д.и.н., профессор, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
sloikin89@rambler.ru*

Дарендорф Марианна Викторовна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
mvd.works@mail.ru*

Ованесян Инна Георгиевна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского государственного педагогического института в г. Ессентуки
inna-ovanesian@yandex.ru*

Аннотация: В статье исследуется вопрос развития научной концепции выстраивания отношений прессы с властью и углубления научных знаний по проблемам свободы слова. Регулируются информационные потоки, циркулирующие в обществе, цензурой как формой государственного надзора. В силу специфики цензурной деятельности, сегодня она стоит в ряду наиболее важных и актуальных проблем истории России.

Ключевые слова: цензура, просвещение, устав, публикации.

Павел I в начале января 1799 года направил рескрипт генералу Розенбергу, в котором, по сути дела, предлагал организовать военную цензуру, «охраняющую войска от воздействия вредных сочинений и враждебной пропаганды». Император подчеркивал: «И для сего, для предупреждения зла, от намерений сих произойти могущего, имейте крепкое смотрение за всем тем, что развращению умов может подать повод, употребляя лазутчиков для разведывания происходящего между офицерами и открытия, есть ли кто из них делами или словом каким, вознамерится возстать противу власти начальства, или вводить язву моральную» [1]. Такое решение было продиктовано желанием пресечь распространение в армии произведений французских авторов, переведенных на русский язык.

Одновременно Павел I завершил организацию духовной цензуры в государстве. В середине марта 1799 года он утвердил «Положение о духовной цензуре или комиссии», которое сосредотачивало всю духовную цензуру в Московском церковном центре, получившем официальное название «Учрежденная в Москве Духовная цензура для свидетельства и рассмотрения сочиняемых и переводных книг до Церкви и учений церковных касающихся». Созданная по «Положению о духовной цензуре» Московская духовная цензура состояла из председателя и трех членов, известных своими познаниями в словесных

науках и языках. Избирались они из монашества или белого духовенства с последующим утверждением Синодом. Задачами цензуры было «рассмотрение и исправление как переводов, касающихся церкви и церковного учения, так и вообще сочинений, издаваемых соборным и не соборным духовенством. Духовная цензура не должна была по примеру гражданской делать простое одобрение или неодобрение сочинения к печатанию, ее задача состояла в том, чтобы «делать им ревизию, или строгое пересматривание и исправление». Все сочинения, одобренные цензурою, «как не заключающие в себе, по ее мнению, ничего противного закону Божию, правилам государственным, благонравию, и литературу надлежит издавать в печать с дозволения Синода исключительно в типографиях, ведомству его принадлежащих». Синод распоряжался денежными средствами, полученными от продажи литературы.

Цензурная реформа Павла I завершилась знаменитым указом 18 апреля 1800 года, в котором говорилось: «Так как чрез вывозимые от заграницы разные книги наносится разврат веры, гражданского закона и благонравия, то отныне впредь до указа повелеваем запретить впуск из заграницы всякого рода книг, на каком бы языке оные ни были, без изъятия, в государство наше, равномерно и музыку» [1].

Цензурная политика Александра I в корне противоречила тенденциям предшествующего периода. Уже в конце марта 1801 года император подписал указ, в котором говорилось: «Простирая попечения Наши в пользу верноподданных наших и желая доставить им все возможные способы к распространению полезных наук и художеств, повелеваем учиненным указом 18 апреля 1800 года запрещенным на впуск всякого рода книг и музыки отменить, равномерно запечатанные по повелению июня 5-го дня 1800 года последовавшему частные типографии распечатать, дозволяя как провоз иностранных книг, журналов и прочих сочинений, так и печатание оных внутри государства по точным правилам, в указе от 16-го сентября 1796 года постановленным» [2]. Еще через год Александр I подписал новый указ, согласно которому «наука и художества» выводились из-под контроля полиции, прекращалась деятельность цензоров в городах и портах, отменялась предварительная цензура. Снова было разрешено создавать «вольные типографии».

Императорским указом от 26 января 1803 года предписывалось, что «цензура всех печатаемых в губернии книг имеет принадлежать единственно университетам, коль скоро они в округах учреждены будут». Уставы всех университетов, кроме Виленского, содержали на этот счет особые параграфы. В каждом университете создавался цензурный комитет, состоявший из деканов. Обязанность цензоров выполняли профессора, адъюнкты и магистры. Совет университета выступал в качестве арбитра при цензурных конфликтах. Решение университетской цензуры можно было подать на обжалование в Главное правление училищ, созданное в ходе реформы системы народного просвещения в 1802 году и ставшее высшей инстанцией по делам цензуры. Однако уставы университетов, естественно, не содержали подробной регламентации цензурного порядка. Цензурные комитеты по уставу должны были «отвратить издание сочинений, коих содержание противно закону, правительству, благопристойности, добрым нравам и личной чести какого-либо частного человека» [3].

Высшей цензурной инстанцией в стране стало Главное правление училищ, которое приступило к выработке как университетского, так и цензурного устава. Кроме того, контроль над выпущенными изданиями и самой цензурой осуществляло Третье отделение Министерства внутренних дел. Летом 1804 года Александр I подписал первый «Устав о цензуре». Основные положения этого документа сводились к следующему:

— цензура обязана рассматривать все книги и сочинения, предназначенные к распространению в обществе (§1);

- назначение цензуры – «доставить обществу книги и сочинения, способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению» (§ 2);
- в связи с этим запрещалось печатать, распространять и продавать что-либо без рассмотрения цензуры (§ 2);
- цензура вверялась цензурным комитетам из профессоров и магистров при университетах во главе с Главным правлением училищ Министерства народного просвещения (§ 4);
- печатная продукция не должна содержать в себе ничего «против закона Божия, правления, нравственности и личной чести» (§ 15);
- цензоры при запрете сочинений и книг обязаны «руководствоваться благоразумным снисхождением, удаляясь всякого пристрастного толкования сочинений и мест в оных, которые, по каким-либо мнимым причинам, кажутся подлежащими запрещению, когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим образом, нежели его преследовать» (§ 21);
- поощрение распространялось на просвещение и свободу мышления: «скромное и благоразумное исследование всякой истины, относящейся до веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления государством, или какой бы то ни было отрасли управления, не только не подлежит и самой умеренной строгости цензуры, но пользуется совершенною свободою тиснения, возвышающего успехи просвещения» (§ 22) [4].

Первый цензурный устав получил позитивные отзывы в обществе, в том числе со стороны участников дискуссии, развернувшейся в прессе. Исследователи также единодушно называют его наиболее либеральным за все время существования цензурного законодательства в России. Аппарат цензуры руководствовался первым цензурным уставом двадцать лет, а влияние его идей в той или иной степени распространялось и на более отдаленные времена через деятельность наиболее прогрессивных цензоров. Однако опыт применения этого документа в практике цензурной политики показал, что государственная бюрократия постепенно корректирует действие закона в ту сторону, которая на данном историческом этапе выгодна власти, что бывает реже, вызвана объективными обстоятельствами. Что касается государственных тайн, военных секретов, освещения военных действий, подготовки, жизни и быта армии, то в «Уставе о цензуре» 1804 года ничего не говорилось, если не брать во внимание указания на то, что цензура изданий военных учреждений и кадетских корпусов возлагалась на их начальников [5].

Ситуация с военной цензурой в России изменилась после осложнения обстановки на Европейском континенте в связи с агрессивными планами Франции. Сначала Александр I создал особый Комитет по сохранению всеобщего спокойствия и тишины, а в январе 1807 года преобразует его в Комитет общей безопасности с более широкими полномочиями, в том числе и цензурными. В первую очередь цензура наложила запрет на произведения французской литературы. Что касается политической информации, то цензурное ведомство выработало специальный циркуляр, согласно которому всем учебным округам предписывалось довести до сведения цензоров, чтобы они «не пропускали никаких артикулов, содержащих известия и рассуждения политические» [6]. После этого последовал запрет на публикации о любых конституциях в зарубежных государствах.

В этих условиях Особая канцелярия Министерства внутренних дел осуществляла «цензурную ревизию» книготорговцев и типографий. Кроме того, ему были делегированы права контролировать саму цензуру. В целом оно должно было наблюдать, чтобы в обществе не обращались книги, которые, «хотя и пропущены цензурой, подавали повод к превратным толкованиям, общему порядку и спокойствию противным» [6]. Таким образом, с 1811 года в стране установился новый цензурный режим. К этому времени по инициативе императора был уже подготовлен план государственных преобразований, в котором рекомендовалось для предотвращения возможных революционных потрясений в России придать самодержавию внешние формы конституционной монархии. По проекту М.М. Сперанского политические права получали только дворяне, купцы, мещане и государственные крестьяне [7].

ЛИТЕРАТУРА

1. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие. – М.: Аспект пресс, 2001. – С. 27.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 1. Д. 2. Л. 5.
3. Русский инвалид. – 1853. – 16 июня.
4. Российский исторический архив (РГИА). Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3100. Л. 1.; Усов П. Из воспоминаний // Исторический вестник. – 1882. - № 11. – С. 350.
5. Всеподданнейшая записка князя Паскевича. Варшава, 24 сентября 1853 года // Русская старина. – 1876. – Т. 8. – С. 698-702.
6. РГИА. Ф. 772. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3100. Л. 3.
7. Томсинов В.А. Михаил Михайлович Сперанский (1772-1839). Биографический очерк // Сперанский М.М. Юридические произведения. – М.: Зерцало, 2007. – С. 8-272.

© Бондарь Ирина Алексеевна (sloikin89@rambler.ru), Дарендорф Марианна Викторовна (mvd.works@mail.ru),
Ованесян Инна Георгиевна (inna-ovanesian@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕНзуРА КАК ЧАСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ САМОДЕРЖАВНОЙ РОССИИ

ENSORSHIP AS A PART OF THE POLITICAL SYSTEM OF AUTOPOWERFUL RUSSIA

*I. Bondar
M. Darendorf
T. Vlasova*

Summary: The relevance of the article is due to the fact that the development of mankind is accompanied by the creation of a global world communication space and the formation of a new worldview of people, which is actively influenced by various flows of information, including those distributed by the press. In this regard, the issues of free access to sources of information are of particular importance from the point of view of the criteria for the democratic development of society.

Keywords: censorship authorities, state, reform, newspaper.

Бондарь Ирина Алексеевна

*Д.и.н., профессор, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
sloikin89@rambler.ru*

Дарендорф Марианна Викторовна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
mvd.works@mail.ru*

Власова Татьяна Алексеевна

*К.и.н., доцент, Филиал Ставропольского
государственного педагогического института
в г. Ессентуки
tata.vlasova007@yandex.ru*

Аннотация: Актуальность статьи обусловлена тем обстоятельством, что развитие человечества сопровождается созданием глобального мирового коммуникационного пространства и формированием нового мировоззрения людей, на которое активно влияют различные потоки информации, в том числе распространяемые прессой. В связи с этим вопросы свободного доступа к источникам информации приобретают особую значимость с точки зрения критериев демократического развития общества.

Ключевые слова: цензурные органы, государство, реформа, газета.

Истоки российской цензуры обнаруживаются еще в историко-правовых актах средневекового периода, а в качестве института государственного контроля над печатным словом она появилась в конце XVIII столетия. В дальнейшем деятельность цензурных органов и вошедших в историю цензоров была зеркальным отражением установившейся в Империи государственного правления и общественного сознания. Это полностью относится и к выделенному периоду. Существовавшая долгие годы царская цензура имела свои юридические и правовые основы, нашедшие отражение в уставах о печати и цензуре. Российская военная цензура использовала весь арсенал своих возможностей и технологий и имела всеобъемлющий характер, несмотря на то, что ее деятельность фактически ограничивалась периодами войн и военных конфликтов. Тем не менее она являлась важнейшей частью политической системы самодержавной России, представляла собой более широкое понятие, чем цензура как таковая и ее традиционные разновидности. Именно на этом основании военная цензура включала в себя не только деятельность по сохранению военной тайны, но и распространялась на публикации политического характера, а также на издания, посредством которых формировалось общественное мнение.

Иначе обстояли дела с периодическими изданиями. О качестве публикуемых материалов заботились сами издатели. В это время важное место на страницах первых российских газет и журналов отводилось военным новостям, многие из них заимствовались из иностранной периодической печати. Со временем они стали перерабатываться в редакциях, дополняться мыслями и выводами самих издателей. Практиковались также аналитические обзоры зарубежных публикаций за какой-то определенный период. Постепенно у читателей формировалось полное представление о том, что происходило на фронте и, соответственно, общественное мнение о наиболее значимых событиях. При этом они нередко оставляли без внимания те сообщения, которые, по их мнению, не были достойны читательского интереса. Отвечая на поступавшие претензии по этому поводу, редактор «Русского инвалида» не скрывал, что некоторые новости из-за рубежа замалчиваются, «дабы неиспорченным душам не вселить слишком низкого мнения о человечестве». Кроме того, по его словам, часть зарубежных сообщений содержала «много истинного, только жаль, что правда в них неинтересна, а интересное неправда!» [1].

Вопрос в том, что издатели газет сами оценивали ак-

туальность и значимость поступавшей информации, отсеивая ту, которая, на их взгляд, не была достоверной. По этому поводу редактор «Русского инвалида» отмечал, в частности, что «в иностранных ведомостях содержатся еще некоторые другие, с употребленным весьма кстати словом «говорят». Но все сии «говорят» такого рода, что об них и говорить нечего» [2].

В 1815 году о деятельности «Русского инвалида» стало известно императору Александру I, который в своем рескрипте Правительствующему сенату указал на необходимость продолжать издание газеты «под наименованием «Русский инвалид» или военная ведомости». Император распорядился также печатать в издании приказы и «другия военная известия» [3]. Внимание и высокая оценка деятельности газеты императором коренным образом изменили дальнейшую судьбу «Русского инвалида». С конца 1815 года он уже не являлся частным изданием, а получил статус правительственной газеты с ежедневным тиражом. Печаталась газета с этих пор в военной типографии, она не подлежала какой-либо дополнительной цензуре.

В 1816 году на должность Министра народного просвещения император назначил князя А.Н. Голицына, первым распоряжением которого стало решение образовать наделенный цензурными функциями Ученый комитет, контролировавший учебную литературу, рассчитанную главным образом на молодое поколение, и дававший отзывы на новые книги, издаваемые для учебных заведений, и представлявший мнение о них [4]. Ученый комитет установил полный контроль над учебной литературой вузов. В записке А.Н. Голицына, обосновывающей объединение духовных дел и просвещения в одно ведомство, говорилось, что «разрушительный дух последнего столетия распространил вредную мысль о непримиримой вражде, долженствующей существовать между религией и наукой. За сию пагубную мечту Европа заплатила реками крови и слез». Там же содержался призыв «освятить науки духом религии и вместе вооружить религию всеми пособиями наук, дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения» [5].

В 1817 году последовало указание цензурным комитетам, по которому они не должны были пропускать «ничего, относящегося до правительства, не спросив прежде согласия от того министерства, о предмете которого в книжке рассуждается». Еще через год цензоры получили новое предписание: обо всем, что касается правительства, журналы, газеты, литераторы могут писать с санкции самого правительства. Цензурная политика власти вела к усилению всех видов цензуры, в первую очередь, духовной.

Попытки открытого сопротивления Голицыну понача-

лу жестко пресекались. Так, попал в опалу ректор Петербургской семинарии архимандрит Иннокентий (Смирнов). В 1818 году он пропустил через духовную цензуру книгу писателя-«архаиста», принадлежавшего к кругу А.С. Шишкова, Е. Станкевича «Беседа на гробе младенца о бессмертии души», направленную против мистической доктрины «внутренней церкви» [6]. В ответ Голицын подал доклад императору о необходимости конфискации книги и высылки ее автора из столицы.

В рамках Академии наук, которую в 1818 году возглавил граф С.С. Уваров, активно действовало управление цензуры. Свои усилия оно направляло главным образом на журналистику и периодические издания, хотя и другие виды печатной продукции не упускались из виду. В этот период под пристальное внимание цензоров вновь попала французская литература, пользовавшаяся популярностью среди российской интеллигенции. С.С. Уваров лично требовал более строгого отношения к французским книгам, особенно «в отношении их нравственного содержания», «господствующего духа и намерения авторов». По его указанию не допускались к переводу произведения, которые производили «вредное впечатление на читателей». Исследователи отмечают, что «С.С. Уваров в первую очередь стал строго преследовать «политические и социальные тенденции как в журналах, так и в отдельных произведениях литературы, оригинальной и переводной». Подтверждением являются данные о запрещении при его активном участии ряда популярных изданий, в частности журналов «Московский телеграф» и «Телескоп» [7].

После образования Министерства духовных дел и народного просвещения на повестку дня был поставлен вопрос о новом цензурном уставе, преобразовании цензуры вообще. В июне 1820 года для разработки такого устава был создан комитет из членов Главного правления училищ: князя В.П. Мещерского и М.Л. Магницкого, членов Ученого комитета: Д.П. Рунича, И.С. Лавалья, Н.И. Фуса. Сначала был подготовлен «Проект мнения о цензуре вообще и началах, на которых предполагает цензурный комитет составить для оной устав» [8].

В середине 1824 года Министром духовных дел и народного просвещения был назначен адмирал А.С. Шишков, писатель, администратор и академик президиума Российской Академии. На первом же заседании Главного правления училищ он изложил свои идеи о просвещении народа, цензуре и ее задачах. Десять дней спустя новый министр представил доклад об искоренении тайной крамолы путем ужесточения цензуры, в целом одобренный императором. На одном из первых заседаний Главного правления училищ А.С. Шишков сказал, что министерство должно, прежде всего, оберегать юношество от заразы «лжемудрыми умствованиями, ветротленными мечтаниями, пухлой гордостью и пагубным самолюбием».

ем, вовлекающим человека в опасное заблуждение думать, что он в юности старик, и через то делающим его в старости юношей». Он считал, что «науки, изощряющие ум, не составят без веры и без нравственности благоденствия народного... Сверх того, науки полезны только тогда, когда, как соль, употребляются и преподаются в меру, смотря по состоянию людей и по надобности, какую всякое звание в них имеет. Излишество их, равно как и недостаток, противны истинному просвещению. Обучать грамоте весь народ или несоразмерное числу одного количество людей принесло бы более вреда, чем пользы. Наставлять земледельческого сына в риторике было бы приуготовлять его быть худым и бесполезным или еще вредным гражданином [9].

Министерство просвещения А.С. Шишков обвинял не

только в попустительстве, но даже «во всяком покровительстве и ободрении нравственного зла под названием духа времени». При нем была усилена цензура, для которой выработан крайне суровый устав. Он руководствовался принципом русского начала, сопровождаемым обвинениями противников в отсутствии патриотизма, преклонении перед иноземным и безверии.

Новый цензурный устав был принят 10 июня 1826 года уже при Николае I, именно он был положен в основу осуществляемой цензурной реформы. В противоположность цензурному уставу 1804 года он был крайне подробен (его объем был в пять раз больше) и состоял из 19 глав и 230 параграфов. Новый устав был пронизан стремлением регламентировать все возможные задачи цензуры и действия ее аппарата.

ЛИТЕРАТУРА

1. Русский инвалид. 1815. – № 31.
2. Русский инвалид. 1814. – № 57.
3. Памяти основателя «Русского инвалида» // Военный сборник. – 1903. – № 2. – С. 110.
4. Бартев Ю.Н. Из записок Ю.Н. Бартева. Рассказы князя Александра Николаевича Голицына // Русский архив. – 1886. – Кн. 3. – Вып. 6. – С. 305-333.
5. Петров Ф.А. Российские университеты в первой половине XIX века. Формирование системы университетского образования. В 4-х кн. Кн. 2: Становление системы университетского образования в России. – М., 1999. – С. 70-71.
6. Кондаков Ю.Е. Либеральное и консервативное направления в религиозных движениях в России первой четверти XIX века. – СПб., 2005. – С. 165-193.
7. Жирков Г.В. История цензуры в России XIX-XX вв.: учебное пособие. – М.: Аспект пресс, 2001. – С. 37.
8. Кондаков Ю.Е., Искюль С.Н. А.Н. Голицын // Три века С.-Петербурга. Энциклопедия. Т. 2. Кн. 2. – СПб., 2003. – С. 139-141.
9. Альтшуллер М.Г. Александр Семенович Шишков // Против течения: исторические портреты русских консерваторов первой трети XIX столетия / Под ред. А.Ю. Минакова. – Воронеж: ВГУ, 2005. – С. 19-92.

© Бондарь Ирина Алексеевна (sloikin89@rambler.ru), Дарендорф Марианна Викторовна (mvd.works@mail.ru), Власова Татьяна Алексеевна (tata.vlasova007@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМИТАЦИЯ ПОВЕДЕНИЯ УСЛОВНОЙ РАКЕТЫ В ПОЛЕ ТЯЖЕСТИ ПЛАНЕТЫ N

SIMULATION OF THE BEHAVIOR OF A CONDITIONAL ROCKET IN THE GRAVITY FIELD OF THE PLANET N

M. Georgieva
A. Ezaova
S. Arvanova
O. Blieva
I. Georgieva
D. Tlepsheva

Summary: Consideration of various physical laws in practice increases the level of their perception and understanding by students. However, not all physical laws can be visually traced. One of them is the law of universal gravitation. That is why the development of a program illustrating the behavior of objects in the gravitational field of some planet N is an important step in solving this problem. The use of this program in physics lessons will contribute to the assimilation of the material by students and guarantees their greater involvement in the process of studying the topic due to the interactive component of the project.

Keywords: imitation, conditional rocket, gravity field, law of universal gravitation.

Георгиева Марьяна Альбековна

ст. преподаватель, КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
maryana.g@list.ru

Езаова Алёна Георгиевна

Доцент, КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
alena_ezaova@mail.ru

Арванова Саният Мухамедовна

ст. преподаватель, КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
sani_07@mail.ru

Блиева Оксана Зауровна

Диспетчер, КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
roksy_85@mail.ru

Георгиева Ирина Альбековна

Ассистент, КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
irka2725@mail.ru

Тлепшева Диана Ануаровна

КБГУ им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик)
tlepshieva@list.ru

Аннотация: Рассмотрение различных физических законов на практике повышает уровень их восприятия и понимания обучающимися. Однако не все физические законы можно наглядно проследить. Одним из них является закон всемирного тяготения. Именно поэтому разработка программы, иллюстрирующей поведение объектов в поле тяготения некоторой планеты N, является важным шагом для решения данной проблемы. Применение данной программы на уроках физики будет способствовать усвоению материала учениками и гарантирует их большую вовлеченность в процесс изучения темы благодаря интерактивной составляющей проекта.

Ключевые слова: имитация, условная ракета, поле тяжести, закон всемирного тяготения.

Целью данной работы являлась разработка прикладной программы, имитирующей поведение условной ракеты в поле тяготения некоторой планеты, входные данные для которой задаются пользователем.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи [1-4]:

- изучить физическую составляющую вопроса, построить графики, проанализировать формулы и законы;
- построить примерную блок-схему программы;
- реализовать программное обеспечение приложения;
- получить и проанализировать результаты проделанной работы.

На рисунке 1 показаны клавиши для управления программой.

На рисунке 2 показано главное меню программы.

В разделе «Справка» хранится вся информация о формулах и законах, которые применяются в данном проекте.

Вычисления строятся на следующих предположениях:

1. Движение происходит в плоскости, поэтому для описания движения необходимо 2 координаты.
2. Считаем, что движение происходит вблизи поверхности некоторой планеты, поэтому ускорение тела мы запрашиваем у пользователя.
3. Мы пренебрегаем сопротивлением воздуха, следовательно, ускорение будет направлено только к поверхности планеты.

Вычисления производятся на основе формул для определения движения тела, брошенного под углом к

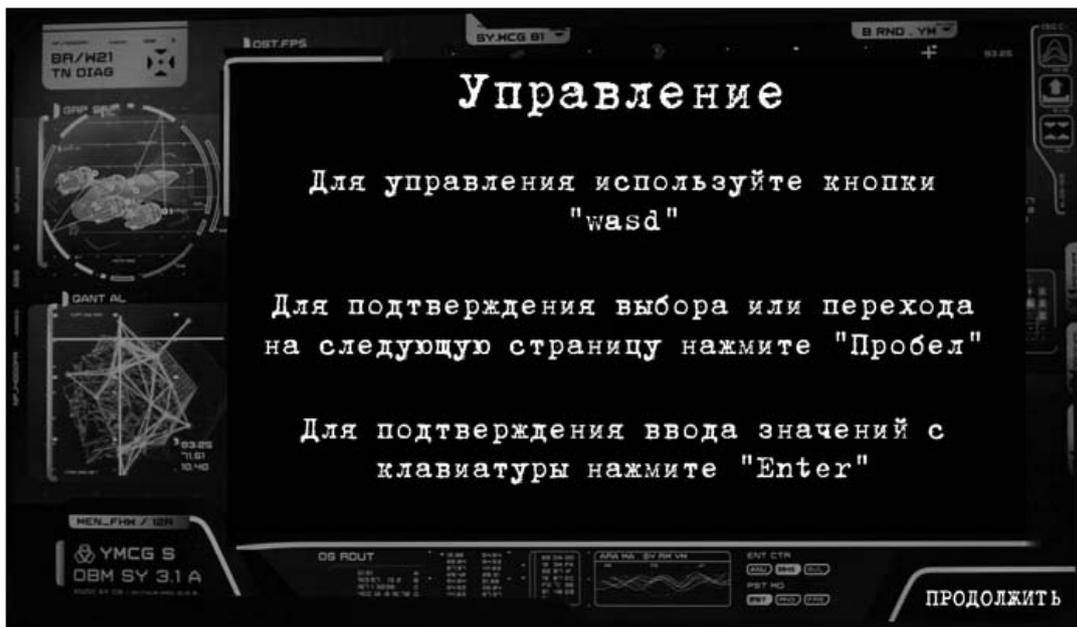

Рис. 1. Управление

Рис. 2. Главное меню

горизонту.

Для начала получим формулы для случая движения тела, брошенного горизонтально. Для этого выразим проекции скорости и координаты через модули векторов.

$$\begin{cases} v_x = v_0 \\ v_y = -gt \\ x = v_0 t \\ y = y_0 - \frac{gt^2}{2} \end{cases}$$

Для того чтобы получить уравнение траектории, выразим время t из уравнения координаты x и подставим в уравнение для y :

$$\begin{cases} t = \frac{x}{v_0} \\ y = y_0 - \frac{g \left(\frac{x}{v_0}\right)^2}{2} = y_0 - \frac{gx^2}{2v_0^2} \end{cases}$$

Таким образом, между координатами квадратичная зависимость, траектория – парабола.

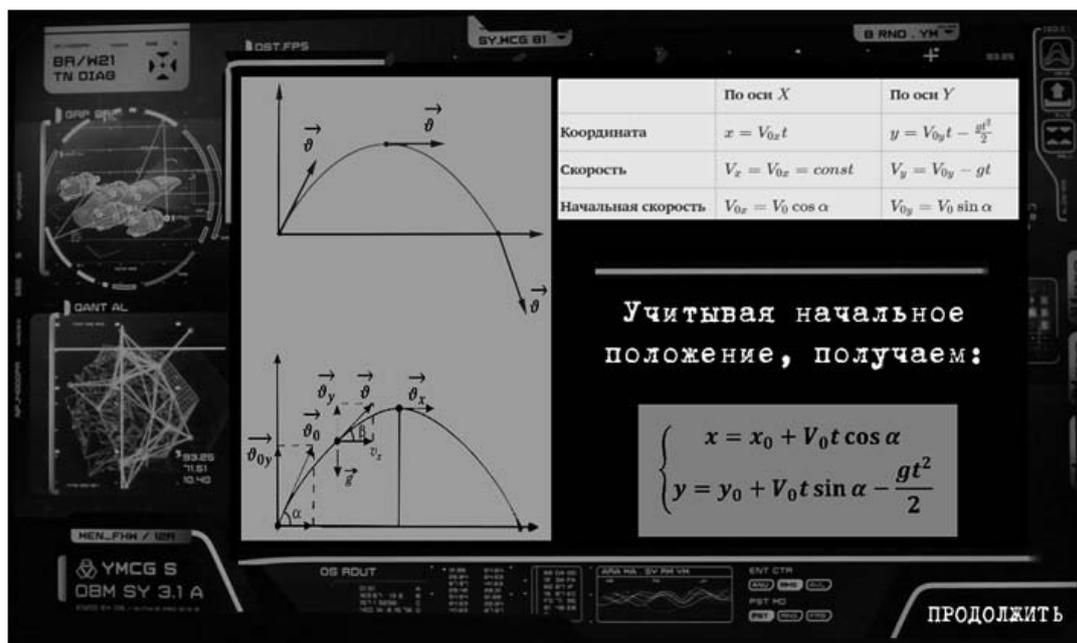

Рис. 3. Справка

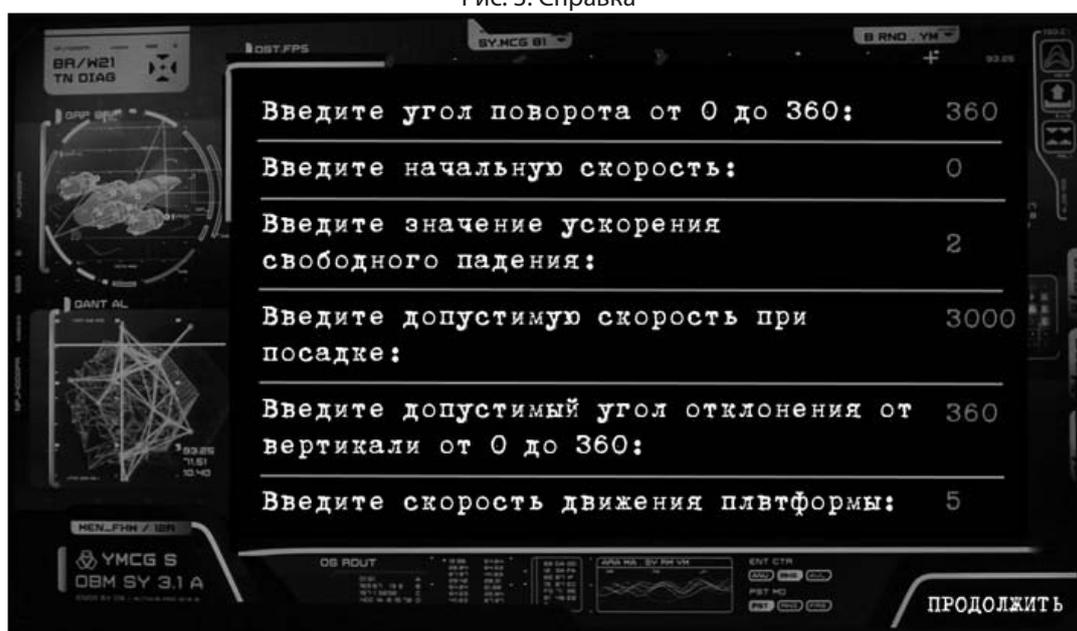

Рис. 4. Запрос входных данных

Теперь получим формулы для тела, брошенного под углом к горизонту. Порядок действий аналогичен предыдущему. Решим задачу для случая $x_0=0$ и $y_0=0$.

$$\begin{cases} v_x = v_{0x} \cos \alpha \\ v_y = v_{0x} \sin \alpha - gt \end{cases}$$

$$\begin{cases} x = v_x t = v_{0x} t \cos \alpha \\ y = v_{0y} t - \frac{gt^2}{2} = v_{0y} t \sin \alpha - \frac{gt^2}{2} \end{cases}$$

Докажем, что траекторией движения и в этом случае будет парабола. Для этого нам необходимо выразить координату Y через X. Уравнение траектории теперь имеет вид:

$$y = v_{0y} \frac{x}{v_{0x}} - \frac{g}{2} \left(\frac{x}{v_{0x}} \right)^2 = \frac{v_{0y}}{v_{0x}} x - \frac{g}{2v_0^2} x^2$$

Мы получили квадратичную зависимость между координатами. Значит траектория - парабола.

Найдем время полета тела от начальной точки до точ-

Рис. 5. Платформы

Рис. 6. Движение ракеты

ки падения. В точке падения координата по вертикальной оси $y=0$. Таким образом, нам необходимо решить уравнение:

$$v_{0y}t - \frac{gt^2}{2} = 0$$

Оно будет иметь решение при $t=0$, следовательно, получаем:

$$t_{\text{пол}} = \frac{2v_{0y}}{g} = \frac{2v_0 \sin \alpha}{g}$$

Скорость тела в любой момент времени направлена по касательной к траектории движения (параболе) и равна:

$$v = \sqrt{v_x^2 + v_y^2} = \sqrt{v_0^2 \cos^2 \alpha + (v_0 \sin \alpha - gt)^2}$$

После запуска основной части проекта через кнопку «Начать» происходит запрос входных данных (рис. 4).

Так же у пользователя просят выбрать платформу, на которую будет совершаться посадка (рис. 5).

Затем происходит имитация поведения ракеты в поле тяготения планеты N. Задача пользователя: совершить удачную посадку на платформу. Для этого можно поворачивать ракету и запускать тягу.

Посадка может иметь 2 исхода: она может быть удачной (рис. 7) и неудачной (рис. 8).

Рис. 7. Удачная посадка

Рис. 8. Неудачная посадка

Подводя итоги, можно сказать, что была разработана и реализована программа, написанная на мультипрограммном языке PascalABC.NET, имитирующая поведе-

ние условной ракеты в поле тяготения планеты N. Таким образом, все поставленные задачи решены, и цель работы достигнута.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Осипов, PascalABC.NET: Введение в современное программирование. - Ростов-на-Дону, 2019.
2. Белоногов Г.Г., Кузнецов Б.А. Языковые средства автоматизированных информационных систем. Наука, - 1983.
3. Яковлев И.В., Физика. Электронное издание.

© Георгиева Марьяна Альбековна (maryana.g@list.ru), Езаова Алёна Георгиевна (alena_ezaova@mail.ru), Арванова Саният Мухамедовна (sani_07@mail.ru), Блиева Оксана Зауровна (roksy_85@mail.ru), Георгиева Ирина Альбековна (irka2725@mail.ru), Тлепшева Диана Ануаровна tliepshieva@list.ru ()

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОВОРКИНГ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ РЕШЕНИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ РЕАЛИЗАЦИИ БЕНЧМАРКИНГОВЫХ ПРОЕКТОВ В ОБРАЗОВАНИИ

Изыумникова Снежана Андреевна

Соискатель, ФГБОУ ВО «Южно-Уральский
государственный гуманитарно-педагогический
университет»
izyumnikovasa@cspu.ru

COWORKING AS A TOOL FOR SOLVING URGENT PROBLEMS OF IMPLEMENTING BENCHMARKING PROJECTS IN EDUCATION

S. Izumnikova

Summary: The article focuses on the study of the theoretical and methodological foundations of coworking as one of the forms of the learning process. Its influence on solving problems related to the implementation of benchmarking projects is considered, as a result, increasing the competitiveness of students and improving their professional qualities.

Keywords: coworking, coworking environment, prefigurative communication, benchmarking project, coworking practice in the educational sphere, improving the effectiveness of teaching methods.

Аннотация: В статье акцент делается на исследование теоретических и методологических основ коворкинга как одного из форм процесса обучения. Рассматривается его влияние на решение проблем, связанных с реализацией бенчмаркинг-проектов, вследствие чего, повышение конкурентоспособности обучающихся и улучшению их профессиональных качеств.

Ключевые слова: коворкинг, коворкинг-среда, префигуративное общение, бенчмаркетинговый проект, практика коворкинга в образовательной сфере, повышение эффективности методов обучения.

Говоря о такой форме организации процесса обучения как коворкинг следует отметить, что он включает в себя комфортные условия, инновации, а также работу в команде, которая, в свою очередь, направлена на покорение единой общей цели для всех участников образовательного процесса. Коворкинг, как относительно новая форма организации образовательного пространства нуждается в систематизации знаний о нем, понимание перспектив его развития как для обучающегося, так и для преподавателя.

Можно заметить, что существует недостаточность в понимании сущности коворкинга и какие возможности он представляет для обучающихся, в чем его основные отличия от традиционных форм организации процесса обучения. Не разработанность данного процесса мы можем наблюдать как в зарубежной практике образования, так и на территории Российской Федерации.

Ежегодно мир видоизменяется вследствие усовершенствования производства, расширением сферы оказываемых услуг и внедрением цифровых технологий. Данные явления не обошли стороной и образовательную сферу. Модификация и трансформация образования стали точкой отчета для появления такого явления как коворкинг. Коворкинги были придуманы для создания единого трудового пространства для специалистов различной направленности, с целью получения передо-

вого продукта их совместной деятельности. Коворкинг представляет собой динамичную организацию рабочего пространства и направлен на формирование группы представителей единой идеи и деятельности, направленной на обмен передовыми достижениями и опытом.

В образовательной сфере мы будем рассматривать коворкинг как объединение образовательных организаций и социальных партнеров, образующим междисциплинарную среду, в которой будут осуществляться взаимодействие разных субъектов, имеющих целью создание нововведений. Бесспорно, инновационные идеи появляются при создании творческой атмосферы, в условиях которой существует возможность обмениваться знаниями, тем самым, получать опыт практической деятельности, а также претворять в жизнь воспитание конкурентоспособной личности.

К одним из главных особенностей, которые выделяются в образовательном коворкинге будут относиться: открытость пространства, проектирование разнообразных кейсов и деловых игр, применение принципов сетевого образования, выстраивание отношений преподаватель / обучающиеся в префигуративном ключе.

Говоря о таком понятии как "образовательный коворкинг", мы понимаем следующее, что это форма организации работ, направленных на изменение деятельности и

мышления как отдельного обучающегося, так и педагогического коллектива в целом, которые решают практические задачи в определенной сфере профессиональной деятельности. Не стоит забывать, что образовательных коворкинг направлен на профессиональный рост и саморазвитие как обучающегося, так и преподавателя.

Создавая коворкинговое пространство в образовании, мы получаем универсальное средство развития личностных качеств обучающегося. Данное пространство представляется возможным использовать для организации работы с разновозрастными обучающимися. Для студентов, обучающихся в высших учебных заведениях коворкинг будет являться эффективным инструментом профессионального и личностного развития.

Коворкинг способствует развитию потенциала личности обучающегося, его творческих способностей, умению проявлять креативность и самостоятельность в принятии решений, умении осуществлять работу в группе, а также способствует формированию критического и системного мышления.

Как мы отмечали ранее, практика коворкинга в образовательной сфере в Российской Федерации имеет недостаточную разработку. Изменения, которые должны коснуться сферу российского образования – неизбежны. Это происходит, в первую очередь, по причине того, что поколения обучающихся отличаются друг от друга и создается необходимость в изменении подхода к процессу обучения и включение в него коворкинга будет рассматриваться как инновационная форма обучения. При осуществлении организации образовательного коворкинга представляется необходимым учитывать следующие принципы. Рассмотрим основные из них.

Во-первых, принцип открытости, который заключается в умении делиться взглядами, готовностью получить и осмыслить новую информацию формулировать и уметь отстоять свою точку зрения, а также в ходе работы сформировать умения, необходимые для достижения общей поставленной цели. Во-вторых, принцип автономности, отвечающий за независимость в принятии решений по выполнению поставленных вопросов и проявление активной позиции обучающегося в зависимости от его возможностей и сферы интересов. В-третьих, принцип корпоративности, заключающийся в способности учитывать мнения и взгляды на решение проблемы других людей, не подвергая их, при этом, критике и резкому отвержению их идей. Главный показатель принципа корпоративности заключается в ориентации всех членов, например, проектной деятельности на общий результат. В-четвертых, принцип интегративности, указывающий на то, как личность получает развитие и комплексное самообучение. Осуществление организации целенаправленных взаимообусловленных действий, которые

нацелены на достижение общего результата. В-пятых, принцип непрерывности, направленный на динамизм в области получения практических знаний, применение в работе различных источников информации, их критический анализ.

Организация коворкинга в образовании нуждается в разработке последовательных этапов, таких как: актуализация – осуществление подготовки мышления обучающихся к пониманию потребности в выполнении деятельности; концептуализация – процесс определенного набора явлений, признаков, процессов с целью расширения и дополнения имеющихся знаний, полученных опытным путем; проблематизация – определение, поиск и нахождение проблемы и источников, вызвавших затруднение, с целью их дальнейшего разрешения; оптимизация – воплощение в жизнь проекта, помогающего решить видимые проблемы, усилиями всех обучающихся, в следствие чего происходит формирование полипрофессиональной общности.

Говоря о дошкольном образовании, следует отметить, что в нем коворкинг осуществляется через такие формы как бенчмаркинг, методологического коворкинга, а также родительских конференций.

Бенчмаркинг, в данном случае, предполагает внесение в практику дошкольного образовательного учреждения формы организации воспитательно – образовательного процесса, которые могут быть получены в ходе обмена образовательным опытом в открытом пространстве.

В высших образовательных учебных заведениях коворкинг может выступать инструментом для расширения академических контактов обучающихся, что будет способствовать решению проблем, связанных с реализацией бенчмаркингвых проектов.

Образовательный коворкинг представляет собой свободное пространство, где обучающиеся имеют возможность осуществить работу над бенчмаркингвыми проектами в коллективной форме, обмениваться опытом и идеями, реализовать префигуративное взаимодействие студентов с преподавателем.

Рассматривая коворкинг в рамках проектной деятельности, мы можем сказать, что он помогает реализовать проработку как инициированных проектов, так и запустить новые. В то время, когда происходит работа участников над реализацией поставленных задач, обеспечивается более эффективное использование рассматриваемых идей и энергии участников проектной деятельности, осуществляется взаимное обогащение компетенций партнеров по проектной сессии.

Одним из главных отличий проектной сессии от мероприятий образовательного характера будет являться то, что предметом взаимодействия являются не учебные ситуации, а проекты в реальном времени, реализуемые по принципу здесь и сейчас. Притом, что работа ведется силами самой команды проекта, включающей, непосредственно, ее участников, а также руководителя, в данном случае, преподавателя. Основная идея проектной деятельности в образовании – это показать образовательным организациям необходимость введения данной практики в процесс обучения и положительного влияния на него.

В профессиональном образовании организация коворкинга будет предполагать под собой инновационные позиции субъектов, например, ментор проектов или концептолог, что видоизменяет цели и позиции обучающегося.

Реализация формата коворкинга предполагает создание пространственно-временной коворкинговой среды, включающей аудиторный фонд и сетевое воздействие. Необходимо отметить продвижение коворкинга в электронной образовательной среде, имеющей целью привлечение потенциальных информационных партнеров, расширению академических контактов для решения актуальных проблем реализации бенчмаркинг-проектов. Эффективность бенчмаркинг-проекта обеспечивается использованием продуктивных методов, коворкинг занимает одну из лидирующих позиций среди них.

Суть бенчмаркинг-проекта в образовательной сфере заключается в отображении направления выбранной деятельности и выявлении связи между дисциплинами, обучающиеся должны понимать особенности своей работы. Поэтому сбор информации и анализ данных, чаще всего, являются первыми ступенями к разработке стратегии проекта. Одним из этапов бенчмаркинг-проекта будет анализ конкуренции в выбранной сфере деятельности. После того, как все результаты получены, изучены и обсуждены, происходит их внедрение и применение на практике. Для обсуждения идей между обучающимися используется метод коворкинга. Вдобавок, коворкинг осуществляет функцию обеспечения консультационного и экспертного педагогического сопровождения реализации бенчмаркинг-проектов, развертывания разнообразных форм бенчмаркинг-научно-практических площадок, представляющих лучшие практики в актуальных сферах деятельности.

Эффективность влияния коворкинга на решение проблем, связанных с реализацией бенчмаркинг-проектов, определяется освоением коворкинг-сервисов, формированием системы ценностей, мотивов и целевых установок для ориентации на передовые прак-

тики, а также вовлечением обучающихся в неформальную практико-ориентированную среду и стимулирующую самостоятельную творческую работу.

Коворкинг способствует изменению отношения к обучению, так как он создает комфортные условия для каждого, кто испытывает нужду в осуществлении задуманных идей. Границы коворкинга – гибкие, они могут расширяться, все зависит только от индивидуальных предпочтений каждого, кто включен в данное пространство.

На актуальном этапе развития образования в Российской Федерации существует потребность в переходе от позиции передачи готовых знаний преподавателя к совместному творческому поиску новых знаний, что, в свою очередь, развивает креативность, самостоятельность и мобильность обучающегося.

Коворкинг, при использовании его в бенчмаркинг-проектах, представляет собой работу с информацией по индивидуальной траектории, что предоставляет возможность обучающемуся определить междисциплинарные и метапредметные связи. Начиная изучение какой – либо дисциплины, обучающийся осознает, что ему недостаточно получение знаний от одной дисциплины для полного их усвоения и закрепления. Учащийся имеет возможность полученные знания использовать для применения в другой дисциплине, вследствие чего у него создается целостная картина процесса обучения, тем самым, он приходит к пониманию всю связь предложенных ему для изучения дисциплин.

Коворкинг в проектной деятельности способствует развитию у обучающегося самостоятельного планирования, организации и контроля своей деятельности, формированию личности, умеющей быть конкурентоспособной в различных сферах деятельности.

В ходе изучения проблемы коворкинга как инструмента расширения академических контактов для решения актуальных проблем реализации бенчмаркинг-проектов представляется возможным прийти к выводу, что существует необходимость в создании стимулирующих условий и пространства, которые, в свою очередь, будут способствовать реализации инновационных тенденций. Развитие коворкинга как открытого учебного пространства поможет обучающимся в реализации бенчмаркинг-проектов. Желательно, чтобы организация данного пространства было свободным, неформальным и включать в себя зоны для групповой работы над проектами.

В дальнейшем, образовательный коворкинг будет являться компонентом системы непрерывного образования, ведь предоставляет обучающимся возможность

реализовать свои актуальные потребности и идеи в соответствии с уровнем их развития.

Коворкинг в образовательной сфере находится на начальном этапе своего становления, однако, внедрение его в практику образовательных программ, в частности, проектной деятельности, становится все более частым явлением. Это связано, прежде всего, с возможностями, которые получают обучающиеся, использующие коворкинг как один из инструментов решения поставленных задач.

В современных условиях глобального мира информационное общество все больше обращено к цифровизации образования. Оно, в тоже время, предъявляет абсолютно новые критерии к уровню подготовки педагогов и обучающихся, а именно, владение навыком работы с большим объемом информации. В данной ситуации, желательно, организовать префигураивное взаимодействие между преподавателем и обучающимися для более эффективного и быстрого обмена информацией. В этом случае, проектная деятельность будет представлять для обучающихся и обучающихся широкие возможности для самореализации и раскрытия потенциальных резервов в условиях равнопартнерских отношений, формировать готовность преподавателя к префигуративному взаимодействию, являться средством выстраивания учебного диалога.

Таким образом, образовательный коворкинг представляет собой динамическую, сложносочиненную структуру, особенностью которой является самоорганизация, достигающаяся путем неформального сотрудничества участников коворкинга, а также, четко организованным и целеустремленным действиям его

организаторов. При этом, организаторы (преподаватели) имеют перед собой четкую цель – развитие системного и критического мышления у обучающихся.

В частности, коворкинг образования помогает наделять смыслом взаимодействие педагога и обучающегося в префигуративном формате, которое, в свою очередь, показывает важность данного явления как для одной стороны, так и для другой.

К сожалению, применение коворкинга в образовании еще не имеет достаточного уровня развития, его понятие практически не сформировано и не используется как новая технология так часто, как хотелось бы. Между тем, коворкинговая среда является одним из важнейших факторов в осуществлении успешной проектной деятельности в образовании, в том числе, бенчмаркингových проектов.

Образовательный коворкинг имеет возможность обеспечить высокое качество оказываемых образовательных услуг обучающемуся, которое, в дальнейшем, будет способствовать развитию его как профессионала в своем направлении. Данный педагогический инструмент обучает гибкому и оперативному реагированию на рабочие ситуации, решению сложных вопросов в командном ключе и формированию у себя новых компетенций.

Применение коворкинга в образовании будет способствовать формированию и развитию междисциплинарной, творческой среды взаимодействия обучающихся, в которой будет отсутствовать всеобщий контроль и претворены в жизнь условия для раскрытия потенциала личности обучающегося, не ограниченные при этом временными рамками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Данилов И. Бенчмаркинг – эффективный инструмент повышения конкурентоспособности // Стандарты и качество. – 2005. - №1.
2. Бабанский, Ю.К. Проблемы повышения эффективности педагогических исследований: (Дидактический аспект). – М.: Педагогика, 1982. – 192 с.
3. Базовая модель компетенций наставника проектного обучения. Академия наставников academy.sk.ru [Электронный ресурс] : URL: <http://sykt-uo.ru/files/.pdf>
4. Белосудцева, Н.В. Готовность студентов СПО к профессиональной деятельности / Н. В. Белосудцева, О.В. Петунин // Профессиональное образование в России и за рубежом. – 2015. – № 2 (18). – С. 91-94.
5. Бесчасная, А.А. Исследование префигуративных аспектов современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12, вып. 4. – С. 297-316.
6. Бугайчук, Т.В. Концепция социализации взрослых средствами дополнительного профессионального образования / Т.В. Бугайчук, О.А. Коряковцева, А.Ю. Куликов, И.Ю. Тарханова // Ярославский педагогический вестник. 2016. – №1. – С. 131-135.
7. Баринов М.В., Бенчмаркинг как инструмент повышения конкурентоспособности предприятия//Молодой ученый. – 2015. - №20. [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/archive/100/22618>

© Изюмникова Снежана Андреевна (izyumnikovasa@cspu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИП СИТУАТИВНОСТИ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОММУНИКАТИВНОГО ПОДХОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ АВИАЦИОННОМУ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

PRINCIPLE OF SITUATIVENESS IN THE PROCESS OF IMPLEMENTING A COMMUNICATIVE APPROACH IN AVIATION ENGLISH TEACHING

*L. Kopreva
N. Naumenko*

Summary: The article describes the principle of situativeness as a didactic technique in teaching a language. The functions of the principle of situativeness, the main types of situations of communication and requirements for them are determined. An example of learning the principle of situativeness was the tasks developed by teachers in Aviation English based on the principle of system value. The relevance of the situativeness principle study is associated with the search for new reserves for improving the teaching of a foreign language in an aviation university. The authors come to the conclusion that communicative competence as a goal of teaching can be achieved under the condition of modeling typical situations of the pilot's professional activity in the educational process.

Keywords: language for specific purposes (LSP), the principle of situativeness, communicative competence, modeling of professional communication situations.

Копрева Лариса Геннадиевна

*К.филол.н., доцент, Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
successfulways42@mail.ru*

Науменко Наталья Павловна

*старший преподаватель, Краснодарское высшее военное
авиационное училище летчиков
ladoshan88@mail.ru*

Аннотация: Статья описывает принцип ситуативности как дидактический прием при обучении языку. Определяются функции принципа ситуативности, основные типы ситуаций общения и требования к ним. Примером обучения принципу ситуативности послужили задания, разработанные преподавателями по дисциплине «Авиационный английский язык» на основе принципа системной ценности. Актуальность исследования принципа ситуативности связана с поиском новых резервов совершенствования обучения иностранному языку в авиационном вузе. Авторы приходят к выводу, что коммуникативная компетенция как цель обучения может быть достигнута при условии моделирования в учебном процессе типовых ситуаций профессиональной деятельности летчика.

Ключевые слова: язык для специальных целей, принцип ситуативности, коммуникативная компетенция, моделирование ситуаций профессионального общения.

При формировании коммуникативной компетенции как основной цели языкового образования в техническом вузе идет постоянный поиск технологий, методов, принципов и приемов обучения, которые бы делали сам процесс обучения более эффективным и привлекательным как для преподавателей, так и для обучающихся.

Среди общедидактических принципов обучения иностранному языку признаются принцип коммуникативности, ситуативности, индивидуализации и новизны. Считается, что они не зависят от целей и условий обучения и их применение носит достаточно универсальный характер.

Целью данной статьи является изучение принципа и функций ситуативности, методов для создания учебно-речевых и речевых ситуаций, приближенных к реальной действительности. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: 1) дать определение понятию «ситуативность»; 2) рассмотреть функции принципа ситуативности; 3) проанализировать основные типы ситу-

аций; 4) выявить определенные требования к ситуации общения; 5) привести примеры реализации принципа при обучении авиационному английскому языку.

Исследуемый аспект нашел свое отражение в работах таких ученых, как Э.Г. Азимов, Е.И. Пассов, А.Н. Щукин, И.М. Берман, И.А. Зимняя, В.А. Бухбиндер, М.Л. Вайсбурд, Р.П. Мильруд и др.

Несмотря на глубокое изучение данной проблемы, в современной терминологии еще не существует единого подхода к определению ситуативности.

Рассмотрим дефиниции термина. Так, авторы нового словаря методических терминов и понятий Э.Г. Азимов и А.Н. Щукин предлагают такое определение: «ситуативность представляет собой характерную особенность речи, выражающуюся в том, что речевые единицы в смысловом и временном параметрах в основном соотносятся с ситуацией и формируют потенциальный контекст определенного масштаба» [1, с. 137]. По мнению Е.И. Пассова, «сущность ситуативности заключается в

том, что ее реализация едва ли возможна без личностной индивидуализации, потому как создание ситуации предполагает только хорошее знание потенциальных собеседников, их знаний, мировоззрения и возможностей» [14, с. 65].

Как указывают методисты И.М. Берман и В.А. Бухбиндер, «ситуативность – это качество речи, ее свойство отражать ситуацию языковыми и определенными языковыми средствами – элементами высказывания, в частности – его лексическим, грамматическим составом и ритмомелодическим оформлением» [3, с. 186]. В одной из своих работ М.О. Матис характеризует данное понятие следующим образом: «смысл ситуативности раскрывается в том, что ее осуществление невозможно без личностной индивидуализации, так как создание на занятии ситуаций как системы взаимоотношений возможно только при хорошем знании потенциальных собеседников, их личного опыта, контекста деятельности, интересов, их статуса в коллективе» [11].

Весьма интересно мнение известного исследователя в области преподавания иностранных языков А.Н. Щукина, утверждающего, что «принцип ситуативности предполагает такую организацию и проведение занятий, при которых введение и закрепление учебного материала проводятся с использованием тем и ситуаций общения, отражающих содержание избранной для занятий сферы общения» [18, с. 173].

Нам близка позиция И.А. Зимней, рассматривающей понятие «ситуативность» как «принцип, означающий, что весь процесс обучения иностранным языкам происходит на основе и при помощи ситуаций [5, с. 30]. Ведь известно, что любая речевая деятельность обусловлена ситуацией, т.е. «условиями (обстоятельствами, целью и т.п.), на которых выстраивается данное высказывание» [13, с. 82].

Таким образом, ситуативность определяет выбор необходимых языковых средств для решения коммуникативных задач и предполагает их использование в различных жизненных ситуациях. При обучении языку для специальных целей, в нашем случае – авиационному английскому языку, принято говорить о контекстном обучении, подчиняющем содержание и логику изучения учебного материала потребностям профессиональной деятельности [9, с. 1066] и об учете межпредметных связей, которые позволяют моделировать ситуации и учебную деятельность обучаемых и способствуют выработке профессионально важных качеств авиационного специалиста [7, с. 91].

Т.А. Мальковская отмечает двойную функцию междисциплинарного подхода при формировании комму-

никативной компетенции, который, с одной стороны, облегчает понимание текстов профессиональной направленности, позволяет проводить языковые параллели для выбора терминологических соответствий через понимание процесса или описания ситуации, а с другой стороны, это способ для обучаемого пополнить арсенал специальных знаний за счет использования возможностей иностранного языка с целью получения новой информации. Это, безусловно, способствует повышению мотивации к обучению, так как подчеркивает связь между иностранным языком и будущей специальностью [10, с. 125].

О.А. Калашникова видит возможности языковой дисциплины в профессиональной подготовке летчиков в расширении знаний обучаемых по основной специальности путем обучения ее понятийному аппарату, посредством раскрытия ключевых тем авиационной направленности с помощью аутентичных материалов, формирующих представление о современной зарубежной и отечественной авиационной технике, истории ее развития, инфраструктуре аэропортов и военных аэродромов, метеорологическом обеспечении полетов, авиационной безопасности и безопасности полетов и, что особенно важно, в обучении приемам ведения радиообмена по стандартам ИКАО [6, с. 11-12].

Поскольку речевые навыки формируются на базе условно-речевых и речевых упражнений, воспроизводящих действительное речевое общение, учебный процесс у обучающихся не должен прерываться. Как отмечает Е.И. Пассов, «для формирования речевого навыка в определенных условиях необходимо овладение переносом его в нужные ситуации, ставя перед говорящими новые задачи. Справиться с этим можно только в том случае, если речевые навыки как основа умения потенциально способны к переносу. Условием создания ситуативной гибкости речевого навыка являются речевые ситуации» [14, с. 230].

Выдающийся российский лингвист, методист и педагог Р.П. Мильтруд в статье «Речевая ситуация как методический прием обучения» отмечает, что «ситуативная направленность обучения позволяет осуществить стопроцентную ориентированность на активную речевую коммуникацию [12, с. 38].

Е.И. Пассов полагает, что ситуация служит условием развития умения, способствующего развитию механизмов речевого высказывания: механизма дискурсивности, упреждения, выбора» [15, с. 106]. Автор выделяет следующие функции ситуации на занятиях по иностранному языку, имеющие существенную значимость в организации образовательного процесса:

1. формирование речевых навыков, способных к переносу, т.е. использование их в новых ситуациях, не имевших места в процессе обучения;
2. способ мотивации речевой деятельности;
3. условие развития речевого умения;
4. способ преподнесения материала;
5. основа организации материала [14, с. 48].

Обратимся к высказыванию Н.Д. Гальскова и Н.И. Гез, утверждающих, что практическая функция ситуаций – «создавать мотив и потребность высказывания, способствуя выдвижению гипотез и предположений» [4, с. 199].

Далее рассмотрим основные типы ситуаций, от использования которых главным образом определяется характер решения поставленных вопросов. В своей работе мы отталкиваемся от классификации Е.И. Пассова, систематизирующего их по следующим принципам:

1. «По принципу адекватности процессу коммуникации ситуации могут быть естественными, когда существует определенный круг явлений, побуждающих к высказыванию, независимо от того, сформирован ли этот круг, или он уже существовал; искусственными, т.е. представленными образительными средствами или отображениями.
2. По способу воссоздания ситуации классифицируются как внеязыковые или экстралингвистические, создаваемые с помощью внеязыковых средств, например, иллюстрациями, макетами; языковыми или лингвистическими, когда стимул создается с помощью описания.
3. По объему высказывания могут быть: микроситуации, включающие две-три реплики; макроситуации, представляющие собой полноценный диалог» [13, с. 50].

Известно, что в процессе учебной деятельности обучающиеся вступают в определенные взаимоотношения. Исходя из этого, Е.И. Пассов и А.М. Стояновский предлагают четыре вида ситуаций:

1. социально-статусные взаимоотношения;
2. ролевые взаимоотношения;
3. отношения совместной деятельности;
4. нравственные взаимоотношения [16, с. 19].

Как показывает анализ методической литературы, существует ряд определенных требований к ситуациям общения. Так, А.А. Алхазисвили выдвигает следующие правила:

1. содержание ситуации должно вводиться в учебную обстановку вербальным или графическим путем, т.е. с помощью текстов, рисунков и соответствовать системе потребностей обучающихся;
2. соблюдение правильного соотношения длительности ситуаций общения с уровнем владения обучающимися устной речью;

3. организация речевой активности обучающихся с целью создания равного участия всех членов группы в обсуждении возникшей проблемы [2, с. 75].

Л.В. Скалкин определяет требования к условиям ситуации, вызывающим речевое воздействие обучающихся:

1. заинтересовать обучающихся;
2. учитывать жизненный опыт обучающихся: чем больше мы опираемся на их жизненный опыт, тем меньше информации приходится давать об условиях ситуации;
3. условия ситуации должны сообщаться в максимально компактной, лаконичной форме, т.к. стимулирующая сила ситуации, или ее эффективность, определяется отношением между объемом речевой реакции и описанием ситуации;
4. предусматривать языковые возможности обучающихся [17, с. 27].

Р.П. Мильруд особо подчеркивает важность стимула общения, оказывающего воздействие на организацию учебного процесса, и рекомендует применять некоторые методы для создания реальной коммуникации на занятии. К ним относятся:

1. когнитивный диссонанс;
2. информационное неравенство;
3. логический тупик.

Смысл когнитивного диссонанса заключается в том, что неожиданная информация порождает коммуникативную потребность (желание выразить чувства, разобраться с проблемой и т.п.). Для успешного и эффективного обучения речевому общению целесообразно организовать работу поэтапно, т.е. обучающиеся должны предварительно ознакомиться с предложенной проблемой, овладеть определенными речевыми средствами для обмена информацией, а также уметь выразить свою точку зрения (согласен / не согласен) по тому или иному вопросу. Добавим, что «процесс учебного речевого общения станет более естественным, если его участники будут владеть разной информацией, т.е. по-разному относиться к обсуждаемым событиям, смотреть на одни и те же обстоятельства под углом зрения различных культур» [12, с. 8].

В качестве примера хотелось бы проанализировать прием работы с первым методом, а именно когнитивным диссонансом. Так, при изучении темы "Emergency situations. Hijacking" («Чрезвычайные ситуации. Угон воздушного судна») на завершающем этапе занятия проводится ролевая игра. Целью ролевой игры является комплексная проверка лексики и основных коммуникативных навыков и умений в основных видах речевой деятельности на материале указанной темы. Обучающи-

еся делятся на три группы: члены экипажа воздушного судна, диспетчер УВД и пассажиры.

Перед участниками ставятся определенные задачи:

1. члены экипажа, заметив подозрительного человека на борту самолета, докладывают об этом командиру;
2. командир, установив связь с диспетчером, оповещает о сложившейся чрезвычайной ситуации;
3. пассажиры, прибывшие по месту назначения, приглашаются для беседы со службой безопасности аэропорта, описывают внешность подозреваемого, поведение.

Представители каждой группы, изучив и проанализировав ситуацию, излагают максимально полную информацию на основании предъявленной проблемы, опираясь на вспомогательные ключевые фразы, демонстрируя оригинальность и продуктивность мышления.

1. *suspicious appearance, unusual / strange behavior,*
2. *flight controller, to report emergent unusual situation, to establish communication;*
3. *middle-aged, average height, look nervous, olive-skinned, to be shaking all over, to behave aggressively, to hide one's eyes, to hold one's hand in the pocket, to look round all the time, to seem / to be intoxicated, to sweat heavily.*

Следует отметить, что для создания ценностного речевого материала в коммуникативном отношении, целесообразно обозначить актуальные вопросы и предметы обсуждения, представляющие собой содержательную сторону общения, подготовив при этом необходимый материал. Так, развивая предъявленную ситуацию, преподаватель предлагает рассмотреть следующие вопросы.

1. Do hijacks often happen nowadays?
2. What are demands and purposes of hijackers in most cases?
3. How can hijackers be identified and prevented from boarding?
4. What types of weapons can be used by hijackers?
5. How can pilots be aware of a real hijack situation?
6. Do you think pilots should have and use handguns in the cockpit and cabin in order to be able to oppose hijackers? Give your reasons.
7. Do you believe it is possible to negotiate with hijackers? Why?
8. What is the best way to protect an aircraft, its passengers and crew?

Другим весьма интересным методом, на наш взгляд, представляется метод информационного неравенства (information gap), предполагающий, что каждый из участников владеет недостаточной информацией для решения познавательной задачи, в то время как отсут-

ствующие знания имеются у других. Суть данного метода состоит в том, «чтобы стимулировать речевое общение между обучающимися, побуждая их систематизировать ситуативные данные, необходимые не только для решения информативных вопросов, а также разрешения внутреннего противоречия» [12, с. 9].

Например, при изучении темы “Emergency situations. Take-off and climb” («Чрезвычайные ситуации. Взлет и набор высоты») преподаватель, распределив обучающихся на две группы, предлагает следующие задания. Первая группа, предварительно изучив материал, представляет аудитории ситуативную информацию: «Возгорание двигателя при взлете» на английском языке.

Участники второй группы выступают в роли экспертов, задают специальные вопросы на английском языке с целью расследовать предложенную проблему:

1. Какой тип воздушного судна выполнял полет? (What type of aircraft made the flight?)
2. Куда направлялся самолет? (What was the destination of flight?)
3. Какое количество пассажиров было на борту самолета? (How many passengers were there on board?)
4. Какова причина возникновения пожара? (What was the cause of the fire?)
5. Каким образом были эвакуированы пассажиры? (In what way were the passengers evacuated?)

Отметим, что только в устном взаимодействии обучающихся происходит обсуждение поставленного вопроса при обмене информацией. Кроме того, в процессе коммуникации есть вероятность возникновения несогласия с той или иной точкой зрения по ситуации, что в дальнейшем может вызвать необходимость участникам отстаивать свое мнение, позицию, тем самым глубже погружаясь в разрешение данной проблемы.

Известно, что с начала эпохи психоанализа, утвердилось зарождение того, что активное мышление и речь – это не просто эффект используемых приемов. Доминирующей целью являлось формирование у обучающихся потребности постоянно узнавать новое и желание разрешить обозначенную проблему, тем самым предотвращая препятствие между движением мысли и слова. И это препятствие в ряде случаев называется логическим тупиком (logical impasse), оказывающимся толчком самого процесса мышления и речи. По утверждению Р.П. Мильруда, «логический тупик – это столкновение развиваемой говорящим мысли с препятствием в форме неожиданных открытий, контраргументов и возражений, а иногда также затруднение в понимании идей, имеющих особую ценность для говорящего» [12, с. 9].

Как вариант, для организации речевого общения при

заданной ситуации преподаватель может применить наглядный материал (презентации, аудио или видеофрагменты). Л.Г. Копрева считает, что «восприятие живых средств воздействия оказывает эмоциональный эффект на обучающихся, при этом яркая наглядность создаёт представление о живых образах, вызывая при этом соответствующие ассоциации. Использование видеофрагментов в целях придания учебному процессу большей коммуникативной направленности, создает дополнительную языковую среду, воспроизводя речевую ситуацию звуковыми и зрительными средствами» [8].

Так, в видеофрагменте "Russian airplane captain safely made an emergency landing after a bird collision", ситуация посадки пассажирского лайнера на брюхо в кукурузном поле стимулирует обучающихся рассмотреть данный случай с точки зрения правильности действий командира воздушного судна и других членов экипажа, при этом выразить свою собственную позицию. Ознакомившись с данным видеофрагментом и опираясь на предложенный план обсуждения, обучающиеся вовлекаются в дискуссию о принятии правильных / неправильных решений в чрезвычайной ситуации:

1. aircraft type and route (тип и маршрут воздушного судна),
2. the cause of emergency (причина чрезвычайной ситуации),
3. consequences (последствия),
4. the actions undertaken by the captain (действия, предпринятые командиром воздушного судна),
5. the result of the crew's actions (результат действий экипажа).

Предполагая, что у обучающихся могут возникнуть затруднения с необходимыми для дискуссии термина-

ми / фразами, преподаватель предлагает к использованию следующие:

- to hit flocks of birds* – столкнуться со стаей птиц
- to hail* – приветствовать
- to pay tribute* – отдавать дань (уважения, восхищения)
- to land the plane smoothly* – посадить самолет беспрепятственно (плавно)
- to suck into the engine* – засасывать в двигатель
- to receive state awards* – получить государственные награды
- to make decisions* – принять решения
- to act in accordance with situation* – действовать согласно ситуации (инструкции).

Как показывает практика, представленные виды работ очень эффективно зарекомендовали себя на занятиях. Учебно-речевые ситуации, приближенные к реальной действительности помогают активизировать речевую деятельность, облегчают процесс усвоения языкового материала, расширяют кругозор, мотивируя обучающихся проявлять больший интерес к свободной коммуникации на английском языке.

В заключение отметим, что овладение иноязычной речью вполне возможно при организации занятий на основе применения принципа ситуативности, делающего процесс обучения общению на изучаемом языке достаточно познавательным, увлекательным и естественным. Предполагается, что обучающиеся получают возможность научиться применять язык в наиболее важных ситуациях профессиональной коммуникации в процессе обучения, поэтому необходимо конкретизировать круг этих ситуаций, значимых тем и определить те языковые средства, без знания которых естественное общение не состоится.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азимов Э.Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Шукин. – Санкт-Петербург: Златоуст, 1999. – 472с.
2. Алхазишвили А.А. Основы овладения устной иностранной речью. М.: Просвещение, 1988. – 128 с.
3. Берман И.М. Основы методики преподавания иностранных языков / И.М. Берман, В.А. Бухбиндер, В. Штраусс. – Киев: Вища школа, 1986. – 334 с.
4. Гез Н.И. Методика обучения иностранным языкам в средней школе / Н.И. Гез, М.В. Ляховицкий, А.А. Мироллюбов, С.К. Фоломкина, С.Ф. Шатилов. – М.: Высш. школа, 1982. – 373 с.
5. Зимняя И.А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. 2-е изд. – М.: Просвещение, 1985. – 160 с.
6. Калашникова О.А. Иностраннный язык как предмет в неязыковом вузе // Современные подходы в обучении профессионально ориентированному языку: Коллективная монография. – Краснодар: КВВАУЛ, 2021. – С. 5-16. – END SEIHKJ.
7. Калашникова О.А. Обучение иностранному языку в авиационном вузе на основе межпредметных связей // Межвузовский сборник научных трудов. – Краснодар: КВВАУЛ, 2021. – С. 89-95. – EDN ILKZKX.
8. Копрева, Л.Г. Подходы и концепции обучения иностранному языку с применением средств наглядности в военном вузе / Л.Г. Копрева // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – № 57. – С. 29–33. – EDN VUYDXX.
9. Мальковская Т.А. Проблемы и опыт создания учебника по иностранному языку для неязыкового вуза / Т.А. Мальковская, Т.В. Рябова // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – Т. 6. – №6. – С. 1064-1070. – DOI 10.30853/ped20210166. – END NAZENQ.
10. Мальковская Т.А. Способы формирования профессиональной коммуникативной компетенции // Современное военное образование как фактор укре-

- пления международного военного сотрудничества: сборник материалов международной научно-методической конференции (посвященной 60-летию обучения иностранных курсантов и слушателей в Краснодарском высшем военном авиационном училище летчиков) — Краснодар: КВВАУЛ, 2020. — С. 122-126. — END OICFHR.
11. Матис М.О. Ситуативность в обучении иностранным языкам. [Электронный ресурс]. URL:<https://nsportal.ru/shkola/inostrannye-azyki/angliiskiy-yazyk/library/2020/01/16/situativnost-v-obuchenii-inostrannym>. (дата обращения: 15.03.2022).
  12. Мильруд Р.П. Приемы и технологии обучения устной речи / Язык и культура. — 2015. — № 1 (29). — С. 104-121.
  13. Пассов Е.И. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного / Е.И. Пассов, Н.Е. Кузовлева. — М.: Русский язык. Курсы, 2010. — 568 с.
  14. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989. — 324 с.
  15. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иностранному языку. — М.: Русский язык, 1985. — 275 с.
  16. Пассов Е.И. Ситуация речевого общения как методическая категория / Е.И. Пассов, А.М. Стояновский // Иностранные языки в школе. — 1989. — № 2. — С. 18-22.
  17. Скалкин В.Л. Речевые ситуации как средство развития неподготовленной речи / В.Л. Скалкин, Г.А. Рубинштейн // Иностранные языки в школе Золотые страницы: журнал в журнале. — 2012. — № 4. — С. 25-33.
  18. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам. Теория и практика. М.: Филоматис, 2007. — 464 с.

© Копрева Лариса Геннадиевна (successalways42@mail.ru), Науменко Наталия Павловна (ladoshan88@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Краснодарское высшее военное авиационное училище летчиков

ТЕАТРАЛИЗОВАННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

THEATRICAL ACTIVITY

**O. Pinigina
A. Gurieva
T. Sergeeva**

Summary: The article presents the results of research work, diagnostics to identify theatrical activities of children according to the methodology of T.S. Komarova. According to the diagnostic results, most children have a high level of development of theatrical activity.

Keywords: theatrical activity, game, fairy tale, approbation, methodology, diagnostics, dramatization game, creativity.

Для развития театрализованной деятельности в первую очередь необходимо создать творческие условия для полноценного развития ребенка. Создавая среду, мы должны создать условия для самостоятельного творчества каждого ребенка.

Все театральные игры можно разделить на две основные группы: режиссерские игры и игры драматизации.

К первой группе – режиссерским играм в детском саду можно отнести настольный, теневой театр, театр на фланелеграфе. Здесь ребенок либо взрослый не является действующим лицом, он создает сцену, ведет роль игрушечного персонажа – объемного либо плоскостного. Он действует за него, изображает его мимикой, интонацией, жестами. Пантомимика ребенка ограничена. Ведь он действует неподвижной либо малоподвижной фигурой, игрушкой. На первый план здесь выступает речь, ее темы, интонация выразительность, дикция [1, стр. 5].

Исследовательская работа проводилась на базе МБДОУ «Майинский ЦРР детский сад «Мичилл» с. Майя Республики Саха (Якутия). Детский сад работает по программе «Истоки» и по базовой программе «Тосхол». В исследовании приняли участие дети старшего дошкольного возраста в количестве 20 человек.

Нами была использована методика Т.С. Комаровой, которая состояла из 3 творческих заданий, направленных на выявление и диагностику критериев.

На основе данной диагностики было выделено три уровня театрализованной деятельности детей старшего дошкольного возраста (Высокий, средний, низкий) по 7

Пинигина Ольга Николаевна

*К.п.н., доцент, ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств»
shangri_la99@mail.ru*

Гурьева Аида Николаевна

Преподаватель, ГАПОУ РС (Я) «Намский педагогический колледж им. И.Е. Винокурова»

Сергеева Татьяна Николаевна

ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств»

Аннотация: В статье представлены результаты исследовательской работы, диагностика по выявлению театрализованной деятельности детей по методике Т.С. Комаровой. По результатам диагностики, у большинства детей выявлен высокий уровень развития театрализованной деятельности.

Ключевые слова: театрализованная деятельность, игра, сказка, апробация, методика, диагностика, игра драматизация, творчество.

критериям и выбраны сказки по программе «Тосхол».

Творческое задание № 1

Разыгрывание сказки «Гуси лебеди»

Цель: разыграть сказку, используя на выбор настольный театр, театр на фланелеграфе, кукольный театр.

Творческое задание № 2

Создание спектакля по сказке «Три поросенка»

Цель: изготовить персонажей, декорации, подобрать музыкальные характеристики главных героев, разыграть сказку.

Творческое задание № 3

Сочинение сценария и разыгрывание сказки

Цель: импровизировать на тему знакомых сказок, подбирать музыкальное сопровождение, изготовить или подобрать декорации, костюмы, разыграть сказку. Результат диагностирования мы видим на таблице 1.

Высокий уровень (18-21 баллов).

Выражает устойчивый интерес к театральному искусству и театрализованной деятельности. Понимает основную идею литературного произведения (пьесы). Творчески интерпретирует его содержание. Способен сопереживать героям и передавать их эмоциональные состояния, самостоятельно находит выразительные средства перевоплощения. Владеет интонационно-образной и языковой выразительностью художественной речи и применяет в различных видах художественно-творческой деятельности. Самостоятельно создает эскизы персонажей и декорации, проявляет фантазию в их изготовлении из различных материалов. Импровизирует с куклами различных систем. Свободно подбирает му-

Таблица 1.

Результат диагностирования

Ф.И. ребенка	Критерий №1	Критерий №2	Критерий №3	Критерий №4	Критерий №5	Критерий №6	Критерий №7	Общий балл	Уровень развития
Ребенок 1	2	2	2	1	2	2	2	13	Средний уровень
Ребенок 2	2	2	2	1	2	1	2	12	Средний уровень
Ребенок 3	1	2	1	1	2	1	2	10	Низкий уровень
Ребенок 4	1	1	1	1	1	1	2	9	Низкий уровень
Ребенок 5	2	2	3	2	2	2	2	15	Средний уровень
Ребенок 6	1	1	1	1	2	1	2	9	Низкий уровень
Ребенок 7	3	3	3	3	3	3	3	21	Высокий уровень
Ребенок 8	1	1	1	1	1	2	3	10	Низкий уровень
Ребенок 9	1	2	2	1	1	1	2	10	Низкий уровень
Ребенок 10	2	2	1	1	2	2	2	12	Средний уровень
Ребенок 11	2	2	1	1	1	1	1	9	Низкий уровень
Ребенок 12	3	2	2	2	3	3	3	18	Высокий уровень
Ребенок 13	1	2	1	2	2	2	3	13	Средний уровень
Ребенок 14	2	2	2	2	2	2	3	15	Средний уровень
Ребенок 15	3	3	3	3	3	3	2	20	Высокий уровень
Ребенок 16	2	2	2	3	2	3	2	16	Средний уровень
Ребенок 17	3	2	2	3	2	3	2	17	Средний уровень
Ребенок 18	2	1	1	2	2	2	3	13	Средний уровень
Ребенок 19	2	2	1	2	2	2	3	14	Средний уровень
Ребенок 20	2	2	2	1	2	2	2	13	Средний уровень

зыкальные характеристики к персонажам или использует ДМИ, свободно поет, танцует. Активный организатор и ведущий коллективной творческой деятельности. Проявляет творчество и активность на всех этапах работы.

Средний уровень (11-17 баллов).

Выражает эмоциональную заинтересованность к театральному искусству и театрализованной деятельности. Обладает знаниями о различных видах театра и театральных профессиях. Понимает содержание произведения. Дает словесные характеристики персонажам пьесы, используя эпитеты, сравнения и образные выражения. Владеет знаниями о эмоциональных состояниях героев, может их продемонстрировать в работе над пьесой с помощью воспитателя. Создает по эскизу либо словесной характеристике-инструкции воспитателя образ персонажа и декорации к спектаклю. Обладает навыками кукловодства, может применять их в свободной творческой деятельности. С помощью воспитателя подбирает музыкальные характеристики к персонажам и единицам сюжета. Проявляет активность и согласованность действий с партнерами. Активно участвует в различных видах творческой деятельности.

Низкий уровень (7-10 баллов).

Малоэмоционален, проявляет интерес к театральному искусству только как зритель. Затрудняется в определении различных видов театра. Знает правила поведения в театре. Понимает содержание произведения, но не может выделить единицы сюжета. Пересказывает произведение только с помощью воспитателя. Различает элементарные эмоциональные состояния героев, но не может их продемонстрировать при помощи мимики, жеста, движения. С помощью воспитателя создает рисунки (эскизы) к основным действиям спектакля. Не может самостоятельно изготовить декорации, персонажи к спектаклю. Обладает элементарными навыками кукловодства, но не проявляет инициативы их продемонстрировать в процессе работы над спектаклем. Затрудняется в подборе музыкальных фрагментов к спектаклю даже с помощью воспитателя. Не проявляет активности в коллективной творческой деятельности. Несамостоятельный, выполняет все операции только с помощью воспитателя [3].

По результатам диагностики в группе 6 детей имеют низкий уровень развития театрализованной деятельности (30%), на среднем уровне находится 11 детей (55%),

на высоком уровне выявлено 3 детей (15%).

Несмотря на то, что результаты диагностики показали в большинстве своем – средний уровень развития театрализованной деятельности детей старшего дошкольного возраста, необходимо отметить тот факт, что в группе на момент проведения исследования присутствует большое количество детей, находящихся на низком уровне развития театрализованной деятельности.

Следовательно, дальнейшую экспериментальную деятельность мы видим в разработке и апробации дидактического пособия «Волшебный стульчик» для театрализованной деятельности детей 5-6 лет.

Реализация идеи «Волшебного стульчика» предполагалась в марте месяце, но из-за возникших проблем с пандемией, апробация проводилась в частной форме на детей своих родственников и соседей. Всего в апробации приняло участие 7 детей.

Для достижения цели, выбрали якутские народные сказки и русские сказки, переведенные на якутском языке, соответствующие возрасту детей и рекомендованные по программе «Тохол». Согласно требованиям карантина, в апробации принимали участие по 1-2 ребенка, поэтому, для облегчения детям игры в выбранных нами сказках присутствуют по 2-3 персонажа.

Во время апробации, дети были заинтересованы волшебным стульчиком, оснащенным разными театрализованными видами такими как: пальчиковые куклы, теневой театр, кукольный театр и т.д. Поэтому, заинтересовать детей разными играми было легко.

Нашей главной целью является развитие театрализованной деятельности, поэтому с детьми на протяжении 2 недель читали сказки «Дьэрэкээн оҕолор», «Лиса и терев», «Вершки и корешки», «Чыычаах Могус икки», разработали картотеку дидактических игр и проводили дидактические игры на развитие эмоционального образа, кукловождения, изобразительно-оформительской деятельности, коллективно-творческой деятельности и др.

В самом начале, познакомили детей с видами театра, которые есть у нашего стульчика, показали в каких театральных видах использовать различные игрушки и дали поиграть детям в ознакомительных целях.

После того как дети познакомились с видами театра, приступили к дидактическим играм.

1. «Смелые мышки», «Изобрази героя» игры на развитие выразительности жестов, мимики, голоса.
2. «Лучшие друзья» игра на обучение детей умению согласовывать свои действия с текстом и с другими детьми.
3. «Изобрази жестом» этюд на развитие выразительности жестов, движений, мимики.
4. «Хвастливый заяц» этюд на развитие умения передавать характер и эмоциональное состояние с помощью мимики и жестов.

После дидактических игр, приступили к чтению сказок с музыкальным сопровождением, вели беседу по прочитанному произведению, для проявления большего интереса к чтению сказки, мы использовали волшебный стульчик. При использовании волшебного стульчика у детей возникала большая заинтересованность к сказкам. Дети внимательно слушали сказку, и в конце

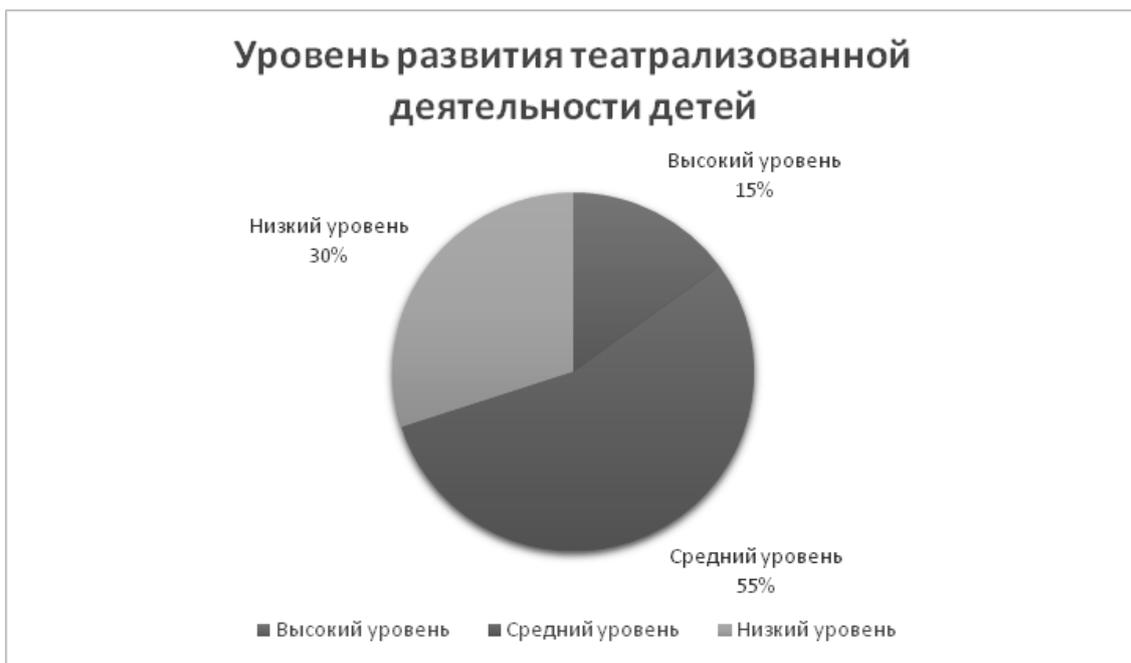

Диаграмма 1. Уровень развития театрализованной деятельности детей

пересказывали произведение от разных лиц.

Пример: Вопросы по сказке «Лиса и тетерев»

- Какую сказку мы прочитали?
- Какие герои присутствуют в сказке?
- Как ты думаешь, обманывать плохо или хорошо?
- Почему Лисица убежала от собак?
- Расскажи немного об этой сказке.

После прочтения сказки, дети показывали сказку при помощи волшебного стульчика. Музыкальное сопровождение и вид театра дети выбирали вместе с воспитателем.

А так же, во время занятий и игр к нам присоединялись родители, показывали вместе с детьми сказку, вместе изготавливали декорации. В свободное время, по инициативе детей или взрослых, дети вместе с родителями играли с волшебным стульчиком, импровизируя на тему

знакомых сказок.

После проведения с детьми развивающих игр, повторно провели диагностирование развития театрализованной деятельности детей.

Контрольный эксперимент проводился по той же методике Т.С. Комаровой, по тем же критериям и уровням.

По итогам повторного диагностирования, у 4 детей выявлен высокий уровень развития театрализованной деятельности, и средний уровень у 3 детей, детей с низким уровнем развития не выявлено.

Анализ показал, что проведённая работа по развитию театральной культуры, способствовала тому, что дети стали проявлять интерес к театральной деятельности и их уровень знания находится на достаточном уровне.

Таблица 2.

Контрольный эксперимент

Ф.И. ребенка	Критерий №1	Критерий №2	Критерий №3	Критерий №4	Критерий №5	Критерий №6	Критерий №7	Общий балл	Уровень развития
Ребенок 1	3	3	3	2	3	2	3	19	Высокий уровень
Ребенок 2	2	3	3	3	2	2	3	18	Высокий уровень
Ребенок 3	2	2	2	3	3	2	3	17	Средний уровень
Ребенок 4	3	3	3	3	3	3	3	21	Высокий уровень
Ребенок 5	3	3	2	2	3	3	2	18	Высокий уровень
Ребенок 6	2	2	2	3	3	2	2	16	Средний уровень
Ребенок 7	2	2	2	3	3	2	3	17	Средний уровень

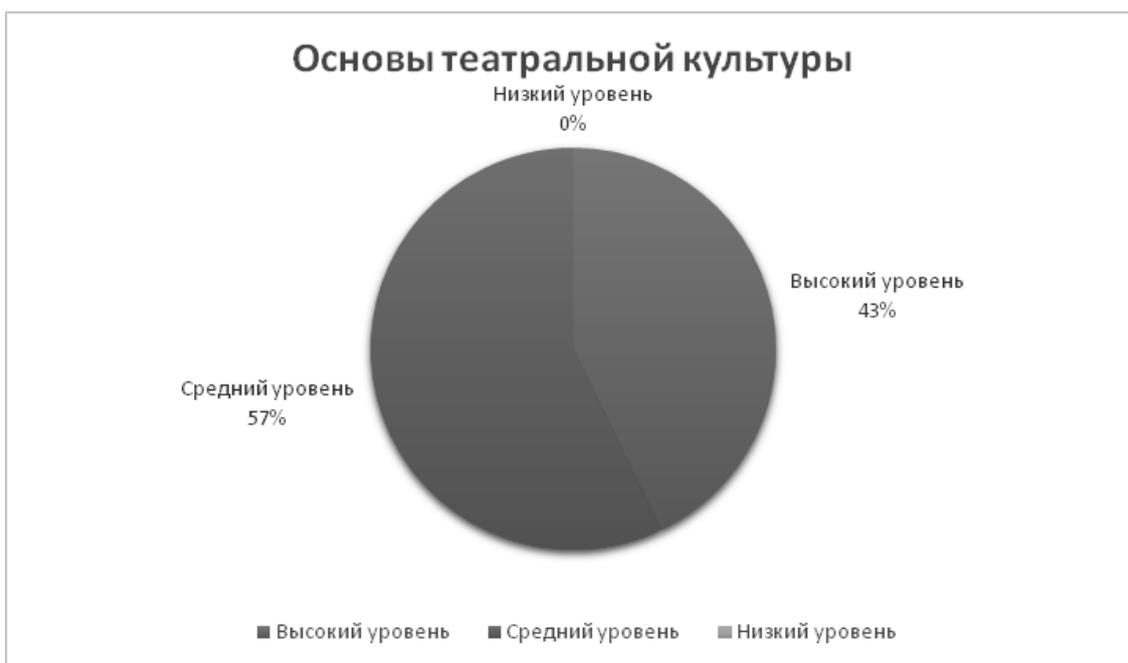

Диаграмма 2. Основы театральной культуры

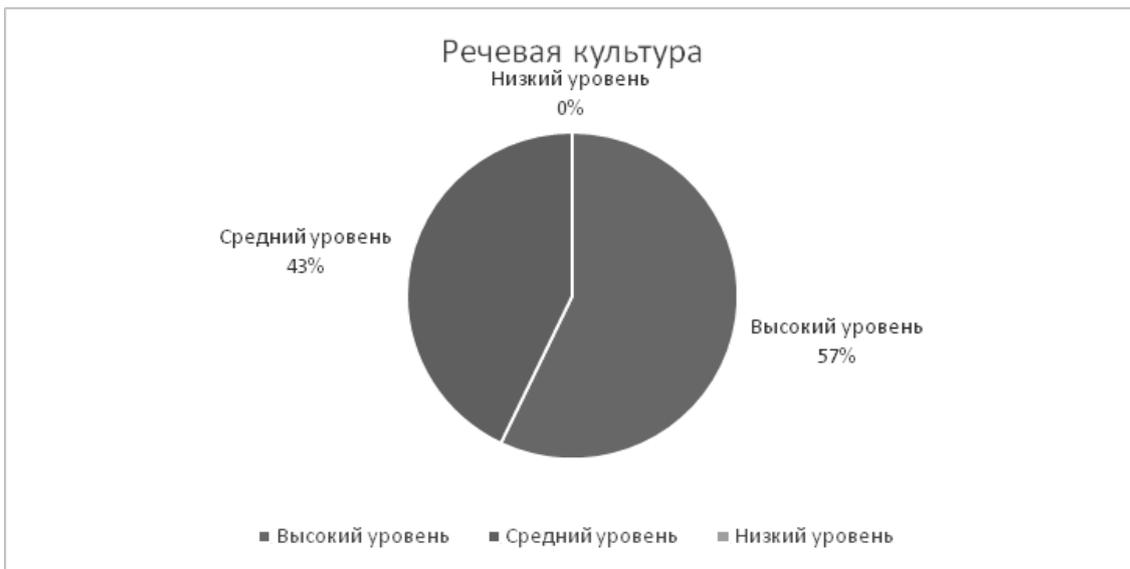

Диаграмма 3. Речевая культура

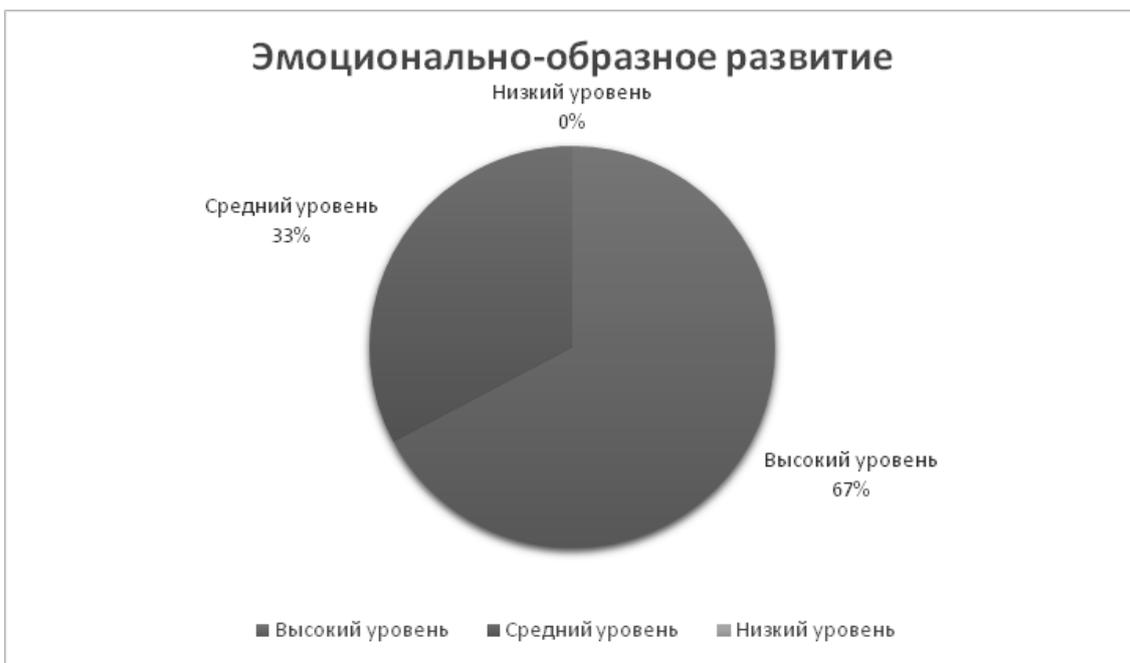

Диаграмма 4. Эмоционально-образное развитие

Анализ показал, что проведённая работа по развитию речевой культуры, способствовала тому, что дети самостоятельно пересказывают произведение, дают подробные словесные характеристики главных героев. Их речевая культура находится на оптимальном уровне.

Анализ показал, что проведённая работа по эмоционально-образному развитию, способствовала тому, что дети владеют знаниями о различных эмоциональных состояниях и могут их продемонстрировать, используя мимику, жест, позу и движение. Их эмоционально-образное развитие находится на достаточном уровне.

Анализ показал, что проведённая работа по развитию навыков кукловождения, способствовал тому, что дети импровизируют, используют навыки кукловождения во время театральной деятельности. Развитие кукловождения у детей находится на оптимальном уровне.

Анализ показал, что проведённая работа по музыкальному развитию, способствовал тому, что дети во время театрализованной деятельности могут передать характер музыки и самостоятельно выбирают музыкальное сопровождение. Музыкальное развитие детей находится на достаточном уровне.

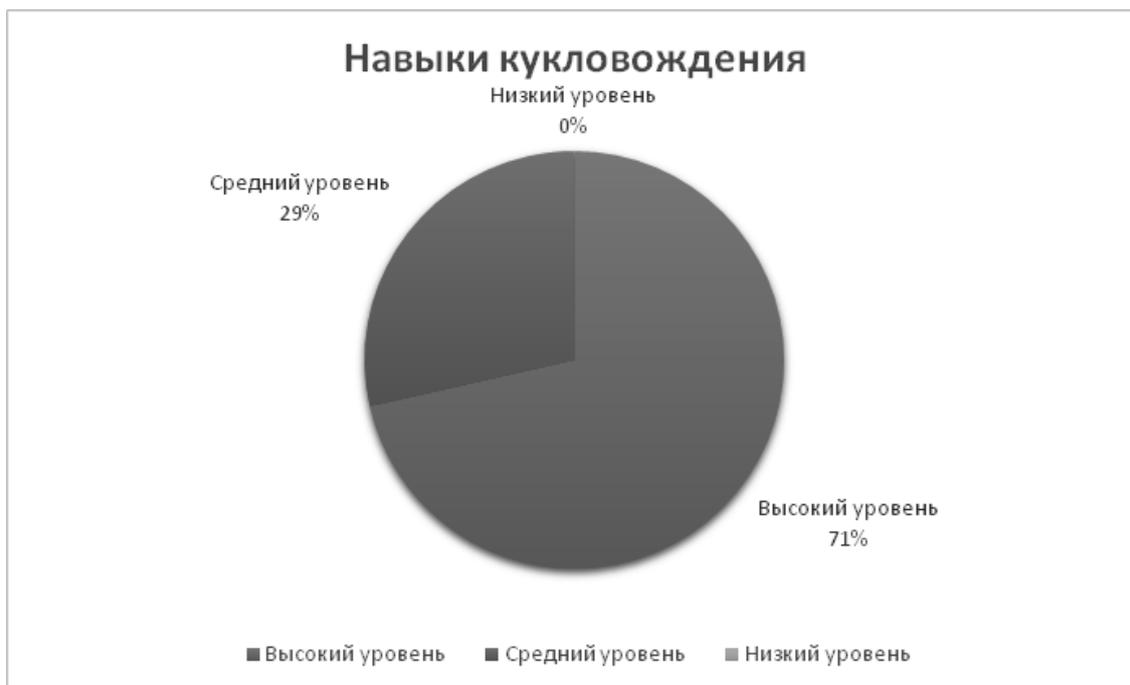

Диаграмма 5. Навыки кукловождения

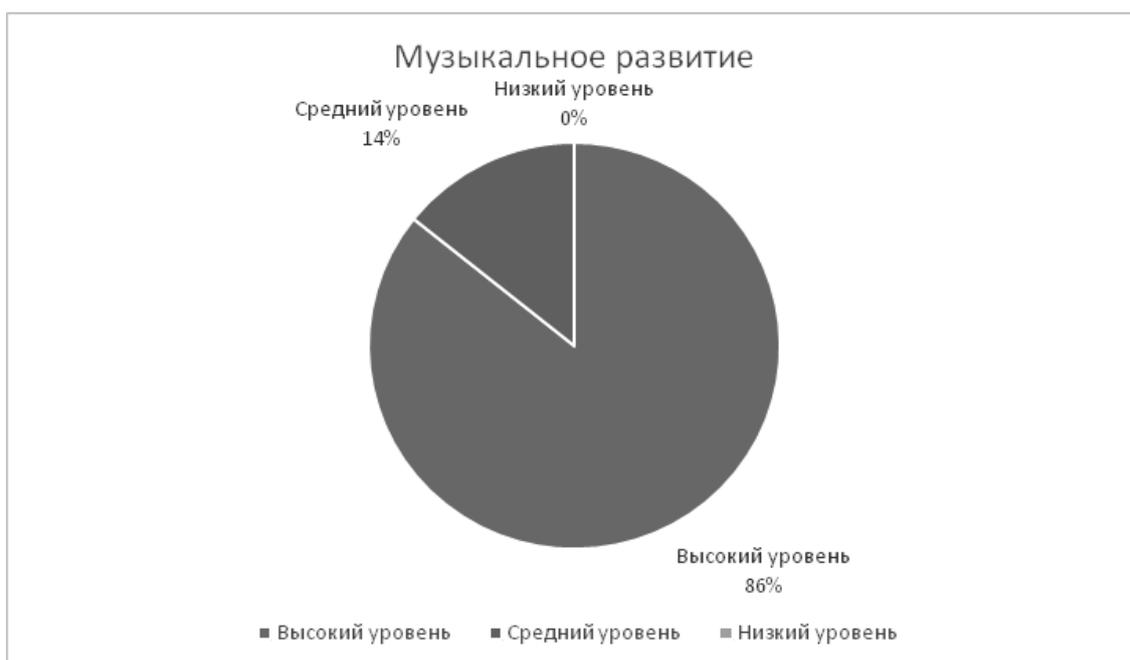

Диаграмма 6. Музыкальное развитие

Анализ показал, что проведенная работа по развитию изобразительно-оформительской деятельности способствовал тому, что дети самостоятельно создают эскизы и декорации к театрализованной деятельности. Их изобразительно-оформительское развитие находится на достаточном уровне.

Анализ показал, что проведенная работа по развитию коллективно творческой деятельности способство-

вал тому, что дети проявляют творческую активность и согласованно работают в коллективе. Коллективно - творческое развитие детей находится на оптимальном уровне.

Как показано на диаграмме, уровень развития театрализованной деятельности детей стало больше, что свидетельствует об успешном применении Волшебного стула. Отсутствуют дети с низким уровнем развития теа-

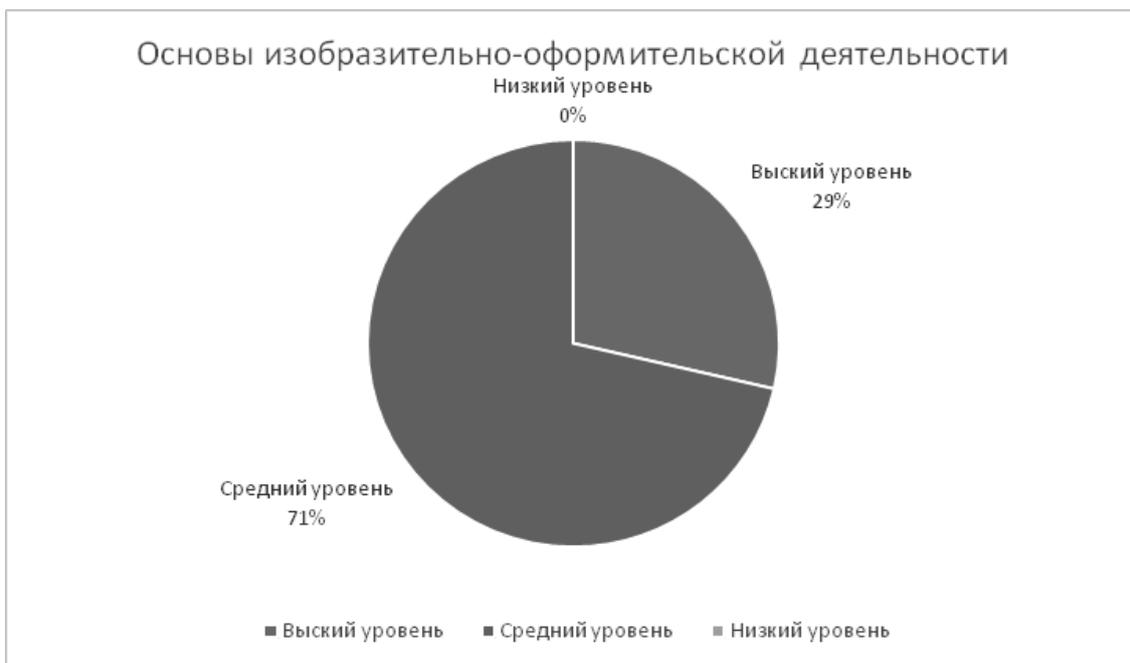

Диаграмма 7. Основы изобразительно-оформительской деятельности

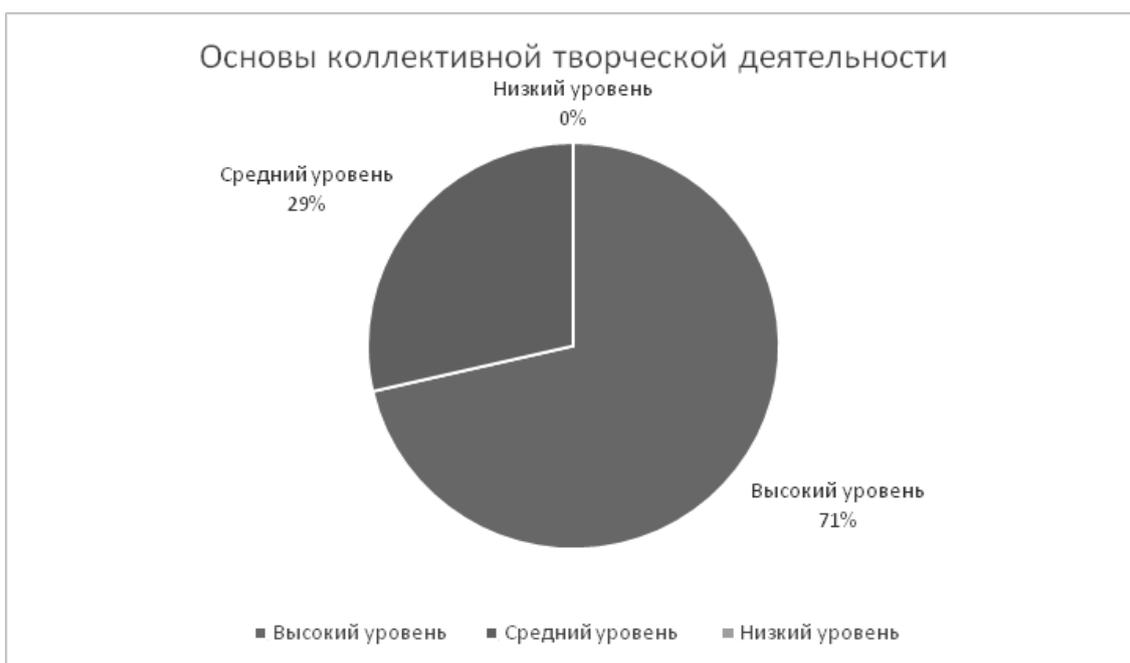

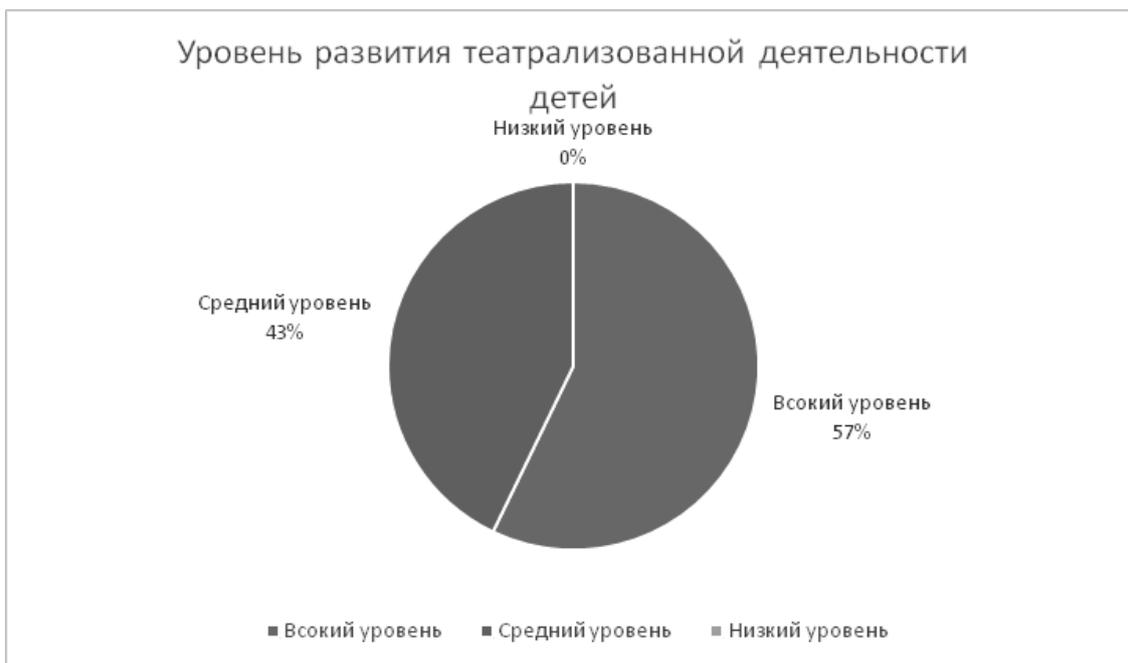
Диаграмма 8. Основы коллективной творческой деятельности

трализованной деятельности, что положительно высказывается на нашу работу.

В констатирующем этапе, нами проведена диагностика по выявлению театрализованной деятельности детей по методике Т.С. Комаровой. Данная методика содержала 3 творческих заданий с разыгрыванием сказки, созданием спектакля, сочинением сценария и её разыгрыванием. По результатам диагностики, было выявлено, что у многих детей низкий уровень развития театрали-

зованной деятельности, что воодушевило нас на создание дидактического пособия «Волшебный стульчик» для театрализованной деятельности.

Формирующий этап был проведен среди детей родственников и соседей из-за помешательства пандемии. Нами были проведены занятия и дидактические игры по развитию театрализованной деятельности детей с применением дидактического пособия «Волшебный стульчик». Где волшебный стульчик вызвал интерес не только

Диagramма 9. Уровень развития театрализованной деятельности детей

к детям, но и к родителям, и к младшим братьям и сестрам. Были использованы различные сказки якутского и русского творчества, рекомендованные по программе «Тосхол» и соответствующие возрасту детей.

В контрольном этапе провели повторное диагности-

рование по той же методике констатирующего этапа. По результатам диагностики, у большинства детей выявлен высокий уровень развития театрализованной деятельности, дети с низким уровнем развития отсутствовали, что доказывает эффективность нашего дидактического пособия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова Л.В. Театрализованные игры дошкольников. – М.: Просвещение, 1991. – 126 с.
2. Бочкарева, Л.П. Театрально-игровая деятельность дошкольников. Методическое пособие для специалистов по дошкольному образованию. – Ульяновск, ИПКПРО, 1993. – с.3
3. Комарова, Т.С., Зацепина, М.Б. Интеграция в воспитательно-образовательной работе детского сада. Пособие для педагогов дошкольных учреждений / Москва, 2014
4. Комарова, Т.С. О некоторых вопросах развития способностей и одаренности детей // Проект «Одаренный ребенок» в Якутии: лучшие практики дошкольного образования. Коллективная монография. Москва; Якутск, 2017. С. 5-12.

© Пинигина Ольга Николаевна (shangri_la99@mail.ru), Гурьева Аида Николаевна, Сергеева Татьяна Николаевна.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ НАД ТЕКСТОМ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Пирманова Назира Исмековна

к.филол.н., доцент, ФГБОУ «Оренбургский
государственный педагогический университет»
nazira056@mail.ru

METHODOLOGICAL FEATURES OF WORK ON A TEXT IN THE PROCESS OF FORMING COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS IN SECONDARY SCHOOL

N. Pirmanova

Summary: The article discusses the features of working on the text as an effective means of forming the communicative competence of students in secondary school. The system of work, based on the principles of the text-centric approach, is a set of developed types of exercises that contributes to the development of linguistic skills and abilities of students, the development of their communication skills. Particular importance is given to pre-text and post-text tasks.

Keywords: text-centric approach, text, communicative competence, text-based exercises, pre-text and post-text tasks.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности работы над текстом как эффективного средства формирования коммуникативной компетенции обучающихся в средней школе. Система работы, основанная на принципах текстоцентрического подхода, – комплекс разработанных типов упражнений, способствует выработке лингвистических навыков и умений учащихся, развитию их коммуникативных способностей. Особое значение отводится предтекстовым и послетекстовым заданиям.

Ключевые слова: текстоцентрический подход, текст, коммуникативная компетенция, упражнения на текстовой основе, предтекстовые и послетекстовые задания.

В Федеральном компоненте государственного стандарта в качестве специальных целей преподавания русского языка в школе выделяются ключевые компетенции: языковедческая, коммуникативная, лингвистическая, культуроведческая.

Важную роль в методике преподавания русского языка играет формирование коммуникативной компетенции обучающихся. Коммуникативная компетенция является одной из составляющих ключевых компетенций современного школьника и включает в себе когнитивный, аксиологический, интерактивный и эмпирический компоненты. Коммуникативная компетенция предполагает владение всеми видами речевой деятельности и взаимодействие в работе обучающегося и педагога.

Развитию коммуникативной компетенции школьников, а именно способности решать языковыми средствами те или иные коммуникативные задачи в разных сферах и ситуациях общения в средней школе отводится особое внимание. По мнению исследователей, формирование коммуникативной компетенции обучающихся на основе работы с текстом способствует развитию целенаправленной речевой деятельности отдельной личности, которую принято называть «речевым поведением». Речевое поведение – целенаправленная речевая деятельность отдельной личности. Особый тип речевого поведения – семиотически ориентированное поведение – связан с особой ролью самих знаков, речевой фор-

мы высказываний. Таким речевым поведением является поведение, нацеленное на эстетическое совершенство (при создании художественных текстов, в языковой игре) [6, с. 110].

Рассмотрение текста в качестве методического средства является чрезвычайно актуальным и служит основой создания на уроках русского языка не только обучающей, но и речевой среды. Работа с текстом формирует условия для осуществления функционального подхода при изучении лексики, морфологии, синтаксиса; для формирования представления о языковой системе, для лично ориентированного преподавания русского языка, для формирования языковой личности; для духовно-нравственного воспитания учащихся, для развития их творческих способностей. Изучение языка на текстовой основе – это принцип признания текста в качестве важнейшей единицы обучения русскому языку. Текстоцентрический подход в обучении русскому языку обеспечивает целостность процесса формирования языковой, лингвистической и коммуникативной компетентности обучающихся.

Текстоцентрический подход в обучении русскому языку является одним из актуальных и современных. Это подтверждают исследования Т.А. Ладыженской [4], Е.И. Никитиной [7], Е.С. Антоновой [1], А.Д. Дейкиной [2] и др.

Текст является одним из средств создания на уроках русского языка речевой среды, направленной на развитие коммуникативных способностей учащихся, на воспитание у них чувства слова.

В основе текстоцентрического подхода лежит понятие о текстовой деятельности, под которой в современной методической науке принято понимать процессы восприятия, интерпретации и порождения текстов учащимися.

Принцип текстоцентризма, как указывает Е.С. Антонова, «выдвигает требование изучать родной язык на основе образцового речевого произведения – текста. Вне речевой ситуации невозможно определить верные критерии для построения собственного речевого произведения <...> Анализ чужого текста позволяет освоить нормы культурного речевого поведения» [1, с. 12].

Текстоцентрический подход в обучении русскому языку является методологической основой образовательного процесса, в котором текст становится эмоционально воздействующим объектом изучения, направленным на организацию деятельности обучающихся, способствующей достижению личностных, метапредметных и предметных результатов. Согласно мнению Л.Г. Ларионовой, текст является средством познания языка как полифункционального явления; он является важнейшим средством приобщения к русской культуре; на его основе осуществляется познание грамматических категорий, языковых явлений, формируется система лингвистических понятий. Текст выступает как речевое произведение; результат использования системы языка и основное средство овладения устными и письменными формами русской речи [5].

Н.А. Ипполитова в своих трудах раскрывает специфику работы с текстом и подробно описывает, какую роль играет текст в формировании коммуникативной компетенции учащихся [3].

Т.М. Пахнова считает, что «целенаправленный отбор текстов и заданий, включение каждого урока в продуманную систему работы – это те условия, которые создают развивающую речевую среду, обеспечивающую речевое развитие учащихся, в основе которого – совершенствование, развитие чувства языка (языковой интуиции). При подходе к тексту как к средству создания на уроках русского языка развивающей речевой среды особую важность приобретают критерии отбора текстов и заданий» [8, с. 20-28].

В данной статье мы рассмотрим систему работы, направленную на формирование коммуникативной компетенции обучающихся в процессе изучения русского языка в 5-9 классах средней школы.

Разработанная нами система работы включает комплекс разноаспектных упражнений, направленных на формирование коммуникативной компетенции обучающихся, особенностью которых является текстовая основа. Важным условием при этом является то, что дидактический материал включает предтекстовые или послетекстовые задания, указывающие на методическую задачу и способ ее решения.

Первый тип упражнений направлен на осознание учащимися важности соответствия жанрового оформления и стилистической окраски. Выполняя задания, обучающиеся знакомятся с текстообразующей ролью терминологической лексики, а также с категориями, способствующими объективизации информации (неопределенно-личными синтаксическими конструкциями, а также со свойствами, присущими описываемому предмету и характерными для данного функционального стиля). В процессе работы учащимися решаются коммуникативные задачи, соответствующие заданным ситуациям: с какой целью, кому и как передается информация.

Подобные упражнения могут быть использованы при изучении темы «Сложение как способ словообразования» в 6 классе и включать задания, связанные с морфемным анализом / разбором слов по составу или орфографическим разбором. На основе работы над текстами об особенностях жизни растений, о различного рода открытиях и т.п. осуществляется метапредметный подход в обучении на уроках русского языка. Обратимся к дидактическому материалу.

Упражнение № 1.

Текст 1. «В Токио создали *биодвигатель*, приводимый в действие бактериями. Пока они могут крутить только микроскопическое колесо-ротор, диаметр которого в пять раз тоньше человеческого волоса. Для создания *биодвигателя* использовали принцип «белки в колесе». С помощью нанотехнологий биологи сконструировали замкнутый круглый желобок диаметром 20 микрон и покрыли его глюкозой. Бактерия *Mycoplasma mobile* ползет по окружности со скоростью 1,7 см в час и крутит металлическое колесико, вырабатывая энергию».

Текст 2. «Тюльпан – род *многолетних* травянистых луковичных растений семейства Лилейные, в современных систематиках включающий более 80 видов. Центр происхождения и наибольшего *разнообразия* видов тюльпанов – горы северного Ирана, Памиро-Алай и Тянь-Шань. За 10-15 миллионов лет эволюции тюльпаны расселились до Испании и Марокко на западе, до Забайкалья на востоке и до Синайского полуострова на юге. На севере интродуцированные человеком популяции тюльпана лесного достигли Шотландии и южного побережья Скандинавии».

Задания:

- найдите незнакомые вам слова, определите их значение по словарю;
- отделите теоретическую информацию от иллюстративной;
- выявите языковые особенности научного стиля;
- определите количество частей и микротем текста;
- сформулируйте тему, главную мысль текста.

Упражнение № 2. Выполните задания:

- прочитайте внимательно оба текста в упражнении № 1;
- перепишите тексты так, чтобы они стали формой (текстом) другой стилевой принадлежности;
- какие задачи решали тексты до их трансформации? Какие задачи решают сейчас?

Упражнение № 3. Прочитайте внимательно текст:

1) Еще один последний совет молодым литераторам и одна последняя просьба... 2) А просьба моя состоит в следующем: берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, — это клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками, в числе которых блистает опять-таки Пушкин! 3) Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии свершать чудеса. 4) Даже тем, кому не по вкусу «философские отвлеченности» и «поэтические нежности», людям практическим, в глазах которых язык есть не что иное, как средство к выражению мысли, как простой рычаг, — даже им скажу я: уважайте, по крайней мере, законы механики, извлекайте из каждой вещи всю возможную пользу (И.С. Тургенев).

Задания:

- определите, какой фрагмент текста (укажите номер предложения или предложений), по вашему мнению, является главным с точки зрения передачи информации?
- определите, с какой целью автор написал этот текст:
  - а) расскажите о свойствах русского языка;
  - б) сообщите о законах механики;
  - в) убедите читателей, что русский язык надо изучать постоянно;
  - г) призовите молодых писателей к бережному отношению к языку.

Дайте краткое обоснование своего выбора (устно).

Второй тип упражнений направлен на решение задач по формированию умения создавать различные синтаксические конструкции, модели и коммуникативно ориентированные тексты различных жанровой принадлежности, соблюдая функционально-стилевые особенности

текста; использовать разнообразные выразительные средства, а также осуществлять творческий подход к решению коммуникативной задачи, сравнивать результат с прогнозируемым вариантом на этапе контроля.

В соответствии с обозначенными задачами, практическая работа направлена на формирование у обучающихся навыков и умений написания различного рода творческих письменных форм (мини-сочинение, эссе, дневники, рефераты и др.).

Упражнение № 1. Задание: найдите в тексте простые предложения. Обогадите их второстепенными членами, выразительными языковыми средствами, соблюдая стиль и жанр и не уклоняясь от темы текста.

«Алексей был в самом деле молодец. Барышни сходили по нём с ума. Он был воспитан в *** университете и намеревался вступить в военную службу, но отец на то не соглашался. К статской службе молодой человек чувствовал себя совершенно неспособным. Они друг другу не уступали, и молодой Алексей стал жить покамест барином, отпустив усы на всякий случай» (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Упражнение № 2. Задания:

- прочитайте внимательно слова и словосочетания;
- опираясь на семантику и стилистическую окрашенность слов и словосочетаний, определите тему текста и количество микротем;
- укажите (устно), какой стиль речи использован автором текста;
- используя данные слова и словосочетания, напишите мини-сочинение, в котором отразите вашу личную позицию в произошедшей ситуации:

Грустных, преданных, голодный, лохматый, неистово, ненавистный, холодный, взлохмачивая, грязную, продувает насквозь, долго, жалко, нечего, не грусти, в недоумении, маленькая, постоянно на работе, нужно, за поворотом, оставляя, живое существо, надеждами и переживаниями, прости, не могу, не смотри, и вообще... Ситуация, осознали ценность, помогают «видеть», «слышать», встречи, друга, преданности, любви, жажду отдавать, быть необходимым, в крови, служение, жизнь, предназначение, смысл, поиск хозяина, друга, необходимости, с благодарностью, благотворное, важное, быть другом, помочь, найти, жить, в жизни, человеческим законом, Кодекс Чести.

Упражнение № 3. Задание: напишите на имя учителя заявление с просьбой освободить от выполнения домашнего задания, учитывая все формальные признаки документа и особенности официально-делового стиля.

Упражнение № 4. Задания:

- прочитайте внимательно текст;
- определите стиль текста;
- разбейте текст на абзацы;
- выделите в каждом из них микротему и центральное предложение;
- запишите их в виде тезисов;
- измените стиль текста, переформатировав его в научный;
- напишите реферат о реке Вертушинке.

«У нас в России так много чудесных названий рек, озер, сел и городов, что можно прийти в восхищение. Одно из самых точных и поэтических названий принадлежит крошечной реке Вертушинке. Вертушинка все время вертится, как егоза, шныряет, журчит, бормочет, звенит и пенится около каждого камня или упавшего ствола березы. В Московской области никаких гор нет, – одна всхолмленная равнина, а Вертушинка откуда-то вымывает и притаскивает большие обкатанные гранитные камни. Это, конечно, валуны, оставшиеся от ледникового периода. Трудно поверить, что эти добродушные валуны были свидетелями катастрофы нашей Земли, что ледник свирепо проволокал их через всю Россию и бросил здесь, в уютной Вертушинке, мирно доживать бесконечный и спокойный каменный век» (К.Г. Паустовский).

Упражнение № 4. «Лингвистическая пятиминутка».

Задание: Напишите эссе, в котором раскройте значение пословицы «Гусь свинье не товарищ», соблюдая требования, предъявляемые к текстам научного стиля.

Упражнение № 5. Задания:

- прочитайте словосочетания и предложения;
- используя их, напишите отзыв о своей любимой книге.

Автор начал свой творческий путь...; первая его книга вышла в свет (напечатана, издана)...; им написано...; в творчестве... привлекает...; автор этой книги по профессии...; автор сумел показать {рассказать, осветить, раскрыть} талантливо и правдиво (ярко, образно, убедительно, достоверно, исторически точно...); основные достоинства книги заключаются.

Третий тип упражнений направлен на формирование практических умений лингвистического характера: видеть и устранять текстовые и речевые ошибки и недочеты; вырабатывать у обучающихся устойчивую мотивацию к осуществлению речевого самоконтроля и совершенствованию текста.

Упражнение № 1. Восстановите текст, избегая текстовых и речевых ошибок.

В некотором [царстве, в некотором государстве жил] да был старик со старухой, и [был у них сын] Мартынка. Всю [жизнь свою] занимался старик охотой, бил [зверя] и птицу, тем и сам [кормился, и семью] питал. Пришло [время – заболел старик] и умер. Мартынка с матерью [потужили-поплакали, да делать-то] нечего: мёртвого [назад не воротишь]. Пожили с неделю и приели весь [хлеб, что в запасе] был. Видит старуха, что [есть нечего], надо за денежки приниматься. Старик-то [оставил им] двести рублей. Больно [не хотелось ей] починать кубышку, [однако сколько] ни крепилась, а починать нужно – не [помирать] же с голоду.

Упражнение № 2. Задания:

- «соберите» из данных предложений связный текст;
- допишите окончание истории;
- проверьте текст на наличие текстовых и речевых ошибок.

«Отвернешься, бывало – медведь тут как тут. Пчелы за нектаром, медведь за медом. Хитрый медведь, сметливый. Никак мы медведя отвадить не могли. Повадился на нашу пасеку медведь. Уж мы и капканы ставили, и из ружья в воздух палили, чтобы его спугнуть, ничего не помогает».

Упражнение № 3. Задания:

- прочитайте выдержки из текстов сочинений учащихся;
- найдите и исправьте ошибки, перестроив предложения и не отступая от темы текста.

1) Идет браконьер по лесу, видит: летят по небу стая иволг, кричат, заывают. 2) Ударил браконьер из двух стволов – и летел золотой пух на землю. 3) Там, где упал золотой пух, листья пожухли, пожелтели и опали. А на тех деревьях, куда попала птичья кровь, на тех листьях покраснели и тоже опали. 4) С тех пор птицы человека начали пугаться, стали отлетать, обиделись на человека.

Учащиеся должны определить, что в 3 и 4 предложениях содержится неоправданный повтор слов, который можно устранить различными способами (например, заменить синонимами, перестроить предложение и т.п.). Во 2-ом предложении неудачно используется глагол «летел» в качестве сказуемого несовершенного вида: речь идет не о длительном, а о быстро свершившемся действии «полетел».

Представленный дидактический материал – учебные упражнения на основе текста, организующие «систему речевого поведения», – позволяют максимально эффективно организовать работу над формированием коммуникативной компетенции обучающихся. Упражнения подобного характера способствуют выработке умений и

навыков, необходимых для выполнения тестовых заданий, включенных в ОГЭ и ЕГЭ по русскому языку.

Таким образом, мы предлагаем три типа упражнений:

1. Упражнения, направленные на осознание учащимися важности соответствия жанрового оформления и стилистической окраски; на четкое понимание коммуникативной задачи и ситуации;
2. Упражнения, способствующие формированию умения создавать различные синтаксические конструкции, модели и коммуникативно ориентированные тексты различных форм, используя творческий подход к решению коммуникативной задачи;
3. Упражнения, направленные на формирование лингвистических навыков и умений – выявлять и устранять текстовые и речевые ошибки и недочеты.

Использование текста на уроках русского языка позволяет реализовать межпредметные связи самым естественным образом и создает добротную основу для формирования коммуникативной компетенции. Работа над текстом, помимо обогащения словарного запаса, стимулирует речевую деятельность обучающихся и является основой для создания собственных текстов.

Текст, как справедливо утверждает Т.М. Пахнова, является методическим средством, которое служит основой создания на уроках русского языка не только обучающей, но и развивающей речевой среды. Современные ученые считают текст является основной лингводидактической единицей, дающей возможность учащимся продемонстрировать и проявить свойства усваиваемых фактов и явлений языка; изучать языковые нормы и явления не разрозненно, а в совокупности; глубоко осознавать признаки изучаемого понятия как компонента речевого произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонова Е.С. Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход: учеб. пособие. М. : КНОРУС, 2007. 464 с.
2. Дейкина А.Д., Скрябина О.А. Текст как основа обучения письменной связной речи и правописанию // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2021. № 4. С. 152 – 163.
3. Ипполитова Н.А. Текст в системе обучения русскому языку в школе. М.: Владос, 2007. 169 с.
4. Ладыженская Т.А. Система работы по развитию связной устной речи учащихся. М.: Педагогика, 1975. 255 с.
5. Ларионова Л.Г. Методика преподавания русского языка. Пособие для учителя. М.: Просвещение, 2010. [Электронный ресурс] <http://www.refdb.ru> (дата обращения: 07.06.21).
6. Матвеева Т.В. Коммуникативная стратегия влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи. 2007. № 9. С. 110-127.
7. Никитина Е.И. Активизация работы по учебнику // Русский язык в школе. 2006. №1. С.17-24.
8. Пахнова Т.М. Текст как основа создания на уроках русского языка развивающей речевой среды // Русский язык в школе. 2000. №4. С. 20-28.

© Пирманова Назира Исмековна (nazira056@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИКА ЦВЕТА В ЭКФРАСИСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА С. КИНГА «ДЬЮМА-КИ»)

Беляева Любовь Евгеньевна

Аспирант, Ивановский Государственный Университет

belyalyubov@yandex.ru

COLOUR SEMANTICS IN EKPHRASIS (BASED ON THE NOVEL BY S. KING "DUMA-KEY")

L. Belyaeva

Summary: This article identifies colour lexemes that function in the ekphrasis of the English-language literary text. Colour is seen as a sociocultural phenomenon, a writer's tool used to reflect plot events. The appeal to colour issues in ekphrasis required the involvement of the following types of disciplines - literary criticism, psychology of perception, psycholinguistics. The article is dedicated, first of all, to the description of the semantic meanings of colour symbols in ekphrasis extracts, as well as to communicative-pragmatic analysis. The main ways of linguistic representation of colour in the horror novel are shown. The author makes an attempt to juxtapose the value of color with the development of the plot of the fiction.

Keywords: colour semantics, colour symbolism, meaning, colour-signifying vocabulary, colour names.

Аннотация: В данной статье выявляются цветолексемы, функционирующие в экфрасисе англоязычного художественного текста. Цвет рассматривается как социокультурный феномен, инструмент писателя, применяемый для рефлексии сюжетных событий. Обращение к вопросам цвета в экфрасисе потребовало привлечения следующих видов дисциплин — литературоведения, психологии восприятия, психолингвистики. Статья посвящена, прежде всего, описанию семантических значений цветовой символики в экфрастических отрывках, а также коммуникативно-прагматическому анализу. Показаны основные способы языковой репрезентации цвета в романе ужасов. Автор совершает попытку сопоставления значения цвета с развитием сюжета художественного произведения.

Ключевые слова: семантика цвета, символика цвета, значение, цветообозначающая лексика, цветообозначение.

Введение

Экфрасис является полем интереса литературоведов и искусствоведов, однако в настоящей статье мы рассматриваем данный феномен с точки зрения лингвистики. Экфрасис — это приём, который применялся ещё древними риториками, а с течением времени и прогрессом человеческого общества претерпел серьёзные изменения. В нашем труде под понятием экфрасис мы понимаем вербальную интерпретацию произведения изобразительного искусства в художественном тексте, то есть совмещение изображения и его вербального описания [1, с. 152]. С целью эскалации символического значения и воспроизведения эстетического образа писатель применяет цвет. Для правильного восприятия цвета необходимо выстроить систему специфических особенностей, значения и истории цвета, а также определить его символику на основе контекста [2]. Появление цветообозначений объясняется наличием прототипов, язык отражает концептуализацию цвета [3, с. 283]. Выделяемая характеристика «окрашенности» объектов окружающего мира, главным образом, передаётся в языке посредством прилагательных цвета, словосочетаний, идиоматических выражений [4, с. 33]. Цветообозначения активно функционируют в языке и обладают неисчерпаемым потенциалом семантических, эмоционально-экс-

прессивных и других возможностей. В свете того, что семантика цвета в экфрасисе не подвергалась изучению ранее, представляется актуальным исследовать данный вопрос.

Рассмотрим лексику цветообозначений и их семантику на примере экфрастических отрывков из романа С. Кинга «Дьюма-Ки». Принимая во внимание, что роман ужасов был написан в XXI столетии, а его сюжет переплетается с древнегреческими мифами, важно учитывать особенности современной цветовой картины мира и взглянуть на значение колоративов и образов на мифологическом уровне.

(1) *A little girl in a tennis dress stood at the center of the picture. Her back was turned, but her red hair was a dead giveaway: she was Reba, my little love, that girlfriend from my other life. The figure was poorly executed, but you somehow knew that was on purpose, that she wasn't a real little girl at all, only a dream figure in a dream landscape. All around her feet, lying in the sand, were bright green tennis balls. Others floated shoreward on the mild waves [5] / В центре картины стояла маленькая девочка в платье для тенниса. Спной к нам, но рыжие волосы выдавали ее с головой: Реба, моя маленькая любовь, подруга из прошлой жизни. Фигуру я прорисовал нечетко, но зритель понимал, что сделано это сознательно: нарисована не реальная малень-*

кая девочка, а пригрезившаяся фигура в воображаемом месте. Вокруг ее ног на песке лежали ярко-зеленые теннисные мячи [6].

В экфрастическом отрывке дано изображение теннисных мячей, которые ассоциируются с жёлто-зелёным цветом в наивной картине мира [7]. Автор романа определяет этот предмет реального мира колоративом *bright green* (ярко-зеленый), прилагательное *bright* (яркий) подчёркивает интенсивность зелёного цвета, соседствующего с жёлтым в цветовом спектре. Прилагательное *green* (зелёный) актуализирует семы «незрелость», «молодость», «неопытность», «привлекательность». Известно, что зелёный цвет является результатом соединения синего и жёлтого цвета, он символизирует связь человека с природой и мистическими силами. Согласно словарю символов ярко-зелёный цвет имеет метафорическое значение жизненного пути, бессмертия души [8]. Психологи утверждают, что человек, предпочитающий зелёный цвет охвачен страхом перед собственным бессилием [9]. Согласно приданиям зелёный цвет связан с Дионисом, богом вина, растительности, производительных сил природы. Как и другие цвета, зелёный имеет двойственный характер, так как обозначает надежду и тёмные силы, подталкивающие человека к совершению неосознанных поступков [10]. Из коммуникативно-прагматического контекста известно, что каждая картина главного героя (Эдгара Фримантла) прогнозирует гибель персонажей, либо надвигающуюся беду, спровоцированную Богиней царства мертвых Персефоной. Изображение теннисных мячей предвещает смерть любимой дочери художника. Семантика зелёного цвета подсказывает, что мифическое существо выбрало молодую, энергичную и наивную девушку на роль своей жертвы. Персонаж (Илзе Фримантл) оказывается бессильным в схватке с владычицей подземного мира.

Цветовая палитра произведения живописи может также сообщать о переменах в жизни героев романа. Следующее экфрастическое описание рассказывает читателю о разрушенной семейной жизни художника, разводе, адюльтере жены с его близким другом: (2) *As with the picture I'd called The End of the Game, I don't remember much about the actual creation of Friends with Benefits. All I know is it happened in a violent explosion, and sunsets had nothing to do with it. It was mostly black and blue, the color of bruises, and when it was done, my left arm ached from the exercise. My hand was splattered with paint all the way to the wrist. The finished canvas reminded me a little of those noir paperback covers I used to see back when I was a kid, the ones that always featured some roundheels dame headed for hell. Only on the paperback covers, the dame was usually blond and twenty-twoish. In my picture, she had dark hair and looked on the plus side of forty. This dame was my ex-wife* [5] / Как и с картиной «Конец игры», я мало помню о том, как писал «Друзей-любowników». Все, что знаю — создание карти-

ны более всего напоминало взрыв, и закаты не имели к ней ни малейшего отношения. Преобладали в ней цвета синяков, черный и синий, а когда я закончил, от непомерной нагрузки болела левая рука. И она до запястья была забрызгана красками. Законченная картина чем-то напомнила мне лицевую сторону мягкой обложки детективов «нуар» карманного формата, которые я читал в детстве. Обычно на них изображалась роковая женщина, ступившая на дорогу, ведущую в ад. Только на тех обложках предпочтение отдавалось блондинкам двадцати с небольшим лет. Я же изобразил брюнетку, которой давно перевалило за сорок. Эта женщина была моей бывшей женой [6].

В составе атрибутивного словосочетания с предлогом *of*, вербализующего колоратив *the color of bruises* (цвет синяков), присутствует предмет категории «фауна» — *bruise* (синяк) [11 с. 40]. Словарь Collins Dictionary предлагает следующее определение данной языковой единицы — "an injury which appears as a purple mark on your body, although the skin is not broken" [12]. Из этого следует, что синяк непосредственно мотивирован фиолетовым цветом, который является результатом слияния синего и красного цвета. Согласно исследованию Б.А. Базымы фиолетовый цвет символизирует сожаления о прошлом, ностальгию, незакрытый гештальт [13, с. 10]. Античная мифология подтверждает данное значение, и уточняет дополнительный смысл — воодушевление, творческий подъём. Коррекция описания картины осуществляется за счёт фразы *black and blue* (чёрно-синий), модифицированной наречием *mostly* (главным образом). Так, говорящий указывает на превалирование чёрного и синего цвета. За семантикой прилагательного *black* (чёрный) (СД — "distorted or darkened by anger" [14]) закреплён отрицательный компонент «мрачность», «угнетённость», «преступность». Чёрный цвет ассоциируется со злом, печалью, колдовством. Синий цвет представлен прилагательным *blue* (синий) (СД — "a color whose hue is that of the clear sky or that of the portion of the color spectrum lying between green and violet" [14]) с семами «глубина», «честность», «постоянство». В символике этого цвета, граничащего с фиолетовым, манифестируются в основном положительные смыслы, такие, как вера, верность, зов к бесконечному. Отмечается, что синий цвет, переходящий в чёрный, соответствует печали [15, с. 20]. В психологии синий цвет передаёт стремление к покою [16, с. 37]. Данные цветообозначения, применённые к образу бывшей супруги позволяют охарактеризовать душевное состояние самого художника следующим образом: опечален, сокрушён и потрясён. Однако персонажу удастся преодолеть свои обиды, смириться со сложившейся ситуацией и обрести душевное равновесие.

Цвет в экфрасисе способствует воссозданию прошлого одного из персонажей, таким образом, автору удастся представить читателю так называемый приквел: (3) *I went*

upstairs at the boom-and-flash height of the festivities, and feeling a little like Dr. Frankenstein animating his monster in the castle tower-drew Wireman, using a plain old Venus Black pencil. Until the very end, that was. Then I used red and orange for the fruit in the bowl [5]. / В зал на втором этаже я вошел в самый разгар феерии грохота и вспышек (чувствуя себя доктором Франкенштейном, оживляющим монстра в башне замка) и нарисовал Уайрмана, обычным черным карандашом. Лишь в самом конце воспользовался красным и оранжевым, для фруктов в вазе [6].

Из сюжета романа известно, что мастеру удаётся изобразить на полотне воспоминания друга (Джерома Уайрмана). Удивление вызывает тот факт, что трагическая история его семьи художнику была незнакома. Лексема *black* (чёрный) (СД — "very sad, gloomy, or calamitous; heavy, serious" [14]) отражает цвет карандашного грифеля, которым рисует Э. Фримантл. В данном прилагательном манифестируется значение скорби, траура, смерти. Семы «пустота», «безликость», «абсолютный отказ» составляют крайнюю периферию его семантики. В современной психологии чёрный цвет знаменует переход в неизвестность, переход на новый уровень в результате борьбы и преодоления препятствий. В ходе коммуникативно-прагматического исследования становится очевидным, что цветообозначения *red* (красный) и *orange* (оранжевый) представляют красное яблоко и апельсин соответственно. Яблоко широко используется в искусстве как символ искушения [8]. Неслучайно автор окрашивает плод в красный цвет, что подтверждает потенциальная семантика прилагательного *red* (красный) (СД — "the same colour as blood" [17]), подчёркивающая сходство с кровью. Красный цвет выражает вегетативное беспокойство, назревающий внутренний конфликт и провоцирует человека к совершению самоубийства [9]. В этом контексте плод оранжевого цвета приобретает положительную семантику любви к жизни, оптимизма, жизненной энергии. Прилагательное *orange* (оранжевый) (СД — "a colour between red and yellow" [14]) сохраняет ядерное значение стремления к гармонии и стабильному эмоциональному фону. Роль применяемых цветов оказывает влияние на целостное восприятие картины. Известно, что изображаемый человек испытывает душевные страдания, он убит горем из-за трагической гибели жены и дочери. Дж. Уайрман кинул жребий, вверяя судьбу собственной руке: при выборе красного яблока, он пообещал себе гибель, при выборе апельсина — поездку в Диснейленд.

Для достижения определённых целей писатель в одной экфрастическом отрывке заостряет внимание на определённом цвете: (4) *The dream wasn't exactly a nightmare, but it was vivid beyond my power to describe in words, although I captured some of the feeling on canvas. Not all, but some. Enough, maybe. It was sunset. In that dream and all the ones which followed, it was always sunset. Vast red light filled*

the west, reaching high to heaven, where it faded first to orange, then to a weird green. The Gulf was nearly dead calm, with only the smallest and glassiest of rollers crossing its surface like respiration. In the reflected sunset glare, it looked like a huge socket filled with blood. Silhouetted against that furnace light was a three-masted derelict. The ship's rotted sails hung limp with red fire glaring through the holes and rips. There was no one alive on board. [5] / Кошмаром я бы этот сон называть не стал, но он был таким ярким и живым, что мне не под силу описать его словами, хотя что-то удалось перенести на холст. Не все, но что-то. Может, и многое. На небе полыхал закат. В этом сне и во всех последующих на небе полыхал закат. Красный цвет заливал западный горизонт, поднимался до небес, где переходил в оранжевый, а потом, что странно, в зеленый. В Заливе царил полный штиль, лишь в редких местах гладь воды вспучивали маленькие волны, напоминая капельки пота. В отраженном солнечном свете Залив выглядел, как гигантская глазница, заполненная кровью. На этом огненном фоне чернел силуэт древнего трехмачтового парусника. Прогнившие паруса корабля обвисли, красный свет прорывался сквозь дыры и разрывы. Живых на борту не было [6].

Данная картина представлена в красном цвете, что реализуется в тексте посредством различных средств. В составе атрибутивного словосочетания *red light* (красный свет) прилагательное *red* (красный) (СД — "Used to denote something forbidden, dangerous, or urgent" [18]) располагает семантикой «огонь», «запрет», «опасность», «борьба». Древние греки связывали красный цвет с Аресом, богом войны, жаждущим кровопролития и хаоса [19]. Отметим, что вербализация преобладающего цвета в картине осуществляется за счёт словосочетания *filled with blood* (наполненный кровью) с прототипическим объектом группы «Фауна. Биоматериалы». Ассоциативная семантика цветолексема *blood* (кровь) ("the red liquid that flows through the bodies of humans and animals" [20]) отражает следующие оппозиции: жизнь — смерть, мощь — бессилие, спасение — жертва. Цвет крови символизирует средоточие сил, возбуждение и грех. Интересно, что применяя кроваво-красный цвет, автор подсказывает читателю именно о человеческих жертвах, потому что кровь богов (ихор) согласно приданиям представляет собой серозную жидкость. Именное словосочетание *furnace light* (печной свет) (СД существительного *furnace* — "an enclosed structure in which heat is produced (as for heating a house or for reducing ore)" [14]) указывает на красные тона, так как ассоциируется с физически-бытовым предметом — печным огнём. В дискурсе в сочетании с адъективированным существительным *furnace* (печь) существительное *light* (свет) актуализирует смысл «раскалённый», «горячий», «яркий». Семантику приведённых выше цветообозначений интенсифицирует словосочетание *red fire glaring* (ослепительно красный огонь). Существительное *fire* (огонь) (СД — "red and yellow flames" [17])

связано с цветоименованием «пламя», для которого типично обладание красным цветом. Динамику данного цвета номинирует транзитивный глагол *fade* (*тускнеть*) (СД — "it gradually becomes paler" [17]). Трансформация основного цвета (переход в оранжевый и зелёный цвет) вербализуется с помощью предложения — *it faded first to orange, then to a weird green* (*переходил в оранжевый, а потом, что странно, в зелёный*). Потенциальные семы прилагательного *orange* (*оранжевый*) указывают на энергию, решительность и мощь. Цветолексема *green* (*зелёный*) (СД — "of, relating to, or caused by witchcraft or the supernatural: magical" [14]) перекликается со смыслом «волшебство» и «мистика», на что указывает её контекстуальное окружение, в частности прилагательное *weird* (*странный*) в препозиции. Таким образом, палитра морского пейзажа знаменует войну богини с жителями острова Дьюма-Ки.

Заключение

Таким образом, цвет является одним из основных инструментов построения экфрасического описания. Необходимо учитывать цветовую картину мира, духовное состояние этноса и общества в период жизни автора, жанр и замысел литературного произведения, а также условия, в которые помещаются персоналии. Полученные данные свидетельствуют о том, что писатель адаптирует цветообозначения как накопленный опыт человечества в конкретной коммуникативно-прагматической ситуации. Мы выяснили, что цвет обращается к памяти рода, архетипам и социально-психологическому опыту читателя, в результате чего вызывает определённые

ассоциации, а затем и эмоции. Восприятие и понимание порядка и характера событий зависит от выбора цветообозначений в конкретном экфрасисе. При анализе символики цвета учитывались бинарные значения цвета и его история на различных уровнях.

Фактический анализ показал, что в цветовой палитре картин присутствуют как ахроматические, так и хроматические цвета. Стоит обратить внимание на то, что красный цвет в рассматриваемом художественном произведении является наиболее частотным. Для реализации данного цвета и его оттенков применяется разнообразный перечень лексем. Очевидно, автор романа ужасов делает акцент именно на этом цвете для отражения опасностей, которые подстерегают персонажей. Основным языковым коррелятом цвета служит имя прилагательное. В романе показаны прототипические цветовые ощущения категории фауны и категории плодов и овощей. Динамика цветообозначений получает языковую экспликацию в виде глаголов.

Семантический анализ материала исследования выявил, что оранжевый и синий цвет даже в романе ужасов может иметь положительное значение. Остальные цвета применяются автором для придания негативной окрашенности. В случаях соединения цветолексем с некоторыми лингвистическими деталями может происходить смещение их семантики (расширение или сужение). Нами была предпринята попытка спрогнозировать влияние колоритивов на ход сюжетной линии художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Mitchell W.J.T. *The Picture Theory* / W.J.T. Mitchell. Chicago: The University of Chicago Press, 1994. 364 p.
2. Беляева Л.Е. Особенности семантики цвета в англоязычной художественной литературе / *Филология и культура*. Казань: Изд-во Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2020. № 3(61). С. 10-17.
3. Вежбицкая А. *Язык. Культура. Познание* / Отв. ред. Кронгауз М.А.; Вступ. ст. Падучевой Е.В. М.: Русские словари, 1996.
4. Комарова З.И., Талапина М.Б. *Лингвоцветовая картина мира: ахроматический фрагмент: монография*. Екатеринбург: Изд-во Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2011.
5. King S. *Duma Key*. URL: https://www.bookfrom.net/stephen-king/31718-duma_key.html/
6. Кинг С. *Дьюма-Ки*. URL: https://librebook.me/duma_key/vol1/2?mtr=1
7. Koren M. *What Color Is a Tennis Ball?* URL: <https://www.theatlantic.com/science/archive/2018/02/what-color-tennis-ball-green-yellow/523521/>
8. Тресиддер Дж. *Словарь символов*. Пер. с англ. С. Палько. М.: ФАИР-Пресс, 1999. 443 с.
9. Люшер М. *Четырехцветный человек или путь к внутреннему равновесию* / Сб. *Магия цвета*. Харьков: АО «СФЕРА», 1996. 432 с.
10. *Энциклопедия знаков и символов*. URL: <http://www.symbolarium.ru/>
11. Василевич А.П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте на материале цветообозначения в языках разных систем*. М., 1987.
12. *Collins Dictionary&Thesaurus*. Glasgow: Harper Collins, 2005. 1078 p.
13. Базыма Б.А. *Цвет и психика*. Монография. Харьков, 2001.
14. *Merriam-Webster's Learners Dictionary* URL: <http://www.learnersdictionary.com/>
15. Кандинский В.В. *О духовном в искусстве*. М: Архимед, 1992 г. 108 с.
16. Вовк О.В. *Энциклопедия знаков и символов*. М.; Вече, 2008. С. 37.
17. *Macmillan Dictionary and Thesaurus*. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

18. Slang Dictionary (SD) [Электронный ресурс] // [сайт]. URL: <http://onlineslangdictionary.com/>
19. Мифология древних народов мира. Мифы Древней Греции. URL: <http://www.mythology.ru>.
20. Oxford Advanced Learner's Dictionary (OLD) [Электронный ресурс] // [сайт]. URL: <http://oald8.oxfordlearnersdictionaries.com/>

© Беляева Любовь Евгеньевна (belyalyubov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Ивановский Государственный Университет

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ДРАМЕ У. ШЕКСПИРА «РОМЕО И ДЖУЛЬЕТТА» В РАМКАХ ВЕРТИКАЛЬНОГО КОНТЕКСТА

Васильева Татьяна Сергеевна

Аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова

tanya333890@mail.ru

PROPER NAMES IN W. SHAKESPEARE'S DRAMA "ROMEO AND JULIET" WITHIN THE VERTICAL CONTEXT

T. Vassilyeva

Summary: This article examines the role of vertical context in W. Shakespeare's drama "Romeo and Juliet". The vertical context seems to be one of the key aspects important for understanding the essence of the work. W. Shakespeare used a very common plot and, nevertheless, his play became very popular. A number of researchers believe that the matter is far from the plot. The lovers' story hides a historical context that allows us to understand what Shakespeare really meant when he wrote his works, and why it became popular.

Keywords: W. Shakespeare, "Romeo and Juliet", vertical context, linguopoetics, W. Shakespeare's dramas.

Аннотация: В данной статье рассматривается роль вертикального контекста в драме У. Шекспира «Ромео и Джульетта». Вертикальный контекст представляется одним из ключевых аспектов, важных для понимания сути произведения. У. Шекспир использовал очень распространенный сюжет и, тем не менее, его пьеса стала очень популярной. Ряд исследователей считает, что дело далеко не в сюжете. За историей влюбленных скрывается исторический контекст, который позволяет понять, что же на самом деле имел в виду Шекспир, когда писал свое произведение, и почему оно стало популярным.

Ключевые слова: У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», вертикальный контекст, лингвопоэтика, драмы У. Шекспира.

В данной статье мы рассмотрим значение реалий и аллюзий для понимания вертикального контекста в рамках лингвопоэтической теории.

Как отмечает А.А. Липгарт, «лингвопоэтика – это раздел филологии, в рамках которого стилистически маркированные языковые единицы, использованные в художественном тексте, рассматриваются в связи с вопросом об их функциях и сравнительной значимости для передачи определенного идейно-художественного содержания и создания эстетического эффекта» [5, с. 18].

Вертикальный контекст произведения является одним из важных аспектов лингвопоэтического анализа и рассматривается для более глубокого понимания художественного текста. Если под горизонтальным контекстом подразумевается «лингвистическое окружение данной языковой единицы, отрезок речи, позволяющий установить значение входящего в него слова или фразы» [4], то вертикальный контекст – «это филологическая проблема, это вопрос о том, как и почему тот или иной писатель предполагает у своих читателей способность воспринимать историко-филологическую информацию, объективно заложенную в созданном им литературном произведении» [1]. Наиболее полно вертикальный контекст разрабатывался в работах О.С. Ахмановой и И.В. Гюббенет [1, 3].

Среди основных категорий вертикального контекста можно выделить цитаты, реалии и литературные аллю-

зии [3]. В рамках нашего исследования мы будем рассматривать реалии и литературные аллюзии.

Материалом для нашего анализа послужат произведения Шекспира, а, точнее, его знаменитая драма «Ромео и Джульетта».

Тексты Шекспира сложны для изучения. Они, на первый взгляд, весьма понятны широкому читателю и без понимания вертикального контекста. Однако без понимания контекста эпохи, всех обстоятельств, предшествующих написанию произведения, нельзя с уверенностью сказать даже то, что понимаешь, о чем хотел сказать автор в тексте своего произведения. Яркий пример – поэмы «Феникс и Голубь» и «Гамлет» [6].

«Ромео и Джульетта» кажется простым для понимания текстом, трагедией, написанной на очень распространенный в литературе того времени сюжет [7]. Но почему Шекспир выбрал именно этот сюжет? И почему дал главным героям фамилии: Монтеки? Ответить на эти вопросы поможет исследование вертикального контекста произведения.

Монтеки – знаковая фамилия для Шекспира. Об этом рассказывает Клэр Асквит в своей монографии [7]. Исследовательница указывает, что, вероятнее всего, пьеса была написана по случаю обручения графа Саутгемптона. Дело в том, что сама пьеса, еще до обработки сюжета Шекспиром считалась «семейной пьесой» Саут-

гемптонов, так как еще в 1575 году драматург Джордж Гаскойн также выбрал эту пьесу, чтобы отпраздновать второе замужество матери графа Саутгемптона, урожденной Монтегю.

Как далее указывает Клэр Асквит, Шекспир добавил в пьесу строки, которые относились лично к графу и выступали своеобразным предупреждением, так как его одиночная борьба, по мнению драматурга, могла привести к ужасным последствиям. Елизавета боролась против католиков и католической церкви, представителями которой и Саутгемптон, и сам Шекспир, по-видимому, являлись.

*Arise, fair sun, and kill the envious moon,
Who is already sick and pale with grief,
That thou her maid art far more fair than she:
Be not her maid, since she is envious;
Her vestal livery is but sick and green,
And none but fools do wear it; cast it off [8].*

Эти строчки, на самом деле, очень крамольны. Ведь здесь можно, по мнению исследовательницы, увидеть явное недовольство Елизаветой I. Дело в том, что здесь ясно просматривается ассоциация между луной и Елизаветой, которая как римская богиня Диана была окружена прислужницами-весталками – фрейлинами, одетыми в белое и зеленое – цвета дома Тюдоров, к которому и принадлежала королева. В данном случае адгерентно-коннотативные “sick and green” – в первой редакции более очевидное ингерентно-коннотативные “pale and green” – можно считать доказательством этой теории [7].

Важно также отметить, что и в первой и второй редакциях трагедии эти строки остаются неизменными. Дело в том, что редакции, как мы отмечали в одном из наших исследований [2], существенно отличаются, и вторая значительно длиннее, чем первая. Во второй редакции Шекспир изменяет речь персонажей, делает ее более яркой и образной, меняет слова и выражения или добавляет новые пассажи текста. Но изменения не касаются тех аспектов, которые влияют на понимание текста. Данный

отрывок текста в обеих редакциях почти полностью совпадает (за исключением запятых, что можно списать на редакторскую правку, и вышеприведенный пример), что указывает на его исключительную важность для понимания текста.

В данном случае фамилию Монтеки в рамках теории вертикального контекста можно считать реалией, тогда как метафору «луна-Елизавета-Диана» – литературной аллюзией.

Фамилию «Монтеки» можно рассматривать в рамках вертикального контекста потому, что она сама является отсылкой к роду графа Саутгемптона. Понимание этой реалии позволяет определить, для чего и с какой целью была написана данная пьеса, то есть, что же скрывается за непримиримой враждой двух родов – Монтеки и Капулетти. Если довериться мнению Клэр Асквит, то становится понятно, что речь идет о борьбе католиков и протестантов в современной драматургу Англии. По крайней мере, именно этот смысл вкладывал, по всей видимости, сам Шекспир в свое произведение.

Об этом позволяет судить и наличие литературной аллюзии «луна-Елизавета-Диана». Диана в древнегреческой мифологии представлена как богиня луны и охоты, а священный огонь ее поддерживался постоянно весталками. Но также здесь можно увидеть и реалии – в частности, традиционные цвета Тюдоров, в которые одеты прислужницы луны.

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание реалий и литературных аллюзий является критичным для понимания смысла данного произведения. «Ромео и Джульетта» – сложная пьеса. Популярный сюжет, который Шекспир использовал, стал своеобразным «прикрытием» для множества крамольных мыслей. Драматург смог сказать то, что хотел, завуалировано. На первый план выходит трагическая история любви двух влюбленных, тогда как истинный смысл остается понятен только «посвященным».

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы языкознания // Ахманова О.С., Губенет И.В. «Вертикальный контекст» как филологическая проблема. М. 1977. С. 47-54. (Дата обращения 29.03.2022)
2. Сборник тезисов Международной конференции Ломоносов // Васильева Т.С. Второе кварто «Ромео и Джульетты» как улучшенный вариант сценического текста М. 2022. (Дата обращения 07.04.2022)
3. Изд-во МГУ // Губенет И.В. Основы филологической интерпретации литературно – художественного текста. М. 1991. 205 с. (Дата обращения 06.09.2021)
4. Электронный ресурс // Коряжкина О.В. Роль вертикального контекста и различных типов интертекстуальности в лингвопоэтическом анализе художественного произведения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vertikalnogo-konteksta-i-razlichnyh-tipov-intertekstualnosti-v-lingvopoeticheskom-analize-hudozhestvennogo-proizvedeniya> (Дата обращения 13.01.2022)
5. Учебное пособие // Липгарт А.А. Основы лингвопоэтики. М. 2016 (27.02.2022)
6. Электронный ресурс // Липгарт А.А. К проблеме интерпретации фактов жизни и творчества Уильяма Шекспира: поэма «Феникс и Голубь» и покупка не-

движимости в Лондоне М. 2018. URL: <http://stephanos.ru/izd/2018/2018-28-8.pdf> (Дата обращения 02.03.2022)

7. Asquith C. *Shadowplay: The Hidden Beliefs and Coded Politics of William Shakespeare*. New York. 2005. – xvii + 348 p. (Дата обращения 01.04.2022)

8. Shakespeare W. *Romeo and Juliet* // Электронный ресурс URL: http://shakespeare.mit.edu/romeo_juliet/romeo_juliet.2.2.html (Дата обращения 23.03.2022)

© Васильева Татьяна Сергеевна (tanya333890@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ЖАНРЫ ДЕТСКОГО ФОЛЬКЛОРА В ИГРОВOM ДИСКУРСЕ АНГЛИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Гаранина Наталья Викторовна

К. филол. н., доцент, ФГБОУ ВО "Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова"
garanina.natalya@mail.ru

GENRES OF CHILDREN'S FOLKLORE IN THE GAME DISCOURSE OF ENGLISH SCHOOLCHILDREN

N. Garanina

Summary: In this article, the author notes the diversity of genres of English children's folklore in the discourse of active games. The analysis of the lexical content of each genre is carried out, its functions are determined. The research material was fragments of active games from works of fiction by English and American authors. Attention is focused on the rich potential of children's word-making.

Keywords: active game, schoolchildren, discourse, folklore, genre, word-making.

Аннотация: В данной статье автор отмечает разнообразие жанров английского детского фольклора в дискурсе подвижных игр. Проводится анализ лексического наполнения каждого жанра, определяются его функции. Материалом исследования послужили фрагменты подвижных игр из произведений художественной литературы английских и американских авторов. Акцентируется внимание на богатом потенциале детского словотворчества.

Ключевые слова: подвижная игра, школьники, дискурс, фольклор, жанр, словотворчество.

Игра как вид человеческой деятельности играет важную роль в жизни ребенка. Общеизвестно, что игра – прерогатива детства. Ведущие типы и функции игры изменяются в каждом возрастном периоде. Дети школьного возраста играют, главным образом, в подвижные игры. Исследователи (П.П. Блонский, В.Ф. Кудрявцев, С.А. Шамаков, В. Sutton-Smith, P.&I. Opie, G. Goldstein, G. Chick, L.A. Barnett и др.) отмечают, что в этом возрасте дети с удовольствием играют в коллективные подвижные игры с инвентарем: мячом, палками, клюшками, битами, камешками, скакалками и пр. В этих играх дети развиваются физически и социально – отрабатывают навыки работы с игровыми предметами, совершенствуют ловкость, выносливость и скорость; подчиняются игровому регламенту, учатся самоутверждаться в среде сверстников, вырабатывают ответственность, сдержанность. Значение подвижных игр для школьников трудно переоценить.

По мере взросления на смену упомянутым играм приходят спортивные игры. С 1920-х годов спортивные игры вошли в обязательную школьную программу занятий по физическому образованию в Британии [19]. Английские подростки играют в такие спортивные игры, как крикет, футбол, регби, бейсбол, хоккей. Для них наибольшее значение приобретает чувство солидарности, умение играть в команде, разрешать конфликтные ситуации, поддерживать друг друга. Такие навыки социализации имеют большое значение для их дальнейшей жизни в обществе.

Подвижную игру сопровождает значительный пласт

лексики: наименования игр, игрового инвентаря, речевые клише этапов игры, междометия, фразы ведения игры, стереотипные фразы. Таким образом, под игровым дискурсом английского школьника мы понимаем речь английских подростков, погруженную в ситуацию подвижной игры.

Свобода речевого выражения, активное употребление различных фольклорных жанров отличают игровой дискурс школьников от дискурса взрослых.

В настоящей статье мы рассмотрим жанры детского фольклора в составе дискурса подвижной игры английского школьника, определим их функции.

Детское творчество является объектом исследования фольклористов, этнографов, литераторов и педагогов. Среди исследований русского детского фольклора представляются особенно значимыми работы О.И. Капицы, Г.С. Виноградова, В.П. Аникина, М.Н. Мельникова и др. В Британии детский фольклор стал важной областью изучения с 1880-х годов. Наиболее известными исследователями детского творчества английского ребенка являются такие английские и американские ученые, как R. Ford, В. Sutton-Smith, P.&I. Opie, R. Abrahams, E. Tucker, G. Fine и др.

В то время, как первые работы по изучению детского фольклора были посвящены сбору и классификации произведений детского словотворчества, в современных исследованиях ученые акцентируют внимание на живое проявление детского фольклора в определенной

ситуации игры, выделяют новые фольклорные жанры, наблюдают влияние современных реалий на лексическое наполнение детского фольклора.

Под детским фольклором понимают произведения устного художественного творчества, известные детям, не входящие в "обычный" репертуар взрослых [2]. Детский фольклор уникален по своему разнообразию, поскольку в нём сосуществует огромное множество жанров. Каждого из них отличает своя история и своё назначение.

В дискурсе подвижных игр английских школьников нами отмечены следующие произведения детского фольклора:

Детские прозвища и дразнилки – этот жанр детского творчества присутствует в среде дошкольников и младших школьников. Г.С. Виноградов относит их к "сатирической лирике", "лирике осмеяния" [2, с. 34]. Дети смеются над своими промахами, недостатками, увлечениями и заблуждениями, над сверстниками и взрослыми. Детский юмор отличается свежестью и оригинальностью, от разнообразных причудливых детских фольклорных произведений слушатель получает огромное удовольствие [13, р. 46]. Дети составляют и употребляют дразнилки, когда хотят подшутить над кем-то или высмеять, обидеть. Б. Саттон-Смит выделяет среди них более мягкие и доброжелательные языковые формы (*teases*) и агрессивные дразнилки (*taunts*), мотивированные негативными эмоциями, такими как ненависть, зависть, желанием доминировать и компенсировать свою слабость [20, р. 233]. Они нацелены на вербальную атаку – расстроить ребенка, "посрамить противника словом" [3, с. 100]. Дразнилки и прозвища привлекают детей своей экспрессивностью и эмоциональностью. Согласно М.Н. Мельникову, прозвище прикрепляется к ребенку в качестве устойчивого эпитета, а дразнилка применяется только к определенному случаю [4, с. 66].

Дети дразнятся по имени, по внешности, по характеру, по умственным способностям, по ситуации. М.Н. Мельников отмечает, что в последние годы в несколько раз сократилось количество дразнилок о внешности (рыжий, длинный, косоглазый, конопатый, хромой), значительно увеличилось число дразнилок ("дразнилки-посрамления" по Г.С. Виноградову), характеризующих нравственный облик, где высмеиваются трусость, воровство, жадность, зависть и другие недостатки, которые осуждаются среди детей [4, с. 66].

Исследователи английского детского фольклора И. и П. Опи указывают на древнее появление дразнилок и прозвищ. Так, лексема "greedy-gut" / жадина появилась в 1550 году в печатном издании Оксфордского словаря английского языка (The Oxford English Dictionary), "fatty" /

толстяк, жирный в 1797, "cry-baby" / плакса, нытик в 1852, "tattle-tale" / сплетник, болтун в 1889. Среди других дразнилок, высмеивающих неподобающее поведение детей они отмечают следующие: "spoilsport" / обломщик, кай-фолом; "sourpuss" / брюзга, ворчун; "fool" / дурак, болван; "scurvy" / кривляка, "повторюша"; "coward" / трус; "sneak" / ябеда; "bully" / задира, забияка и пр. [17].

В школьном дискурсе подвижных игр является частотным употребление следующих дразнилок: "spoilsport" - игрок совершает нерезультативное действие на поле, тем самым удаляет команду от выигрыша; "coward" - ребенок боится участвовать в игре, противостоять команде противника; "greedy-gut" - ребенок не хочет делиться игровым инвентарем; "bully" - участник провоцирует конфликтную ситуацию; "cry-baby" - ребенок расстраивается (плачет, прекращает игровые действия), получив незначительную травму в ходе игры. Самой обидной дразнилкой в игре с мячом является "butterfingers" ("масляные пальцы" = русс. "дырявые руки", "мазила"). "And, as every boy in the world knows, it is a great disgrace to be called "Butterfingers." [7, р. 91] / Каждый мальчишка в мире считает большим позором, когда его называют "дырявые руки" ("мазила"). Так именуют неопытного, слабого игрока за неумелые действия с мячом: потеря, плохая подача, промах.

Дразнилки на имена содержат две части: первая - имя, вторая - рифма к ней, например, русс. Андрей - воробей, Аркашка - таракашка. В дискурсе подвижной игры именные дразнилки также имеют место. Мальчик, который не выпускает мяч из рук и свысока смотрит на других получает прозвище "Paul the Ball" [22, р. 43] / "Пол - мячик". За отказ продолжать игру девочка дразнит школьника "Alexander-the-totally-teeny-tiny-gherkin" [22, р. 142] / "Александр - крошечный маленький корнишончик".

Аналогично, с помощью рифмы строятся дразнилки на фамилии: "Gold, Gold, you eat mold" / "Голд, Голд, ты ешь плесень"; "Brown, Brown, you're a clown" / "Браун, Браун, ты – клоун" [21, р. 63]. Проигравшего школьника дети дразнят "Stoshack, you suck!" [14] / "Стошак – ты сосунок!".

Среди характерных особенностей дразнилок исследователи выделяют гиперболу, литоту, развернутое сравнение, определение-приложение.

Новые дразнилки появляются по определенным поводам, обычно они свидетельствуют о творческом потенциале его автора. Так, девочку - зазнайку, которая всех учит, игроки дразнят "Miss Perfect I-Know-Everything – You Don't" [15] / "Мисс Совершенство - Я - Все-Знаю - А - Вы - Нет". Для соперника игроки сочинили следующую дразнилку: "Pea-brain Prickle-Head, Pig-manure Prickle-Head, Pukey Prickle-Head" [12] / "Голова-Колючка с гороховыми мозгами, Голова-Колючка из свиного навоза, Рвотная Го-

лова-Колючка”.

Детские дразнилки бывают направлены на решение ряда конфликтных ситуаций, возникающих во время игры. В качестве примера уместно привести фрагмент подвижной игры из художественного произведения “Sideways stories from Wayside school” (L. Sachar). В ходе футбольного матча члены команды обвиняют игрока (Terrence) в необдуманных действиях на поле. На их агрессивные реплики и инвективы Терренс отвечает дразнилками-рифмовками, не давая себя в обиду и продолжая игру: “Shut up, Dixie cup!” / “Замолчи, бумажный стаканчик!”; “Take a train, peanut brain!” / “Садись на поезд, арахисовая голова!”; “Eat a frog, warthog!” / “Съешь лягушку, бородавочник!” [18, p. 98].

Дразнилки и прозвища обладают большой “сатирической силой”, содержат поэтический образ, свидетельствуют о нравственных нормах определенного детского коллектива [4, с. 66].

Кричалки. Этот жанр устного художественного творчества исследователи относят к фанатскому спортивному дискурсу. Однако в школьном дискурсе подвижных игр они также занимают определенное место. Спортивные фанаты (болельщики) — это люди, которые выражают страстную преданность определенной спортивной команде, клубу. Спортивное событие вызывает у болельщиков сильные эмоции, которые они выражают вербально, в том числе с помощью кричалок. Эти произведения представляют собой ритмически организованные тексты, обладают ярким агитационно-пропагандистским содержанием, нацелены на поддержку любимой команды (“произведения-лозунги”), либо на дискредитирование соперника (“позорящие произведения”) [5, с. 90]. Они подчеркивают высокую активность юных болельщиков на школьных матчах, которая положительно сказывается на результатах любимой команды [17, p. 351]. Кричалки обычно лаконичны, организованно скандируются во время спортивного события, их тексты должны быть знакомы любому активному болельщику команды. Некоторые из них образованы по следующей схеме: “One, two, three, for / Who ... we ... for? / Название команды”, например:

“One, two, three, four Who are we for? BREWSTER!”	“Один, два, три, четыре, За кого <i>мы</i> ? БРЮСТЕР!” [16]
---	---

Болельщики могут сначала проскандировать наименование команды по буквам, затем полностью:

“One, two, three, four, Who are we shouting for? I-N-T-E-C-K – INTECK!”	“Один, два, три, четыре, За кого мы кричим? И-Н-Т-Е-К - ИНТЕК!” [17, p. 351].
---	---

По этой модели образуют кричалки в адрес против-

ника, однако во второй строке употребляют лексику с негативной семантикой:

“One, two, three, four, Who do we <u>despise</u> the more? D-E-L-T-A – Deltas!”	“Один, два, три, четыре, Кого мы <u>презираем</u> больше всех? Д-Е-Л’-Т-А - Дельта!” [15].
---	--

Размер кричалок школьных болельщиков различен, от минимального в две строки (“Do or die! / Hixley High! Hixley High!” (Winfield “The Rover boys at Colby Hall”) / “Сделай или умри! / Хиксли Хай! Хиксли Хай!) до значительного:

“Who are we? Can’t you see? Colby Hall! Dum! Dum! Dum, dum, dum! Here we come with fife and drum! Colby! Colby! Colby Hall!”	“Кто мы? Разве не видите? Колби Холл! Дум! Дум! Дум, дум, дум! Мы пришли сюда с дудкой и барабаном! Колби! Колби! Колби Холл! [23].
---	--

Следует отметить, что кричалки болельщиков-подростков довольно экспрессивны. Активность их переживаний вербализуется междометиями, глаголами повелительного наклонения, а также лексемами, семантика которых направлена на устрашение команды противника:

“Kill! Kill! Kill! Crush the Moose! Stomp them! Rip their faces off! Remove their internal organs!”	“Убейте! Убейте! Убейте! Раздавите “Лосей”! Растолчите их! Сорвите с них лица! Выньте их внутренности!” [15].
--	--

В арсенале болельщиков имеются кричалки и на случай поражения любимой команды. Вот как школьники поддерживают проигравшую команду:

“That’s all right! That’s okay! We’re gonna win next Saturday! Go ... Moose!”	“Все нормально! Все в порядке! Мы выиграем в следующую субботу! Вперед ... “Лоси”! [15].
---	--

Таким образом, кричалки занимают важное место в дискурсе подвижных игр английских школьников. Они способствуют основанию психоэмоционального единства, позволяют болельщикам организованно и слаженно поддерживать любимую команду во время игры, а также проявлять творческую активность, создавая кричалки в поддержку команды-фаворита и против команды-противника.

Считалки являются любимым фольклорным произведением ребенка в период с раннего детства и до подросткового. Этот жанр детского игрового фольклора представляет собой короткие, рифмованные стихи, цель которых - выбрать ведущего, распределить игровые роли, установить очередность в игре. Исследователи указывают на древнее происхождение считалок

(counting-out rhymes), когда они применялись для гадания, и случайное выпадение жребия считалось волею providения. Г. Болтон считает, что в древние времена с помощью считалок выбирали жертву для жертвоприношения [9]. Многие детские спортивные игры (варианты крикета / Tippeny Runs, French cricket, Nonstop cricket, Peg Ball; лапта / Rounders; "Зайцы и гончие" / "Hares and Hounds" и др.) требуют равновесия сил. Для этой нелегкой задачи дети часто прибегают к считалкам, то есть отдают выбор на волю случая, когда обижаться не на кого. Однако дети часто хитрят и знают, как выбрать желаемого игрока. Они могут начать считалку с определенного участника, расширять рифму, пропускать или перекашивать счет, добавлять междометия и другие слова. В статье "Стратегии в считалке" Э. Арлео отмечает, что более 82% считалок, которые им довелось наблюдать, представляли собой процесс искусной манипуляции [8].

Основная форма исполнения считалок - речетатив со скандировкой. Наиболее распространенные считалки состоят из зачина, хода и концовки. Зачин обычно выражен счетом или заумным словом, ход имеет сюжет развития или несколько слов-образов, концовка завершает произведение и представляет собой обращение, сентенцию, вопрос, либо отгадку [4, с. 131], например:

One, two, three, four, Mother washed the floor; Floor dried, mother cried. One, two, three, four. You out!	Один, два, три, четыре, Мама вымыла пол. Пол высох, мама заплакала. Один, два, три, четыре, Ты выходишь! [6, p. 153].
--	---

Многие детские считалки содержат бессмысленные слова и созвучия, искажая счет до неузнаваемости. Однако, их кажущаяся бессмысленность подчиняется определенным правилам, выдерживает ритм, заменяя счет [4, с. 112]. Такие считалки представляют собой "своеобразную игру словом и ритмом, в этом заключается их художественная функция" [1]. Они подчеркивают, что "бессмысленные" считалки нравятся ребенку как нечто забавное и замечательное. Ребенок еще познает язык, он испытывает трудности с самовыражением, и считалки такого вида являются одним из средств его общения с другими игроками [17, p. 18]:

Intie, Mintie, Tibbity Fee, / Delia, Delia, Dominee, / Icha, Picha, Dominicha, / Alka, Palka, Poo, / Out pops Y-O-U [21, p. 56].

Исследователи детского фольклора отмечают поразительное звуковое совпадение и сходство считалок в разных странах и культурах. Так, Р. Форд показывает, как одна считалка имеет разные варианты языкового наполнения в Англии, Ирландии и Шотландии:

а) One-ery, two-ery, dickery, dee / Halibo, crackibo,

dandilee; / Pin, pan, muskee dan, / Twiddledum, twaddledum, twenty-one; / Black fish, white trout, / Eeny, meeny, you go out (Средняя Англия);

в) One-ery, two-ery, dickery, Davy, / Hallabone, crackabone, tenery, Navy; / Discome, dandy, merry-come-tine, / Humbledy, bumbledy, twenty-nine, / O-U-T, out. You must out (Ирландия);

с) One-ery, two-ery, tickery, ten, / Bobs of vinegar, gentlemen; A bird in the air, a fish in the sea; / A bonnie wee lassie come singing to thee. / One, two, three! (Шотландия) [13, p. 44-45].

До настоящего времени считалки остаются самым популярным жанром детского фольклора. Постоянно развиваясь, они изменяют свое языковое наполнение, обогащаются новыми реалиями. Считалки обладают огромной силой эстетического воздействия. Дети соревнуются в разучивании новых считалок, при этом развивают память (познавательная функция), обучаются детскому артистизму (эстетическая функция), общаются на начальном этапе игры (коммуникативная функция).

Песенки-гимны. Дети демонстрируют творческий потенциал создавая новые версии хорошо известных стишков и песен. При этом они также стремятся сохранить определенные модели, которые нравились предыдущим поколениям школьников. Песенки-переделки исполняются на мотив хорошо известной детям песни, но с новым содержанием. Фольклорист Г. Файн видит в этом "парадокс Ньюэлла" ("Newell's paradox") - сочетание традиции (мелодии) с творческими вариациями (лексическое наполнение, презентация-исполнение) [21, p. 9].

В детском игровом дискурсе среди песенок-переделок особенно популярны песенки-гимны, в которых болельщики восхваляют любимую команду, восхищаются игроками, заявляют о ее непобедимости и пророчат ей будущие победы. В языковом отношении это проявляется в частотном употреблении слов, выражающих комплименты, военной лексики и междометий. Примером могут послужить следующие произведения детского фольклора, положенные на знаменитые мелодии:

"Old Black Joe" / "Старый Черный Джо":

"We're coming, we're coming Мы идем, мы идем
Star players, every one, Наши игроки - все звезды
We're going to win the championship Мы победим на чемпионате

For Washington! Hurrah! Hurrah!" [16] За Вашингтон!
Ура! Ура!

"Hail Columbia" / "Привет, Колумбия":

<p>"Firm and steadfast shall they be, Marching on to victory; As a band of players, the Shall be conquerors today. For hockey's the game to play" [10]</p>	<p>Они должны быть твердыми и непоколебимыми Двигаясь к победе Как сплоченная команда игроков Сегодня они станут победителями Потому что хоккей - нужная игра.</p>
--	--

Исследователи подчеркивают, что процесс, когда дети перенимают или адаптируют популярные песни для использования в своих играх, продолжается до сих пор.

Стишки. Нередко фольклор служит детям в качестве образца, по которому они сами сочиняют стихи, предназначенные для выполнения коммуникативной функции. Такие стишки бытуют лишь в детской среде и представляют собой творчество детей, где находит отражение "душевный мир ребенка" [1].

В исследованных нами фрагментах школьного игрового дискурса можно выделить стихи, написанные детьми в поддержку отдельных игроков. Такие стихи близки к жанру детского фольклора – сатирической лирике:

<p>There's a girl in this garden called Maisie; At lessons she's horribly lazy, But she's splended at sports, And at games of all sorts, While o'er cricket she waxes quite crazy." [11]</p> <p>A dashing young sportsman named Pringle, On breaking his duck (with a single), Observed with a smile, "Just notice my style, How science with vigour I mingle." [24].</p>	<p>Вот в саду девочка Мейзи. На уроках ужасно ленива, Но в спорте прекрасна И в играх различных. Но крикет сводит ее с ума.</p> <p>Напористый молодой спортсмен Прингл, Совершив неудачный удар, Сказал, улыбаясь: "Отметьте мой стиль, Как я сочетаю науку с энергией".</p>
---	--

Стишки, посвященные любимой игре или команде

менее сатиричны, более лиричны. Они выражают признание и восторг, нацелены на похвалу и поддержку, что сближает их с песенками-гимнами. Такие стишки богаты терминами подвижных игр (наименования игровых ролей, инвентаря, действий на поле, результатов игры и пр.), междометиями (радости, торжества, боевой клич и др.):

"Hurrah for goalkeepers, for forwards and halves!"	Потому что хоккей — это игра, в которую нужно играть,
Hurrah for the clash of the sticks!	Ура звону клюшек!
Hurrah for the rapture of scoring a goal!	Ура восторгу от забитого гола!
(Who minds a few bruises or kicks?)	Кто возражает против нескольких синяков или пинков?)
For hockey's the game to play,	Потому что хоккей — это игра, в которую нужно играть,
When autumn has come to stay,	Когда осень пришла,
And this is the reason	Именно поэтому
we love the cold season" [10].	мы любим холодное время года"

В игровом дискурсе стишки реализуют положительную или отрицательную оценку игроков / игры / команды, создают непринужденный эмоциональный фон среди участников игры, иллюстрируют творческие возможности школьников.

Таким образом, следует отметить разнообразие жанров детского фольклора, представленных в игровом дискурсе английских школьников: дразнилки и прозвища, кричалки, считалки, песенки-гимны, сатирические и лирические стишки. Эти речевые произведения детского фольклора сопровождают различные этапы и ситуации подвижной игры, выполняют в первую очередь коммуникативную функцию, демонстрируют богатый творческий потенциал школьников. Кроме того, они реализуют оценочную (положительную / отрицательную) функцию, оказывают моральную поддержку игрокам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор [Текст]: пособие для учителя / В.П. Аникин. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
2. Виноградов, Г.С. Русский детский фольклор [Текст] / Г.С. Виноградов. – Иркутск: Изд. Иркут. секции науч. работников, 1930. – 234 с.
3. Капица, Ф.С. Русский детский фольклор [Текст] / Ф.С. Капица, Т.М. Колядич. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 320 с.
4. Мельников, М.Н. Русский детский фольклор [Текст] / М.Н. Мельников. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
5. Приемко, О.В. Современный городской фольклор: метод. указания и ил. материал по проведению фольк. практики студентов I курса филол. фак. [Текст] / О.В. Приемко. – Минск: БГУ, 2014. – 128 с.
6. Abrahams, R. Jump-rope rhymes [Text] / R. Abrahams. – The University of Texas, 1969. – 233 p.
7. Anderson, R. Half-Past Seven Stories [Electronic resource] / R. Anderson. – URL: <http://www.childrenslibrary.org/files/21656/> (дата обращения: 26.03.2022).
8. Arleo, A. Strategy in Counting-Out: Evidence from Saint-Nazaire [Text] / A. Arleo. – France, 1991.
9. Bolton, H. The counting-out rhymes of children: their antiquity, origin, and wide distribution; a study in folk-lore [Text] / H. Bolton. - London, 1888. – 148 p.

10. Brazil, A. The Luckiest Girl in the School [Electronic resource] / A. Brazil. – URL: <http://www.gutenberg.org/1/8/0/1/18019/> (дата обращения: 02.03.2022).
11. Brazil, A. The New Girl at St. Chad's [Electronic resource] / A. Brazil. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/24025/24025-h/24025-h.htm> (дата обращения: 12.03.2022).
12. Bruce, D. Dimsie, head-girl [Electronic resource] / D. Bruce. – Goodchild Publishers, 1984. – 233 p.
13. Ford, R. Children's Rhymes, Games, Songs and Stories [Text] / R. Ford. – Paisley: Alexander Garden, 1904. – 287 p.
14. Gutman, D. Abner & me [Text] / D. Gutman. – New York: Harper Trophy, 2005. – 176 p.
15. Gutman, D. My weird school [Text] / D. Gutman. – New York: Harper Trophy, 2004. – 212 p.
16. Hildegard, G. The Camp Fire Girls at School [Electronic resource] / G. Hildegard. – URL: <http://www.gutenberg.net/1/1/7/1/11718/> (дата обращения: 17.03.2022).
17. Opie, I. & P. The lore and language of schoolchildren [Text] / I. & P. Opie. – Oxford University Press, 1959. – 367 p.
18. Sachar, L. Sideways Stories from Wayside School [Text] / L. Sachar. – NY: Harper Collins Publisher, 1998. – 128 p.
19. Sutton-Smith, B. A History of Children's play [Text] / B. Sutton-Smith. – Wellington, 1981. – 264 p.
20. Sutton-Smith, B. Children's folklore: a source book [Text] / B. Sutton-Smith. – New York: Garland, 1995. – 377 p.
21. Tucker, E. Children's Folklore [Text] / E. Tucker. – London, Greenwood press, 2008. – 164 p.
22. Wilson, J. The Dare game [Electronic resource] / J. Wilson. – URL: <http://bookfi.org/book/2044627> (дата обращения: 25.02.2022).
23. Winfield A.M. The Rover Boys under Canvas or The Mystery of the Wrecked Submarine [Electronic resource] / A.M. Winfield – URL: <https://www.gutenberg.org/files/23286/23286-h/23286-h.htm> (дата обращения: 15.03.2022).
24. Wodehouse, P.G. A Prefect's Uncle [Electronic resource] / P.G. Wodehouse. – URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6985/> (дата обращения: 21.02.2022).

© Гаранина Наталья Викторовна (garanina.natalya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ОДНОЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ МИНИАТЮРЕ XVI В. В СВЕТЕ ДАННЫХ СЛОВАРЯ МАХМУДА КАШГАРСКОГО И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Глашев Ахмед Алабиевич

Аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова

a.glashev@mail.ru

ABOUT THE AZERBAIJANI MINIATURE OF THE XVI CENTURY IN THE LIGHT OF THE DICTIONARY OF MAHMUD KASHGARI AND KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Summary: The article deals with the issue of interpreting the mythological plot in the miniature of the 16th century artist Muhammedi using materials from the Karachay-Balkarian language and mythology, as well as the data from the 12th century monument "The Dictionary of Turkic Dialects of Mahmud al-Kashgari". The author studies the opinions of the researchers who described and tried to explain this plot in the miniature. The article analyzes the terminology of the pre-Muslim pantheon in the Karachay-Balkarian language (words 'choppa', 'elliri-choppa'), in the language of the Huns of the North Caucasus according to the "History of the Caucasian Albanians" by Moses Dasxurantsi, "The Dictionary of Turkic words of Mahmud al-Kashgari" (the words 'elri', 'eldri'), Codex Cumanicus and the ancient religious and mythological customs of the Karachay-Balkars. As a result of this study the author comes to the conclusion that the miniature depicts an ancient Turkic religious and mythological plot.

Keywords: miniature of Muhammedi, Dictionary of Mahmud al-Kashgari, thunder deity Choppa, Karachay-Balkarian language, Codex Cumanicus, The History of the Caucasian Albanians by Moses Dasxuranci, Azerbaijani language and folklore.

Аннотация: В статье рассматривается вопрос интерпретации мифологического сюжета на миниатюре художника XVI века Мухаммеда с помощью материалов карачаево-балкарского языка и мифологии, а также данных памятника XII века «Словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского». Автор проводит критический разбор мнений исследователей описавших этот сюжет на миниатюре. В статье анализируется терминология домусульманского пантеона в карачаево-балкарском языке (слова *чоппа*, *эллири-чоппа*), в языке гуннов Северного Кавказа по «истории агван» Моисея Каганкатваца, «Словаре тюркских слов Махмуда Кашгарского» (*elri*, *eldri*) и Codex Cumanicus, а также древние религиозно-мифологические воззрения карачаево-балкарцев. Указанный анализ приводит автора к заключению о том, что на миниатюре изображен древнетюркский религиозно-мифологический сюжет.

Ключевые слова: миниатюра Мухаммеда, Словарь Махмуда Кашгарского, грозное божество Чоппа, карачаево-балкарский язык, Codex Cumanicus, «История агван» Моисея Каганкатваца, азербайджанский язык и фольклор.

В «Фонде В.Б. Веймарна» отела редких изданий и рукописей Института тюркологии хранится выпуск X сборника «Искусство Азербайджана» с дарственной надписью К.Д. Керимова В.Б. Веймарну. В этом сборнике помещена статья К.Д. Керимова «Азербайджанский художник XVI в. Мухаммеда», в которой описывается одна интересная миниатюра, выполненная в двух вариантах, и приписываемая художнику Мухаммеда. Сюжет, изображенный на ней, так и не получил приемлемого объяснения исследователей. Автор отмечает по этому поводу: «Среди неподписанных работ, уверенно приписываемых Мухаммеда, большой познавательный интерес представляет одна очень оригинальная миниатюра, содержание которой еще как следует не выяснено» [14, с. 47]. По словам К.Д. Керимова, разные авторы, исследовавшие эту миниатюру, каждый по-

своему трактовал ее сюжет и соответственно дал ей условное название («Танец дервишей», «Бродячие шуты», «Веселье в маскарде», «Танец бродяг»). На миниатюрах, как пишет автор статьи, изображена «компания жизнерадостных людей. В сопровождении музыкантов, играющих на духовом (мусикар) и ударных (зарб, кус и деф) инструментах, трое мужчин в конусообразных колпаках и трое наряженных в шкуру козла, исполняют эмоционально бурный танец. Э. Кюнель, видимо, приняв наряженных танцоров за настоящих козлят, называет эту миниатюру «Танец скоморохов и козлят». Как видно, все эти названия условны и не раскрывают сути содержания рисунка» [14, с. 47]. Автор также не может точно определить, что же изображено на этих интересных миниатюрах и лишь заключает свое мнение осторожным, но отчасти верным предположением: «можно предположить,

что в ней изображен определенный обряд, восходящий своими корнями к более древнему ритуалу, утратившему свое первоначальное значение и превратившемуся в простую игру. Известно, например, что подобные игры исполнялись раньше перед наступлением весны, т. е. за две-три недели до новогоднего праздника «Новруз байрамы». Предполагаемая связь с праздником весны и с «Новруз байрам» действительно верна, но автор так и не смог развить эту мысль, считая, что все же на миниатюре изображена шуточная сцена: «Эта миниатюра свидетельствует, что художник был одарен чувством юмора, любил изображать веселых, комических персонажей, которые смешными жестами и гримасами напоминают скорее скоморохов, чем проповедников религии – дервишей» [14, с. 49]. На этом автор переходит к описанию других миниатюр Мухаммеда и больше не возвращается к этой самой интересной работе.

Попробуем разобраться в сюжете миниатюры, привлекая материалы карачаево-балкарского языка и «Словаря тюркских наречий Махмуда Кашгарского», а также ценнейший источник по истории и языку тюрков Северного Кавказа «История агван» Моисея Каганкатваца. Присутствие дервишей на обоих вариантах миниатюры явный намек на важность сюжета и его связь с каким-то мистическим культом. Практически всех исследователей и самого К.Д. Керимова в заблуждение ввело присутствие на миниатюре ряженных в шкуру козла. Не очень глубокое знание домусульманского пантеона древних тюрков и народов Кавказа повело всех исследователей по ложному пути. Хотя автор, как мы видим, все же интуитивно верно предположил, что на ней «изображен определенный обряд, восходящий своими корнями к более древнему ритуалу». Он также верно подметил, что подобные танцы (предполагаем, что он имел виду ряженных в козлиную шкуру) исполнялись весной перед праздником «Новруз байрам». Все это явно восходит к какому-то очень важному и древнему ритуалу, связанному с культом, где козел играл важное место. И мы действительно находим объяснение этому сюжету в письменных источниках, содержащих информацию о религии древних тюрков. Так, интересная информация содержится в «Истории агван» Моисея Каганкатваца, который в главе XL описывает религиозные культы гуннов Северного Кавказа. Особенно интересен сюжет, где албанский священник Исраил говорит гуннам: «Вы также почитаете богом и называете спасителем молнию небесную, которая сверкает во время грома» [16, с. 126], который говорит о культе божества *Чона* у гуннов (в переводе Патканяна *Чонай* *չոնայ*, в переводе Сибатяна *Чона*): «...прежде всего, должно быть сожжено громогласное кладбище *чона*, называемое Даркунанд, руками этих уверовавших старших жрецов. Они должны пойти туда с проклятиями и сжечь [кладбище-рощу], лишь после того они могут быть крещены и причащены...» [16, с. 131]. Однако, исследователи, обратившие внимание

на это интереснейшее место «Истории агван», так и не смогли дать ему правильную интерпретацию [9, с. 240]. В карачаево-балкарской мифологии *Чонна* – божество грозы и молнии. Он также считался покровителем плодородия и жатвы, поэтому, являлся божеством, покровительствующим бракам и деторождению. Более того, у гуннов *Чона*, также как у карачаево-балкарцев, был божеством грозы и молнии. Причина земледельческого характера культа бога грома и молнии кроется в том, что предки карачаево-балкарцев на определенной стадии развития рассматривали небо, как начало мужское, а землю – как женское. Соответственно гроза мыслилась ими как акт их соединения, соития, что и отразилось в выражении, бытующем до сих пор: «Кёк кюкюресе, жер бууаз болады – Когда гремит гром, земля оплодотворяется». В результате этого появлялась растительность [11, с. 126]. Поэтому праздник в честь божества *Чонна* проводили весной, а пляска во время этого праздника называлась *Чоннай*. Эти представления характерны для древнейших культов многих народов мира. Здесь нелишним будет привести, что у карачаево-балкарцев слово *чонай* также относится к табуированной лексике и означает penis. Но, не менее интересное сообщение об этом божестве мы находим у Г.Ф. Чурсина: «В Карачае мною собраны в 1914 году подробные сведения относительно «Чоппы». У карачаевцев под названием «Чоппаны ташы», т.е. «Камень Чоппы», были известны священные камни, почитаемые народом. «Чоппа», по объяснению карачаевцев, был каким-то богом, к которому обращались во всех важных случаях жизни. Ежегодный праздник Чоппе устраивался весной. Около «камня Чоппы» ставили из жердей козлы и к поперечной перекладине их подвешивали за ноги серого козленка. Козленка раскачивали за рога, он кричал, а молящиеся устраивали вокруг хоровод и пели песню «Эллири Чоппа». По окончании церемонии козленка варили и ели...» [11, с. 127]. В названии песни *Эллири-Чонна* некоторые исследователи усмотрели в первом слове имя пророка Ильи, который часто ассоциировался с Элией (Бог грома и молнии), однако это неверно. В этом названии мы имеем уникальный, дошедший до наших дней древнейший тюркский религиозный термин. Основным значением слова *эллири* в древнетюркском языке было 'шкура жертвенного козленка', как правильно отмечают некоторые авторы [5, с. 276]. Именно это значение приводится в «Словаре тюркских наречий Махмуда Кашгарского»: *elri* 'шкурка козленка' или в форме *eldiri* [12, с. 170-171]. Как видим это слово в словаре Махмуда Кашгарского, оставленное без внимания исследователей, представляет большой интерес в связи с материалами карачаево-балкарского языка и фольклора. Интересно, что балкарцы Черекского ущелья до сих пор козленка называют уменьшительно-ласкательным *цанай* или *цанайцыкъ*, т.е. 'козленок'. При этом есть обычно слово *улакъ* или *улахцыкъ*, но, когда козленка хотят приласкать его, называют именно *цанай* (гунн.-хаз., кар.-балк. *чонай/цанай*, алт. *чан* >укр. *чан* 'козел').

Гравюры Махеммеди

Мужчины в масках козла «теке» («кеппай»). Свадебный ритуал, посвященный Чоппа. Балкария (30-е гг. XX в.)

Таким образом, на обеих вариантах гравюры Мухаммеда изображен очень древний ритуал, уходящий своими корнями в домусульманский религиозный пантеон. Сохранение памяти об этом в Азербайджане в XVI веке неудивительно. В Карачае и Балкарии до сих пор на свадьбах присутствует ряженный с маской козла и плеткой из войлока кеппай, гепчи. Известно, что гунны Северного Кавказа сабиры и хазары долгое время контролировали Албанию и рано начали играть видную роль в политической истории Азербайджана. Исследователи азербайджанского языка (В.Л. Гукасян, Э.И. Азизов) пришли к выводу, что диалекты тюрок савиро-хазарского союза участвовали в формировании азербайджанского языка и фольклора, поэтому их элементы в нем до сих пор сохраняются [1, с. 162]. Известно, что колония гуннов-сабири (савиров) была в Закавказье, в области Сакашен, там, где теперь находится город Гянджа, и куда, по сообщению Менандра, в 576 г. были переселены гунны-сабиры [2, с. 54]. Арабский автор Беладзори сообщает о савирах (севордиях) в области Ути в IX в. [18, с. 83; 4, с. 14]. При Хосрове I Ануширване Дербенд (Баб ал-Абваб) был значительно перестроен и укреплен. По сведениям источников в городе содержался 12-тысячный отряд для её охраны. Для обороны границ также часто привлекались хазары, перешедшие на службу к шаханшаху. В Албании и Азербайджане они были поселены вместе со своими вождями, которые подчинялись марзбанам [15, с. 99]. Д.Е. Еремеев, комментируя, тот факт, что византийский посол к тюркскому кагану взял с собой 106 тюрок в Константинополе, пишет: «Это говорит о том, в Константинополе существовала значительная колония тюрок (авар, болгар, сувар, возможно, и хазар)» [13, с. 56]. Эти сведения о пребывании северокавказских тюрок в Азербайджане подкрепляются ценными сведениями диалектов и говоров азербайджанского языка, которые относятся в целом к огузским языкам, обнаруживают и весьма отчетливую связь с тюркскими языками Северного Кавказа, Крыма и Поволжья. К таковым мы относим, например, геокчайские переходные говоры, которые относятся к западным и северным диалектам. При этом они также имеют следы влияния кыпчакских языков, которые даже могут уходить своими корнями докыпчакскую (булгаро-хазарскую) эпоху. Так, в геокчайских говорах (например, в с. Быгыр) встречается жоканье, которое не встречается ни в азербайджанских исторических памятниках, ни в произведениях классиков азербайджанской

литературы. В этих говорах также есть особая лексика, морфологически и фонетически оформленная, как в ряде кыпчакских языков (карачаево-балкарском): уха-ры (лит. јухары) – кар.-балк. оғъары ‘верх, верхний’, нәду (лит. нәдир) – кар.-балк. неді ‘что, что это такое’, тәры – кар.-балк. тәйри ‘Бог’, чуғаб в с. Быгыр и Гарабаггал (лит. чаваб) – кар.-балк. джуаб ‘ответ’, умуд (лит. умид) – кар.-балк. умут ‘надежда’ и т.д. [7, с. 104, 115]. Характерной особенностью западных диалектов азербайджанского языка является регулярное употребление глухого губно-зубного спиранта –ф в различных позициях, что сближает эти диалекты с верхне-балкарским диалектом карачаево-балкарского языка. Так, в этих диалектах, как и в верхне-балкарском диалекте, наблюдается в конце слов ослабление смычного звука, в результате чего смычному б соответствует щелевой –f: китаф ‘книга’, аз. (зап. д.) китаф ‘книга’; алыф ‘взяв’, аз. (зап. д.) алыф ‘он получил’; кэлиф ‘придя’, ‘он пришел’, аз. (зап. д.) кәлиф ‘он пришел’ и т.д. Регулярное оглушение и спонантизация б (>ф) и переход п>ф в конце слова, также присутствует в карапапакском диалекте азербайджанского языка (главным образом в деепричастных формах), а также в дманиском говоре казахского диалекта азербайджанского языка: карап. кәлиф (чәлиф) – верх.-балк. кәлиф – аз. гелиб ‘придя’; карап. йыхыф – верх.-балк. зыгыф – аз. йыгыб ‘повалив’; карап. кириф (чириф) – верх.-балк. кириф – аз. гириб ‘войдя’ и т.д. Это же явление наблюдается в казахском, кировабадском и нухинском диалектах [5, с. 28, 30; 10, с. 36-39; 3, с. 66]. Такие же явления наблюдаются в айрумском говоре азербайджанского языка: айр. gälifsik – лит. gälipsän ‘ты пришел’, айр. görüfsük – лит. görübsän ‘ты увидел’ [17, с. 95]. По мнению Б.П. Садыкова в айрумском диалекте азербайджанского языка также сохранились некоторые древнейшие фонетические, грамматические и лексические особенности, зафиксированные в языке древнетюркских письменных памятников. Для айрумского языка также, как для верхне-балкарского диалекта характерно цоканье. Эти материалы азербайджанского языка говорят о том, что связь его диалектов и азербайджанского фольклора с тюрками Северного Кавказа намного прочнее и древнее, чем представлялось раньше. Таким образом, азербайджанский художник запечатлел на своей гравюре сохранение в XVI веке в Азербайджане древнего религиозно-мифологического ритуала, зафиксированного источниками у гуннов-сабири в VII веке и современных карачаево-балкарцев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азизов Э.И. К истории цоканья в азербайджанских говорах //Проблемы диалектологии и лингвогеографии тюркских языков. Уфа, 1986.
2. Артамонов М.И. Очерки древнейшей истории хазар. Л. 1936.
3. Ашмарин Н.И. Общий обзор народных тюркских говоров г. Нухи. Баку. 1926.
4. Беладзори. Книга завоевания стран. Пер. П.К. Жузе //Материалы по истории Азербайджана. Вып. III. Баку. 1927.
5. Баскаков Н.А. Карапапахи, или терекеме, и изучение их языка (Из материалов по азербайджанским диалектам Армении) //Краткие сообщения институ-

- та народов Азии. 65. Сб. памяти Е.Э. Бертельса. М. 1964.
6. Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа. Черкесск. 1993.
  7. Велиев А.Г. Некоторые фонетические особенности переходных говоров азербайджанского языка (На материале геокчайских переходных говоров) // Вопросы диалектологии тюркских языков. Т. II. Баку. 1960.
  8. Гукасян В.Л. Тюркизмы албанских источниках // Советская тюркология, 1972, № 2.
  9. Гукасян В.Л. Тюркизмы в «Истории албан» Моисея Утийского // Структура и история тюркских языков. М. 1971. С. 238-250.
  10. Джангидзе В.Т. Дманисский говор казахского диалекта Азербайджанского языка. Баку. 1965.
  11. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик. 1991.
  12. Древнетюркский словарь. Ред. В.М. Наделяев, Д.М. Насилов, Э.Р. Тенишев, А.М. Щербак. Л. 1969.
  13. Еремеев Д.Е. Этногенез турок. М. 1971.
  14. Керимов К.Д. Азербайджанский художник XVI в. Мухаммеди // Искусство Азербайджана. АН АзССР. Вып. X. Баку. 1964. С. 32-60.
  15. Колесников А.И. Иран в начале 7 в. // Палестинский сборник. Вып. 22 (85). Л. 1970.
  16. Мовсес Каланакатуаци. История страны Алуанк. пер. Ш.В.Смбатяна. Ереван. 1984.
  17. Садыков 1974 – Садыков Б.П. Об одном древнем аффиксе родительного падежа в айрумском говоре азербайджанского языка // Советская тюркология. 1974. № 4.
  18. Ямпольский З.И. Об этнониме «севордии» // Советская тюркология. 1973. № 1. С. 83-86.

© Глашев Ахмед Алабиевич (a.glashev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

ОТЛИЧИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОНЯТИЙ «ИДЕОЛОГЕМА» И «КОНЦЕПТ»

Гуань Цзюньбо

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
sophia950612@163.com

DISTINCTIVE FEATURES OF THE TERMS "IDEOLOGEME" AND "CONCEPT"

Guan Junbo

Summary: In this article we are talking about two basic terms of linguoculturology — ideologeme and concept. Comparing them in terms of such indicators as form, referent, function, content specificity, social significance and role in culture (cycle of existence), the author proves the difference between ideologeme and concept. Based on the results of the study, the author proposes her own generalized definition of the term "ideologeme".

Keywords: ideologeme, concept, linguoculturology, concept "tie", ideologeme "pioneer tie".

Аннотация: В данной статье речь идёт о двух основных понятиях лингвокультурологии — идеологеме и концепте. Сравнивая их по таким показателям, как форма, референт, функция, специфика содержания, социальная значимость и роль в культуре (цикл существования), автор доказывает отличие идеологемы от концепта. По результатам проведённого исследования автором предлагается собственное обобщённое определение понятия «идеологема».

Ключевые слова: идеологема, концепт, лингвокультурология, концепт «галстук», идеологема «пионерский галстук».

Под влиянием антропоцентризма в современной лингвистике интенсивно развивается новое направление — лингвокультурология. Одним из интересных, но сравнительно малоизученных объектов исследования лингвокультурологии является идеологема, единого и общепринятого определения которой не существует до сих пор.

Понятие «идеологема» впервые было использовано М.М. Бахтиным для обозначения слов героя романа, которые могут произвести впечатление на читателя и подтолкнуть его к определённым действиям: «идеологема — идеологически полновесное слово (в большинстве случаев активное и действенное)» [2, с. 146].

В последнее время данное понятие всё чаще трактуется при помощи другого, более знакомого и понятного понятия — «концепт».

Так, например, Ю.С. Воротникова определяет идеологему как «идеологический концепт, который задаёт особую модель мира за счёт своей функции воздействия на уровне бессознательного» [6, с. 197]; по мнению Г.Г. Слышкина, идеологема — «элемент концепта, создаваемый посредством целенаправленного воздействия определённых социальных институтов на носителей культуры» [12, с. 11]; Е.Г. Малышева под идеологемой понимает «многоуровневый концепт, в структуре которого актуализируются идеологически маркированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [9, с. 48]; по определению Н.И. Клушиной,

идеологема — это «идеологический концепт, реализующий определённую заданную идею с помощью стилистических ресурсов языка» [8, с. 54]; М.В. Михайловская полагает, что идеологема представляет собой «общенациональный концепт, который воспринимается одинаково людьми, разделяющими одни и те же политические взгляды» [11, с. 377].

Как видим, возможность определения понятия «идеологема» через «концепт» показывает схожесть их понимания в лингвистике. При этом исследований, посвящённых уточнению различий между этими двумя понятиями, недостаточно.

Итак, в рамках настоящей статьи будет проиллюстрировано, в чём состоит отличие идеологемы от концепта, а также сформировано авторское обобщённое определение понятия «идеологема».

В лингвокультурологии под термином «концепт», как правило, понимается ментальное образование, которое имеет языковое выражение и отражает культурно-обусловленное представление человека о мире [4, с. 47; 5, с. 51; 10, с. 4 и др.].

В.А. Маслова, анализируя определения разных учёных, выделяет следующие инвариантные признаки концепта: 1) это минимальная единица человеческого опыта в его идеальном представлении, вербализующаяся с помощью слова; 2) это основная единица обработки, хранения и передачи знаний; 3) концепт выполняет конкретные функции; 4) концепт имеет подвижные границы; 5) концепт социален; 6) это основная ячейка культуры

Таблица 1.

Сопоставление основных признаков концепта и идеологемы

Параметры сравнения	Концепт «галстук»	Идеологема «пионерский галстук»
Форма	Концепт «галстук» вербализуется с помощью слова.	Идеологема «пионерский галстук» вербализуется с помощью словосочетания.
Референт (предмет)	Галстук обозначает шитую полосу ткани, завязанную вокруг шеи. Он имеет разные варианты (галстук-бабочка, галстук-платок, галстук-бантик, галстук-регат и др.) и различные цвета, который могут носить все люди вне зависимости от возраста. Таким образом, реализуется заместительная функция: этот концепт замещает все предметы подобного рода.	Пионерский галстук всегда представляет собой треугольник красного цвета, который завязывается специальным двойным узлом, обычно, на шее ребёнка или подростка. В отличие от концепта «галстук», идеологема «пионерский галстук» включает в себя идеологический компонент: это не просто деталь одежды, а свидетельство принадлежности к пионерской организации.
Функция	Галстук также служит для подчёркивания официального стиля в общении, и может свидетельствовать о наличии или отсутствии эстетического вкуса у его обладателя. Таким образом, можно выделить ещё две функции: ситуативная (определяет регистр общения) и характеризующая (характеризует конкретного индивида).	Пионерский галстук выполняет и функцию воздействия на сознание и поведение людей с целью корректировки поведения согласно идеологии партии, воспитания чувства патриотизма у молодых ребят и приобщения их к посильному участию в построении коммунистического общества.
Специфика содержания	Границы содержания концепта «галстук» подвижны со временем, но это связано не с политикой, а с удобством и эстетическими представлениями, то есть содержание концепта относительно независимо от политики.	Как отражение советской идеологии, содержание идеологемы «пионерский галстук» статично во время своего существования. Её положительно оценили все, кто рос во времена СССР, рассматривая её как символ героического детства.
Социальная значимость	Социальность галстука проявляется в указании на реальный или желаемый социальный статус носителя. Отсутствие галстука обычно не приводит к долгосрочным последствиям.	Пионерский галстук нужно было обязательно носить. Если человек не носил пионерский галстук, он становился чужим и воспринимался как враг.
Роль в культуре (цикл существования)	Галстук — традиционный показатель социально-экономического статуса человека в обществе.	Пионерский галстук — показатель принадлежности к политической идеологии в определённый период существования культуры.

[10, с. 50].

То есть, концепт характеризуется такими признаками, как вербальная форма, наличие референта, способность выполнять функции, изменчивость содержания, социальность и важная роль в культуре, которые представляется возможным использовать в качестве параметров сравнения.

Для того, чтобы конкретно и наглядно сопоставить концепт с идеологемой, возьмём, к примеру, концепт «галстук» и идеологеме «пионерский галстук» (табл. 1).

Проведённый сравнительный анализ основных признаков концепта и идеологемы подтверждает, что между этими двумя понятиями существуют некоторые различия, которые представляется возможным определить исходя из четырёх критериев:

1. важнейшая функция: важнейшая функция концепта — заместительная функция («в процессе мысли концепт замещает множество предметов одного

и того же рода» [1, с. 269]), а для идеологемы — воздействующая функция, связанная с желанием правящей верхушки управлять массами;

2. специфика содержания: объём содержания концепта постоянно увеличивается «за счёт новых концептуальных характеристик» [3, с. 29], а идеологема характеризуется относительной статичностью, так как она контролируется государством;
3. оценочность: отношение носителей одной и той же культуры к концепту может быть неоднозначным, и это не приведёт к серьёзным последствиям; а идеологема обязательно должна быть воспринимается представителями социума однозначно («правильно»), иначе это может привести к конфликту;
4. цикл существования: концепт существует автономно, вне зависимости от политики, а идеологема как элемент идеологии существует в определённый исторический период (с того момента, когда пионерами начали становиться практически все и почти автоматически, «пионерский гал-

стук» утратил идеологическое значение и воспринимался как обязательный атрибут школьника определённого возраста, часть школьной формы).

Опираясь на проведённое исследование, можно сказать, что идеологема представляет собой концепт особого типа, который включает в себе идеологический (имеющий целью сформировать единое коллективное представление носителей языка о политической действительности) компонент, активный в определённый

исторический период и выполняющий функцию воздействия на сознание и поведение адресата.

Идеологемы отличаются от концептов воздействием на адресата, статичностью содержания, однозначной оценочностью и ограниченной длительностью цикла своего существования: после утраты своей политической значимости, идеологемы становятся фактом истории и уходят в пассивный словарный запас носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / Под ред. В.П. Нерознака. – М., 1997. С. 267–279.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М.: Худож. лит., 1975. – 502 с.
3. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001. – 123 с.
4. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков / Пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
5. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
6. Воротникова Ю.С. Свобода в американской демократической системе: о том, как ее понимают президенты // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 9. С. 190–197.
7. Доброноженко Г.Ф. «Кулак» во второй половине XIX в. – 20-е гг. XX в.: общеупотребительное слово – научный термин – идеологема // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 12 (68). С. 299–306.
8. Клушина Н.И. Теория идеологем // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 54–58.
9. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2011. – 324 с.
10. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. – Минск: ТетраСистемс, 2008. – 272 с.
11. Михайловская М.В. Идеологема как элемент глобального вертикального контекста // Язык. Культура. Перевод. Коммуникация: сборник научных трудов. – М., 2018. С. 374–377.
12. Слышкин Г.Г. Лингвокультурный концепт и идеология // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3 (13). С. 10–18.

© Гуань Цзюньбо (sophia950612@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

О ПРОБЛЕМЕ ВОСПРИЯТИЯ ИДИОМАТИКИ РОДНОГО ЯЗЫКА СОВРЕМЕННЫМИ ПОДРОСТКАМИ

ON THE PROBLEM OF THE NATIVE LANGUAGE IDIOMATICS PERCEPTION BY MODERN TEENAGERS

D. Erastova

Summary: The purpose of the study is to identify the peculiarities of the perception and acquisition of the native language idiomatics by schoolchildren aged 12 to 18. The article discusses the stages of the speech ability formation in children and describes the main characteristics of the adolescents' speech. The scientific novelty lies in the development of a psycholinguistic battery of tests for a comprehensive study of the idiomatics perception at the adolescent stage of speech development. The experiment proves the presence of difficulties and distinctive features in the development and use of idiomatics in speech at this stage of the speech ontogenesis.

Keywords: psycholinguistics, ontolinguistics, experiment, idiomatics, phraseology, speech ontogenesis.

Ерастова Диана Алексеевна

*аспирант, Московский государственный областной университет; старший преподаватель, Российский университет транспорта (г. Москва)
di.91@list.ru*

Аннотация: Цель исследования – выявить особенности восприятия и освоения идиоматики родного языка школьниками в возрасте от 12 до 18 лет. В статье рассматриваются этапы формирования речевой способности у детей, описываются основные характеристики речи подростков. Научная новизна заключается в разработке психолингвистической батареи тестов для комплексного изучения восприятия идиоматики на подростковом этапе речевого развития. Проведенный эксперимент доказывает наличие затруднений и характерных особенностей при освоении и употреблении в речи идиоматики на данном этапе речевого онтогенеза.

Ключевые слова: психолингвистика, онтолингвистика, эксперимент, идиоматика, фразеология, речевой онтогенез.

Введение

В современном мире все большую актуальность приобретают смежные дисциплины, образованные на стыке знаний нескольких наук. Ярким примером является онтолингвистика – отдельное направление психолингвистики, предметом которой стало «исследование становления языковой личности в онтогенезе» [2, с. 7].

Развитие психолингвистики показало «недостаточность наших знаний о механизмах онтогенеза речи» [10, с. 195], наличие сложностей в объяснении того, каким образом, на каких этапах развития формируются языковые способности индивида. В научной литературе существуют различные подходы к периодизации возрастного развития ребёнка: Ж. Пиаже, Л.С. Выготского, Д.Б. Эльконина и других учёных. Классическим отечественным вариантом является периодизация А.А. Леонтьева. Он выделял следующие периоды формирования речевой деятельности в онтогенезе: подготовительный (с рождения до года), преддошкольный (от года до 3 лет), дошкольный (от 3 до 7 лет), школьный (от 7 до 17 лет) [6]. В силу неоднородности в составе этапа школьного возраста выделяются ещё несколько стадий: младший школьный возраст (от 7 до 10 лет) и подростковый возраст (от 11 до 17 лет).

Поскольку наше исследование посвящено проблеме

восприятия идиоматики родного языка подростками, остановимся на данном этапе подробнее. Подростковый возраст – один из важнейших и одновременно сложнейших периодов развития человека вообще и его речи, в частности. В соответствии с периодизацией Д.Б. Эльконина в подростковом возрасте выделяется два этапа: средний школьный возраст (11-15 лет) и старший школьный возраст (15-17 лет) [11, с. 16].

Если на более ранних возрастных этапах речь на всех языковых уровнях «характеризуется быстрыми и очевидными изменениями» [1, с. 11], то в подростковом возрасте она меняется постепенно. Увеличивается длина используемых детьми предложений, синтаксическая структура которых становится сложнее, совершенствуется «способность к связному, понятному дискурсу» [Там же, с. 12].

В исследованиях последних лет говорится о необходимости выделить ещё один этап развития речи, наблюдаемый у подростков старшего возраста (16-18 лет и даже до 19 лет). На данном этапе формирование речи в онтогенезе, конечно, не завершается. Широкое понимание онтогенеза предполагает, что, по сути, развитие речевых способностей продолжается всю жизнь и достигает своего наилучшего результата в возрасте 35-40 лет, то есть онтогенез – «процесс развития индивидуума на протяжении всей жизни» [8, с. 24]. Однако исследование данных этапов развития речи уже не связано с изу-

чением её формирования, а значит, проходит вне границ очерченной нами выше онтолингвистики как психолингвистики детской речи.

Обратимся к объекту изучения – идиоматике. Фразеология и идиоматика – это тождественные понятия. Согласно Л.И. Ройзензону, фразеологический состав языка представляет собой «наиболее самобытное его явление» не только в плане системно-регулярной аномальности, но в плане выражения фразеологизмами национальной самобытности народа – носителя языка [7].

По мнению В.Н. Телия, «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [9, с. 215].

Языковую компетенцию, достаточную для восприятия идиом, ребёнок вырабатывает к 11-15 годам. Понимание и активное осознанное введение фразеологизмов в речь происходит обычно именно в этом возрасте. Н.Н. Елисеева и Е.А. Горобец на основе эксперимента, проведённого по адаптированным тестам [12], отмечают, что к двенадцати годам дети «могут правильно определить идиоматическое значение выражения в 8 случаях из 10» [3, с. 16].

К возрасту 16-18 лет развивающийся в норме подросток уже владеет практически всеми фразеологизмами, которые есть в словарном запасе окружающих взрослых. Многие из данных единиц находятся в его пассивном словарном запасе и могут быть извлечены оттуда при необходимости.

Проводившееся в 2021 году исследование состояло из двух этапов. На первом этапе был произведен отбор стимульного материала, подробное описание которого приведено в предыдущих работах [4, 5]. Второй этап заключался в проведении очного письменного тестирования учеников средних общеобразовательных школ города Москвы и Московской области с 6-го по 11-й класс (12-18 лет). Было опрошено 27 мальчиков и 27 девочек. Русский язык для всех респондентов являлся родным языком. Анкетирование состояло из трех заданий:

1. «Угадай выражение по картинке»
2. «Подбери верное значение выражения»
3. «Вставь пропущенное слово»

Первое задание «Угадай выражение по картинке» заключалось в том, чтобы отгадать 10 зашифрованных в картинках выражений с изображением прямого, буквального значения. 35 % респондентов неверно назвали идиому, а 56 % не смогли объяснить ее значение. Фра-

зеологизм **каша в голове** вызвал массу ассоциативных выражений: *голова/котелок не варит, заварить кашу; делать из мухи слона* превратилось в *слон и муху не обидит; заруби себе на носу* – или *не суй нос не в своё дело, задирать нос, ударить по носу, рубить по носу*, как посчитали школьники; к идиоме **тянуть kota за хвост** был предложен эквивалент *бить баклуши*; идиому **как за каменной стеной** дети проассоциировали с изображенной на картинке погодой и получили *гром среди ясного неба*; вариантами к **море по колено** стали выражения *ждать у моря погоды, выше облаков; обвести вокруг пальца* стало звучать как *вертеть/водить вокруг пальца, бродить по кругу, не крути пальцем; заморить червячка превратилось в *заманить червячка, или что посеешь – то и пожмёшь*; а фразеологизм **между ними пробежала чёрная кошка** 30 школьников восприняли как *чёрный кот перебежал дорогу* (плохая примета).*

Второе задание «Подбери верное значение выражения» включало в себя 15 идиом русского языка, к которым участникам было необходимо определить переносное значение. Дистракторами в данной части тестирования являлись буквальное (прямое) и ассоциативное (схожее с переносным, но все же неверное) значения. С данным заданием справились 2 мальчика и 3 девочки, выбрав все 15 переносных значений. Ассоциативный вариант значения мальчики выбирали в 19 % случаев, девочки – в 15 %. Буквально воспринимали то или иное выражение 10 % мальчиков и 3 % девочек. Наибольшие затруднения вызвали идиомы: **тянуть за язык** – половина опрошенных считает, что фраза означает «проболтаться, выдать секрет»; также более 50 % респондентов полагают, что **два сапога - пара** – это «идеально подходящие друг другу люди».

В задании «Вставь пропущенное слово» подросткам требовалось дополнить недостающим словом 15 фразеологизмов и объяснить их значение своими словами. 54 % опрошенных неверно объяснили значение выражений, а 36 % детей не смогли воспроизвести идиому в полном объеме. На данном этапе эксперимента мы получили большое количество интерпретаций устойчивых выражений: вместо **выносить сор из избы**, дети выносят из избы шум, ум, всё, себя, соль, ругань, ссору (ссор, сору); **душа уходит в пятки** или, как считают 5 детей, душа лезет или упала в пятки; фразеологизм **войти в положение** 7 подростков воспринимают буквально: в трудном/плохом положении, стоять в чужом положении, быть в положении; **как сонная муха**, или как сонная ночь, мумия, тетеря (тетеля), пташка, лощина; вместо **пожинать плоды** дети пожинают воду, хлеб, труд (4 человека); **плясать по дудку**, или плясать под трубочку; фразеологизм **одним махом** дети интерпретировали как бить махом, быстрым махом, смахнуть махом, дать махом, всё махом; выражение **на всех парусах** 15 подростков заменили на алые паруса, а 6 человек на белые.

Заключение

Настоящее исследование состояло из двух этапов. Первый этап описан в ранее опубликованных работах [4, 5]. Второй этап включал в себя три задания. В нем приняли участие 54 подростка от 12 до 18 лет. В ходе эксперимента были выявлены следующие особенности освоения идиоматики родного языка. В первом задании из 10 картинок 35 % ответов оказались неверными, а 56 % детей не смогли объяснить значение фразеологизмов. Со вторым заданием справились только 5 участников эксперимента из 54. 17 % подростков выбрали ассоциативный вариант значения, в то время как 7 % респондентов воспринимают некоторые идиомы буквально. В третьем задании также более половины опрошенных неверно объяснили значение выражений, а 36 % участников не удалось воспроизвести идиому в полном объеме.

Отмечается, что девочки более чувствительны к переносному значению устойчивых выражений, им проще удавалось определить зашифрованные в картинках идиомы, что свидетельствует о том, что данные фразеологизмы находятся у них в активном словарном запасе. Мальчики же, напротив, многие выражения воспринимают буквально.

Также обратим внимание на то, что в возрасте с 12 до 14 лет у детей наблюдается наиболее успешная картина восприятия идиом, вероятнее всего благодаря акцентированию внимания учителя на этой теме на уроках русского языка и родной литературы.

На основании полученных результатов эксперимента можно судить о низком уровне владения идиомами и фразеологическими оборотами родного языка детьми 12-18 лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валуйцева И.И. Особенности речи детей, вовлеченных в политику / И.И. Валуйцева, И.С. Ветчина // Вопросы прикладной лингвистики. – 2020. – № 39. – С. 7-32.
2. Горелов И.Н. Основы психолингвистики: учебное пособие / И.Н. Горелов, К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2001. – 304 с.
3. Елисеева Н.Н. Восприятие идиом русскоговорящими детьми: материалы для нейролингвистического опросника / Н.Н. Елисеева, Е.А. Горобец // Филология и культура. – 2017. – № 4 (50). – С. 16-21.
4. Ерастова Д.А. Идиоматика в речи современного подростка / Д. А. Ерастова // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 08–09 апреля 2021 года. – Нижний Новгород: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», 2021. – С. 40–42.
5. Ерастова Д.А. Идиоматика: сохранить нельзя уничтожить // Жизнь языка в культуре и социуме - 8: Материалы международной научной конференции (г. Москва, 28–29 мая 2021 г.). М.: Институт языкознания Российской академии наук, 2021. – С. 57–58.
6. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: учебник / А.А. Леонтьев. – М.: Academia: Смысл, 2005. – 287 с.
7. Ройзензон Л.И. Русская фразеология. Самарканд, 1977. – 119 с.
8. Румянцева И.М. О широком понятии онтогенеза речи и его значении для прикладных наук / И.М. Румянцева // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2018. – № 189. – С. 22–28.
9. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996. – 284, [2] с.
10. Фрумкина Р.М. Психолингвистика: учебное пособие / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2006. – 320 с.
11. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте / Д.Б. Эльконин // Вопросы психологии. – 1971. – № 4. – С. 6–20.
12. Marini A. Batteria per la Valutazione del Linguaggio in Bambini dai 4 ai 12 anni (BVL_4-12) / A. Marini, L. Marotta, S. Bulgheroni, F. Fabbro. – Firenze, Italy: Giunti O.S., 2015.

© Ерастова Диана Алексеевна (di.91@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНФОРМАТИВНОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА КАК СПОСОБ ВЛИЯНИЯ НА РЕЦИПИЕНТА РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА США ДЖ. БАЙДЕНА)

INFORMATIVENESS OF A POLITICAL TEXT AS A WAY OF INFLUENCE ON A SPEECH RECIPIENT (ON THE EXAMPLE OF THE SPEECH OF USA PRESIDENT J. BIDEN)

I. Krutova
G. Khorokhorina
E. Akbilek

Summary: The article considers the informativeness of the speech of political discourse as a way of influencing on the recipient of speech. The speech of the USA President J. Biden to the employees of the US State Department on February 4, 2021 is analyzed. The measure of informativeness is determined; factors influencing on the strengthening and weakening of the measure of information content; language means that affect the recipient of speech.

Keywords: political discourse, informativeness, language instruments, J. Biden.

Крутова Ирина Николаевна

*К.филол.н., доцент, Российский университет кооперации
(Мытищи)
dartsk@mail.ru*

Хорохорина Галина Анатольевна

*К.и.н., доцент, Академия социального управления
(Мытищи)
galina_rgsu@mail.ru*

Акбилек Елена Анатольевна

*К.филол.н., доцент, Академия социального управления
(Мытищи)
ekuharenko@mail.ru*

Аннотация: В статье рассматривается информативность речи политического дискурса как способ влияния на реципиента речи. Анализируется выступление президента США Дж. Байдена перед сотрудниками Госдепартамента США 4 февраля 2021 г. Определяется мера информативности; факторы, влияющие на усиление и ослабление меры информативности; языковые средства, влияющие на реципиента речи.

Ключевые слова: политический дискурс, информативность, языковые средства, Дж. Байден.

В данном исследовании нами рассматривается аспект информативности в политическом дискурсе на примере выступления Дж. Байдена. Мы проанализируем речь президента США и выделим аспекты текста, которые используются в выступлении, чтобы оказать нужное политическое влияние на аудиторию.

Актуальность данной работы обусловлена недостаточной проработанностью темы на материалах последних лет. Это выражается в отсутствии комплексного подхода к характеристике информативности современного политического дискурса.

Материалом для исследования послужило выступление президента США Дж. Байдена перед сотрудниками Госдепартамента США в Вашингтоне, округ Колумбия, 4 февраля 2021, известное также как «Речь президента Байдена о месте Америки в мире».

Цель нашего исследования – проанализировать информативность текста, определить ее меру в политическом дискурсе президента США, оценить степень влияния на реципиента, указать какие средства используются для усиления или уменьшения меры информативности.

Специфика формирования оценочных суждений в

политическом дискурсе позволяет выявить факторы, влияющие на объективную модальность языковых реципиентов. Использование определенных модальных маркеров при формировании высказывания позволяет ему более эффективно функционировать в вопросах, требующих от политика наиболее действенного способа формирования мировоззрения аудитории. Политический дискурс не имеет своих особенностей в правилах лексики и грамматики, но сильно зависит от содержания. Поскольку основной целью коммуникации в политическом дискурсе является воздействие на электорат, лексика, используемая в речи политика, должна быть предельно понятной и доступной даже незаинтересованной аудитории. Современная лингвистика предоставляет большое многообразие вариантов определения термина «дискурс», это связано со сложностью объекта исследования и отсутствием единого подхода к его изучению [14, с. 254].

Дискурс – это «последовательность предложений, связанная речь, выходящая за рамки одного конкретного предложения. Также она культурно обусловлена» [16, с. 3].

Нужно отметить определение Е.В. Сидорова, где дискурс описывается, как «отдельный акт речевой коммуникации, в процессе которого в социокультурном кон-

тексте порождается текст, а текст как знаковую модель сопряженных коммуникативных деятельностей общающихся, как необходимое звено и произведение акта речевой коммуникации в единстве его языковых, деятельностных и прочих свойств» [8, с. 232].

По мнению В.И. Карасика, выделяют два типа дискурса: личностно-ориентированный (личностный) и статусный (институциональный) дискурс. Личностный дискурс — это бытовое общение, представляющий собой «естественный исходный способ речи, органически усваиваемый с детства» [4, с. 50]. Институциональный дискурс – это коммуникация, ограниченная рамками определенного социального института, в котором каждый из участников диалога играет определенную социальную роль. Институциональный дискурс включает в себя следующие виды: политический, образовательный, деловой, научный, информационный и др.

В данном исследовании нас интересует институциональный дискурс в отношении нашей проблемы влияния на реципиентов речи.

Т.А. ван Дейк определяет политический дискурс как дискурс политиков, реализуемый в виде правительственных документов, парламентских дебатов, партийных программ, выступлений политиков. Ограничивая понятие политического дискурса деятельностью политиков, т. е. профессиональной компетенцией, ученый подчеркивает его институциональный характер [15]. Адресатами могут быть не только профессиональные политики, но и политологи (профессиональные аналитики), журналисты и писатели, пишущие на политические темы, а также обычные люди, рассуждающие о политике [9, с.42].

Восприятие речи реципиентом в политическом дискурсе напрямую зависит от его информированности содержанием этого дискурса (политической обстановкой, представлением о политических взглядах говорящего, конкретных политических ситуаций и пр.).

При формировании высказываний в политическом дискурсе, значение влияния на аудиторию играет ключевую роль, так как является целью коммуникации [2, с. 51]. Результат, который преследуется говорящим, может быть положительным, но в то же время может быть и отрицательным. Причинами отрицательного результата (т.е. коммуникативной неудачи), на наш взгляд, могут являться следствием определенных факторов при подготовке речи: не точно определенным типом целевой аудитории (их взглядов, возраста, интересов, уровня образования и пр.); обращение к услугам сторонних специалистов по написанию текста, чье плохое ориентирование в сущности обращения спикера к аудитории имело влияние не на большую массу слушающих, а только на определенную категорию лиц; непроработанные мо-

дальные маркеры и акценты в речи, и, в следствие, слабая и неуверенная подача речи политиком и т.д.

Самой важной среди характеристик политического дискурса мы выделяем интертекстуальность. Данная характеристика отвечает за наличие содержания в речи средств для подчеркивания ее выразительности, что делает ее более запоминающейся посредством использования аллюзий, цитат, метафор, неологизмов, а также фразеологии [12, с. 28].

В политической дискуссии влияние языка на скрытые цели говорящего и специфическая организация письменной речи связаны с идеями, заставляющими участника принять добровольное решение, выгодное политику. Но сила воздействия и его практический эффект зависят от намерения говорящего. Сложный и трудоемкий процесс воздействия на произведения речи происходит в ходе любого действия устного общения [3, с. 52].

В строении высказываний политических выступлений, автор стремится любыми способами навязать свою картину мира реципиенту, что без использования маркеров объективной и субъективной модальности невозможно, так как представляемая на суд слушающего информация будет проанализирована и оценена с учетом его предпочтений, собственных взглядов и личной сформированной картины мира. Использование политиком правильно подобранных модальных средств в высказываниях позволит убедить реципиента не отказаться от собственных убеждений, но изменить их вектор в сторону одобрения говорящего и пропустить их через призму представлений, которые он выражает [7, с. 189].

Словарь эмоциональных оценок отражает личное политическое отношение человека к конкретной ситуации, которую он хочет представить потенциальным избирателям. В политических дебатах часто используются косвенные тактики воздействия на аудиторию, такие как полуметафорические, метафорические метафоры, аналогия, интерпретация и другие инструменты, используемые для реализации важных стратегий политического диалога. К таким стратегиям относятся: конкуренция, запугивание, борьба за власть, усиление восприятия событий, давление на оппонентов, обман политического сознания электората. Целью таких стратегий часто является создание закрытого образа и альтернативы реальности.

Нужно иметь в виду, что согласно теории О.Л. Михалевой, доказательство важности изучения методов убеждения, по которому большинство избирателей делают свой выбор, основываются на сострадании к лидеру или организации, а не на оценке их деятельности [5, с. 73]. Следовательно, при подготовке своего выступления, политик ориентируется главным образом на эмоциональную составляющую. Правильно поданная, выра-

зительная и эмоциональная речь оставляет отпечаток в памяти реципиента речи.

Любой текст, устный или письменный – это способ передачи информации, всеобщий объем информации, данный в тексте, можно назвать информационной насыщенностью. Такое понятие характеризуется полнотой качества текста, а уже сама информативность – умеренным показателем, поскольку ее мера зависит от реципиента текста или речи [11, с. 234].

Текстуальная осведомленность (информативность) понимается как критерий значимости и значимости текста для реципиента, представляющего собой авторскую тему и идейную систему авторской оценки мысли субъекта. Размер свойств текстовой информации можно увеличить или уменьшить. С прагматической точки зрения текстовая информация уменьшается в случае повторения информации и, наоборот, увеличивается, если текст содержит больше новой информации [1]. В тексте должны соблюдаться такие аспекты, как информационная насыщенность, информационный минимум, информационная норма. Несоблюдение этих правил ведет к информационной избыточности или недостаточности.

4 февраля 2021 года президент США Дж. Байден выступил с речью перед сотрудниками Госдепартамента в Вашингтоне, округ Колумбия. В последствии в новостных заголовках данное выступление было названо «Речь президента Байдена о месте Америки в мире» (Remarks by President Biden on America's Place in the World). В ходе своего выступления президент США уделил внимание важности роли страны на международной арене, как было подчеркнуто, «чтобы решать не вчерашние проблемы, а сегодняшние и завтрашние» [6]. Основной посыл заключался в так называемом «возвращении Америки», были озвучены жесткие замечания в адрес России и президента РФ В.В. Путина, прозвучали требования освободить справедливо осужденного российского оппозиционера Алексея Навального, упоминались политические союзы и союзники США. С политической точки зрения выступление президента США должно было показать всему миру, что после некоторых уступок времен предыдущего президента Д. Трампа, Америка продолжает агрессивную политику соперничества с Россией, Китаем, Ираном. Прозвучали лозунги по поводу выхода из экономического кризиса, сохранением конкурентоспособности Америки на мировом уровне. Все эти перечисленные моменты, по мнению Дж. Байдена, стали возможны благодаря дипломатическому корпусу США. Однако, конкретно нас интересует не политическая подоплека текста и ее последствия, а то, какие информативные приемы были использованы для влияния на слушателей.

Начало речи Дж. Байдена можно охарактеризовать «перегруженностью» словами благодарности к его кол-

леге Госсекретарю Тони Блинкену. В первой же фразе звучат такие слова: «Г-н Госсекретарь, очень приятно находиться здесь вместе с Вами. И я долго ждал, пока мне представится возможность назвать Вас Г-н Госсекретарь». Только далее следуют слова приветствия остальных членов собрания и возврат к личности Т. Блинкена: «... это здорово – находиться здесь и стоять рядом с нашим теперь самым главным дипломатом, Государственным секретарем Тони Блинкеном. Г-н Госсекретарь, благодарим Вас за то, что Вы пригласили нас сегодня. Мы работали вместе более 20 лет. Ваши дипломатические способности уважают как Ваши друзья, так и Ваши соперники во всем мире». В то же время часть вышеуказанной фразы («... благодарим Вас за то, что Вы пригласили нас сегодня. Мы работали вместе более 20 лет. Ваши дипломатические способности уважают как Ваши друзья, так и Ваши соперники во всем мире...») можно охарактеризовать «сгущением» смысла – так называемому включению новой информации, минуя один из этапов «нарастания» информации – вводится информация про длительность работы двух политиков и сразу происходит «прыжок» на тему уважения к дипломатическим способностям Госсекретаря. В художественном тексте простительно скрывать лишнюю, связующую информацию, что нельзя сказать о политическом.

Вообще, такие информационные «прыжки» очень частое явление в данном выступлении. Например: «Основа нашей глобальной политики – наша глобальная мощь. Это неиссякаемый источник силы. Это непреходящее преимущество Америки. Хотя многие из этих ценностей в последние годы испытывались на прочность, а в последние недели даже были поставлены на грань, американский народ намерен стать сильнее, преодолев испытания, стать решительнее и быть более подготовленным к тому, чтобы объединить мир в борьбе за дело демократии, потому что мы сами за нее боролись». Высказывание о глобальной мощи Америки, её преимуществе, сразу за ней следует «прыжок» на ценности, которые испытываются на прочность.

Нужно отметить подчеркнутую доброжелательность речи, особенно, в начале, во время приветствия аудитории («... хочу, чтобы вы знали: я был профессором президентской политики Бенджамина Франклина в Пенсильванском университете. И я подумал, они сделали это, потому что мне было столько же лет, сколько ему, но догадываюсь, что нет...»). Вроде бы шутивная фраза должна настроить реципиентов на расположенность к выступающему. Такой аспект отличает нынешнего президента США от предыдущего – Д. Трампа, который практически не пытался заинтересовать электорат доброжелательным отношением [13, с. 171].

Повышение информативных качеств текста выступления Дж. Байдена характеризуются ссылками на пред-

шествующие данной речи события, такие как предыдущие выступления президента Америки, переговоры с иностранными и американскими коллегами; а также усиленными вводными словами или конструкциями («... Как я уже говорил на этой неделе...; ... в течение нескольких последних дней мы тесно сотрудничали...»).

Речь американского президента насыщена эпитетами для усиления передачи информации реципиентам. Часто используются такие слова-усилители, как «глобальный» (global), «беспрецедентный» (unprecedented), «наилучший» (the best) и т.д., что служит неявным языковым воздействием на аудиторию. Такие эпитеты усиления очень отчетливо расставлены в выступлении политика.

Также к усилению аспекта информативности можно отнести часто повторяющуюся фразу «Америка вернулась», имеющую большое значение в общей структуре выступления. При этом в русском переводе она появляется единожды во фразе «... я хочу, чтобы мир сегодня услышал мое послание: Америка вернулась. Дипломатия вернулась в центр нашей внешней политики...». В то время как в английском варианте текста фраза повторяется дважды («... so is the message I want the world to hear today: America is back. America is back. Diplomacy is back at the center of our foreign policy...») [17], что еще более делает акцент на этой информации и усиливает сказанный текст.

Использование модальных глаголов для усиления эмоциональной окраски достаточно широко востребованный метод у политиков [10, с. 394]. В своей речи Дж. Байден в определенные моменты применяет английский модальный глагол «must» (рус. – должен, обязан) для расстановки приоритетов в тексте. В англоязычной версии выступления данный модальный глагол используется восемь раз, чаще всего в словосочетании с местоимением «we» (рус. – мы) – пять раз; или словом «America» – два раза, что должно вызвать у слушателей

чувство единения с идеями политика. Модальный глагол «can» (рус. – мочь, уметь) применяется семь раз, однако его эмоциональная окраска гораздо ниже, чем у глагола «must». Такие же модальные глаголы, которые имеют смысл сомнения – «may» и «might» – используются только один раз, и то только в финале речи во фразе «... may God bless you...». Таким образом, можно сделать вывод, что Дж. Байден ни в коем случае не хотел показать аспект сомнения во время своего выступления.

Если рассматривать речь президента США с точки зрения использования методов повышения информативности, то данный текст можно отнести к экстенсивному методу, то есть увеличение информации в тексте путем увеличения объёма этой информации, в отличие от другого пути, а именно интенсивного метода, который работает за счет уменьшения объема текста.

Проанализировав выступление Дж. Байдена, можно наблюдать, что политик старается прививать доброжелательность и уверенность для реципиентов речи, делая это максимально информативно, используя шутивное настроение в начале своей речи, эпитеты усиления в нужных местах и примеры, которые, с большой вероятностью, вызовут у аудитории одобрение взглядов политика. Мера информативности его выступления достаточно высока, хотя и имеет информационную перегрузку в начале речи. Используя экстенсивный метод повышения информативности, президент США конкретизирует, расширяет толкования и знания, поясняет свою мысль, с тем чтобы максимально усилить воздействие своей речи на слушателей. Таким образом, можно указать, что выступление Дж. Байдена и использование им вышеуказанных аспектов информативности практически всегда является спланированным, а не эмоциональным. Однако, эмоциональная окраска не дает негативного аспекта воздействия, а также влияет на благосклонность реципиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бабайлова А.Э. Текст как продукт, средство и объект коммуникации при обучении неродному языку. Изд. Саратовского университета, 1987. С. 60.
2. Воротников, Д.В. Анализ языковой онтологизации эпистемического фактора в аспекте осмысления темы высказывания / Д.В. Воротников, Т.Н. Панкова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 10-2. – С. 51-55. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.10-2.07. – EDN UORRXE.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. - Омск, 1999. - С. 182.
4. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
5. Михалева О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
6. Речь президента Байдена о месте Америки в мире. Электронный ресурс: <https://www.state.gov/translations/russian/> (Дата обращения: 18.04.2022).
7. Сафонов, М.А. Особенности формирования объективной модальности в китайском политическом дискурсе / М.А. Сафонов // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: Сборник научных трудов / Под общей редакцией С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 189-196. – EDN VOPQGG.
8. Сидоров Е.В. Онтология дискурса. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 232

9. Синельникова Л.Н. Политическая лингвистика: координаты междисциплинарности // Политическая лингвистика / Гл. ред. А.П. Чудинов; – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2009. – Вып. 4 (30). – С. 41–47.
10. Усов, С.С. Содержательно-концептуальный аспект информативности политического дискурса (на примере «фултонской речи» у Черчилля) / С.С. Усов // Мировое культурно-языковое и политическое пространство: инновации в коммуникации: Сборник научных трудов / Под общей редакцией С.Н. Курбаковой, Н.М. Мекеко. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2018. – С. 394–400. – EDN LLUUGE.
11. Усов, С.С. Содержательно-концептуальный аспект информативности текста / С.С. Усов // Инновации и инвестиции. – 2014. – № 12. – С. 234–235. – EDN WAYXXR.
12. Федорова, А.В. Отражение пандемии коронавируса на образование неологизмов в итальянских СМИ / А.В. Федорова, В.А. Марциновская // Актуальные проблемы общей теории языка, перевода, межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков: Сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции, Москва, 15–16 января 2021 года. – Саранск: Индивидуальный предприниматель Афанасьев Вячеслав Сергеевич, 2021. – С. 28–34. – EDN WHQRAF.
13. Формирование оценочного суждения в контексте политического дискурса (на материале выступления Дональда Трампа на сессии Генеральной ассамблеи ООН) / Н.Л. Харченко, И.А. Сеницына, Е.А. Янова [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – № 4. – С. 171–177. – DOI 10.37882/2223-2982.2021.04.33. – EDN FRAAYX.
14. Языковые средства выражения элементов фантастики в политическом дискурсе / И.А. Сеницына, М.А. Сафонов, С.С. Усов [и др.] // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2021. – Т. 31. – № 2. – С. 254–263. – DOI 10.35634/2412-9534-2021-31-2-254-263. – EDN QFOJRR.
15. Dijk T.A. van. Ideology. A multidisciplinary approach. – London: Sage, 1998. – 365 p. DOI: 10.4135/9781446217856
16. Harris Z. Discourse analysis. Language. Vol. 28, 1952, pp. 1–30; 474–494. DOI: 10.2307/409987
17. Remarks by President Biden on America's Place in the World. Электронный ресурс: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (Дата обращения: 18.04.2022).

© Крутова Ирина Николаевна (dartsk@mail.ru), Хорохорина Галина Анатольевна (galina_rgsu@mail.ru), Акбилек Елена Анатольевна (ekuharenko@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет кооперации

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ХОЛОДА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ ЭВЕНОВ

Кузьмина Раиса Петровна

к. филол. н., с. н. с., Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера Сибирское
отделение Российской академии наук, г. Якутск
raisakuzmina2013@yandex.ru

CONCEPTUALIZATION OF COLD IN THE LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF EVENS

R. Kuzmina

Summary: The article describes for the first time the cognitive and value-evaluative features of the concept COLD in the linguistic consciousness of the Evens. In the Even linguoculture with the definition of cold, frost, cold, polysemic lexical units are used – иҕэн, иҕэнси, хыалта, going and their phonetic variants identified in the Even dialects. The study of cognitive conceptual features made it possible to identify a number of differential features expressed in the form of metaphors and stable comparisons. The value-evaluative features of the concept in the worldview of the ethnos are presented in the form of gestalts, associations that semantically express the criteria for assessing native speakers to the climatic phenomena of WINTER.

Keywords: linguistic consciousness, concept, picture of the world, linguistic culture, features, metaphor.

Аннотация: В статье впервые описываются когнитивные и ценностно-оценочные признаки концепта ХОЛОД в языковом сознании эвенов. В эвенской лингвокультуре с дефиницией холод, мороз, стужа, используются полисемичные лексические единицы – иҕэн, иҕэнси, хыалта, идя и их фонетические варианты, выявленные в эвенских говорах. Исследование когнитивных концептуальных признаков позволило выявить ряд дифференциальных признаков, выраженных в виде метафор и устойчивых сравнений. Ценностно-оценочные признаки концепта в мировосприятии этноса представлены в виде гештальтов, ассоциаций, семантически выражающих критерии оценок носителей языка к климатическим явлениям ЗИМЫ.

Ключевые слова: языковое сознание, концепт, картина мира, лингвокультура, признаки, метафора.

Концепт ХОЛОД является доминантным в структуре макроконцепта ЗИМА в эвенской лингвокультуре. В этническом сознании народов, проживающих на Крайнем Севере зимний сезон с его природными явлениями, как *холод, мороз, пурга, вьюга, мерзлота* воспринимаются в основном негативно. Эвенский поэт В. Д. Лебедев в своем стихотворении пишет так: «Замерзает здесь птица порой на лету, Замерзает здесь зверь на бегу! Даже небо сереет, как угли в золе, Выцветая от долгой зимы. Но столетья на этой студеной земле, И живем, и работаем мы!» [Лебедев, 2004, с. 6].

В картине мира юкагирского писателя С.Н. Курилова ЗИМА представлена как самое трудное, тяжелое время для жителей тундры: «Морозы все крепче брали над тундрой власть. Уже не возвращались теплые дни. Озера уснули под толстым льдом, а потом и лед засыпало снегом. С каждым днем солнце все ниже и ниже поднималось над горизонтом, пока наконец и оно не уснуло под белыми шкурами... Наступило самое тяжкое для жителей тундры время. Круглые сутки тьма — и морозы, морозы, морозы. Начнется пурга — станет немного теплей. Но куда же в пургу пойдешь или поедешь! А ехать или идти надо каждому здоровому мужику: зима длинная, припасов на долгие месяцы не заготовишь, и стоит побояться мороза — пропала семья [Курилов, 1984].

В мифологии якутов отмечен образ Быка Зимы, «оби-

тающего у Северного Ледовитого океана, ежегодный жизненный цикл которого олицетворяет усиление и отступление зимних морозов» [Макаров, 2017; Кузьмина, 2020]. По постепенному «умиранию» этого персонажа якуты отсчитывают время до смягчения холодов и наступления потепления [Макаров, 2017, с. 19].

Е.А. Грушко и Ю.М. Медведев считают, что «Зима – это время года в представлении славян, как и других народов, всегда было одушевленным. Вспомните известную всем Снежную Королеву – не ее ли напоминает красавица Зима, одетая в белоснежную душегрейку, которая в ноябре приезжает по горам и долам на пегой кобыле? Она дышит на все встречное таким леденящим дыханием, что даже нечисть, о которой добрые люди боятся вспоминать на ночь...» [Грушко, Медведев, 1995. С. 113].

Репрезентантами концепта ХОЛОД в эвенской лингвокультуре являются однокоренные полисемичные лексемы *иҕэн, иҕэнси, иҕэн`хи~ энэн`хи, иҕэншин, иҕэнһи, н`иҕэн`чи*, функционирующие с дефиницией `холод, мороз, стужа; холодный, морозный, студеной; холодно, морозно, студено`.

Лексические единицы *иҕэн* и *иҕэнси* в языковой картине мира эвенов являются рефлексам тунгусо-маньчжурского корня *иҕи-* с дефиницией `заморозить; простудиться`, который образует широкий круг дерив-

ватом. Большую часть составляют глагольные дериваты: *иуэмдэй, иуэмнэдэй, иуэмдэй, н'иуэмдэй, иуэмътнэлдэй, иуэмэтнэлдэй, иуэмътнэлдэй* `мерзнуть, коченеть, зябнуть, леденеть; обмораживать; чувствовать озноб`; *иуэмукэндэй, н'иуэмукондэй* `заморозить`; *иуэмукэттэй* `замораживать`; *иуэмэлдэй* `замерзать, окоченевать, застывать; зазнобить`; *иуён'илдэй, иуён'элдэй* `похолодать (о воздухе)`; *иуён'илукэндэй, иуён'элукэндэй* `охладить, остудить`; *иуён'илукэттэй, иуён'элукэттэй* `охлаждать, остужать`; *иуэн'дэй* `похолодать, замерзнуть`.

Так же от корня *иуи*- в эвенском языке образованы субстантивные, адъективные, адвербиальные дериваты: *иуичэ* `замороженный; простуженный; простуда`; *иуэкчэ, иуигэй~иуэкэй, иуөкчэ иукил'е, н'иуэмсэ* `мерзлый, мороженный, ледяной; мерзлота`; *иуэмчэ, н'иуэмсэ* `замерзший; мерзлый, ледяной`; *иуёмьн, иуэмэн, иуёмьнмэ, иуёмьнмэ́и* `озноб, простуда`; *иуёмьтэ, иуэмэтэ* `чувствительный к холоду, мерзляк`; *иуён'гидэ, иуөн'гидэ, иуэн'гидэ* `холодная, северная сторона; север; северный`; *иуэн'гидэнкэн, иуөн'гидэнкэн*, `северянин`; *иуён'икё, иуөн'экё, иуён'экё межд.* `ой, как холодно!`; *иуэн'си, иуэн'хи, иуэ́н'ни, н'иуэн'чи* `холодный, морозный, студёный; холод, стужа, заморозки, мороз; холодно, морозно, студено` [ССТМЯ, 1975].

Синонимический ряд лексем *иуэнь* и *иуэн'си* представлены в эвенских говорах лексической единицей *хялта*, применяющейся с дефиницией `мороз, стужа; морозный; морозно` и лексемой *идя* со значением `мороз с ветром, жгучий мороз`. Лексема *хялта* в эвенском языке является образователем в основном глагольных дериватов: *хялтавчидай* `ждать мороза`, *хялтадай* `быть морозу, морозить, холодить`, *хялталдай* `наступить морозу, холоду`, *хялтастадай* `свежесть, прохлада`.

В языковом сознании эвенов явления зимы – *мороз, холод, стужа* наделяются различными **образными** концептуальными признаками, актуализирующихся в художественном дискурсе эвенов в виде метафор и образных сравнений. Дифференциация когнитивных структур концепта производится по классификации, принятой в научной школе под руководством М. В. Пименовой.

В структуре концепта ХОЛОД в эвенской ЯКМ выявлены различные **образные** признаки, характеризующиеся следующим образом:

зооморфные признаки: *Хялта ичэк иинмадас, иивдэ эти одяр...* [Кривошапкин, 2018, с. 130]. `Мороз подобен злой собаке, которая никого не бережет (щадит)` (букв.);

витальные признаки: *Эрочин хялтаду дёл-да ка-бамгаран, хякита нян калтамгаран...* [Кривошапкин, 2018, с.71]. `В зимнюю стужу, даже камни **не выдерживают и лопаются**, и лиственницы раскалываются...`; *Хэ-тэкэтти тугэни...* [Кривошапкин, 1995, с. 147]; *Щипа-*

ючий мороз...; *хялтаду бэкучэ хигиуу...* [Кейметинов, 2013, с. 22]. `от мороза обледенела тайга...`;

признаки занятий: *Иуэнь муту таткаттан...* *Иуэнь муту окта-тит, Маңив эттэт хупкун...* [Бокова, 2011, с. 13]. `Холод нас учит,...Холод нас всегда, Трудности преодолевать учит...` (букв.).

Ценностно-оценочные признаки концепта ХОЛОД в языковой картине мира эвенов выражены различными оценочными предикатами. В этнической картине мира критерии оценки ХОЛОДА в основном негативные и в сознании эвенов основными аксиомами холода являются такие признаки, как –холод = темнота, волки; холод = безнадежность; холод = тоска; холод = печаль; холод = страх; холод = опасность.

В мировосприятии многих народов ХОЛОД, МОРОЗ антропоморфизируются и обладают отрицательными оценками. По мнению А.А. Потебни, «Мороз – явление, противоположное жару, – сближается, однако, в языке с огнем...» [Потебня, 1989, с. 304], «...ненавидный молодой свекор – «мороз лютый» противопоставляется теплому снегу – отцу ...» [Там же, с. 305], «Мысль о противоположности холода и тепла, нелюбви и любви выражена в названии растения *мать* и *мачеха*» [Там же, с. 305], «Вероятно, как противоположность огня – веселья, мороз и холод – печаль и забота...» [Там же, с. 305], «...зима (холод, как ст.-сл.) – горе, а жестокая мать – снег, как выше свекор – мороз. Снег – холод, потому что он выпал весною» [Там же, с. 305].

В лингвокультуре эвенов при репрезентации *холода, мороза* чаще всего используются оценочные адъективы *уэлэм* `страшный, ужасный, поразительный, чрезвычайный`, *эгден* `большой`, *эни* `сильный`, *идя* `жгучий ветер`, *хируки* `злой, сердитый`, *гилси ~гихли, гилра* `холодный`.

В эвенской ЯКМ для описания *холода* наиболее используемыми эпитетами являются *тугэрэп иуэнь* `зимний день`, *хялта эдэн* `холодный ветер`, *тугэрэп хялта* `зимний холод`, *хялталкан инэни* `морозный день`, *идя хялта* `студёный холод`, *хялталкан тугэни* `морозная зима`, *иуэнь инэу* `холодный день`, *уэлэм хялта* `трескучий мороз`.

В качестве интенсификаторов, объективирующих сильную степень **холода, стужи, мороза** чаще всего выступают наречие *хо* `очень`, адъективные лексемы с формантом *-ке*, выражающего избыточную меру качества и полисемичная лексема *уэлэм* с дефиницией `страх, опасность; страшный, ужасный, опасный, поразительный, удивительный, изумительный, чрезвычайный; страшно, ужасно, слишком, изумительно, чрезвычайно, крайне, очень, весьма, поразительно, сильно, здорово, удивительно, опасно`: *Хо катав хялталкан тугэни иуэндун...* [Кейметинов, 2013, с. 56]. `В **очень** холодный`

зимний день...»; Индигиркала тугэниду **хо цүнэнь** бивэт-тэн [Тарабукин, 2009, с. 37]. «На Индигирке зимой бывает очень холодно»; *О, цүн'эке, хо-хо цүн' биһин*. «О, как холодно было, сильный холод был»; *Тугэни дагамран. Иүньсин хо одни...* [Кривошапкин, 2019, с. 176]. «Разгар зимы. Сильные холода наступили...»; *Цүлэм хялта инэуи одни* «Ужасно холодный день наступил»; *Цүлэм цүхэйи эмнэн*. «Страшный холод пришел».

При характеристике **холода, мороза, стужи** в языковой картине мира эвенов употребляются глагольные лексемы *бэйдэй* «мерзнуть, зябнуть», *бэидэй* «отморозить, застудить», *цүэмдэй* «мерзнуть, коченеть, зябнуть, дрогнуть, стыннуть, цепенеть, леденеть; обмораживать, знобить», *хялтадай* «быть морозу, морозить, холодить»: *Хялтаду бэгиннэт, Эр укал эмчэлэн...* [Кейметинов, 2013 с. 27]. «На морозе замерзнем, Уже наступившем...».

В репрезентации **холода** в эвенском языке частотным является гештальт *набучин* «печаль»:...*Хекитаукарты набучилра. Мут-тэ бээкэр мэргэчилрэн, Хелтаукарты хелталран...* [Тарабукин, 2009, с. 24]...Деревица **опечалились**. И мы, люди, стали **невеселы**, холода начинаются...

В мировосприятии эвенов-кочевников **холод** – это *ургэ* «трудно, тяжело, мучительно», *хилга* «мука, страдание, мучение»: *Тугэнирэн оралди нулгэдэк, он-да экич гөн, хо ургэ нян хилга. Эррочин хялтаду дёл-да кабамгаран, хякита нян калтамгаран. Бэу цүлэм эрэли хапкаччин...* [Кривошапкин, 2018, с. 71]. «В зимнюю стужу кочевка на оленьих упряжках дело **непростое, тяжело** и **мучительно. Опасность** поджидает путника везде».

В эвенских паремиях **холода** ассоциируется с **темнотой**, например: *Илэ химүнэн – тала цүнэнь*. «Где темнота – там холода» [Бурыкин, 2001, с. 172].

Образ **холода** в этническом сознании приобретает персонифицированный характер и несет **страх, ужас**: *Нёбати багатиран бисни. Ноуан хиралкан-нюн цүлукэттэн (хялта)*. «Белый богатырь живет. Его дыхание пугает (**мороз**)» [Бурыкин, 2001, с. 115].

В индивидуально-авторской картине мира поэтов-

эвенов **родной дом** ассоциируется с *морозами, холодами*: *Элэ мямси төрлэ, Хялта цүнэнь буглан ...*[Кривошапкин, 1995, с. 247]. «На этой удивительной земле, На родине **холодов...**»; *Иүньэ бидэн, идя худэн, Иүньэ төрлэ дэгэддэм: Тала дялбу этуддэ. Эмэддыву алатта...* [Лебедев, 2004, с. 4]. «Пусть **холодно**, дует **жгучий** холодный **ветер**, Лечу на Север. Там родные ждут (меня)...» (букв.).

В фольклорном дискурсе эвенов зафиксированы приметы, показывающие приближение надвигающихся холодов, трескучих морозов: *Аткикан көрекэлттэн, көрекэй тэттэн – хялтандилран*. «Месяц шапку-капор носит, шапку-капор надел – мы начнем мерзнуть» [Бурыкин, 2001, с. 238].

Большинство примет, связанных с непогодой, с надвигающимся ненастьем, с наступающими морозами, холодами, пургой, метелью, связаны с поведением животных, например: *Цин оуатчи төру-гуулрэкэн, чоужаракан, цүн оваттан*. «Собака роет своим носом землю, куда-то суется носом, холод будет» [Бурыкин, 2001, с. 241]; *Орон хурканнокон – буркун тикчин*. «Если олень прыгает – будет метель»; *Цин циннюн эвикэттэкэн – н'амуолтон учанолбон. Ирулду биһөкөн – удон одни, тугэ биһөкөн – буркун*. «Если собака с собакой играют – погода испортится. Если летом – будет дождь, если зимой – метель»; *Өлики боло хэргинук өгилэ (суһугураникан) игэлкэнэт ойчиракон, төрэнтэкэн – иңэйлэдэй гөүнэр*. «Если осенью белка снизу с шумом поднимается – к холодам говорят» [Кузьмина, 2018, с. 307].

Заключение

Таким образом, концепт ХОЛОД, являющийся доминантным компонентом макроконцепта ЗИМА, в лингвокультуре эвенов относится к группе ключевых концептов. В языковом сознании этноса образная структура концепта ХОЛОД дифференцируется по различным ассоциативным признакам, наиболее распространенными из которых являются витальные признаки, зооморфные, признаки занятий. В национальной картине мира определено в основном негативное отношение и резкое неприятие к таким явлениям зимнего сезона, как ХОЛОД, МОРОЗ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокова Е.Н. Дюганиңи дэнтурам (Воспеваю лето): стихи /Е.Н. Бокова. – Якутск: Бичик, 2011. – 96 с
2. Бурыкин А.А. Малые жанры эвенского фольклора /А.А. Бурыкин. – СПб: «Петербургское востоковедение», 2001. – 288 с.
3. Грушко Е.А. Словарь славянской мифологии / Е.А. Грушко, Ю.М. Медведев. – Н.Новгород: «Русский купец», «Братья славяне», 1995. – 368 с.
4. Кейметинов В.С. Дэнтуралби анирам: дэнтурал / В.С. Кейметинов. – Якутск: Бичик, 2013. – 64 с.
5. Кривошапкин А.В. Песни Севера. Стихи / А.В. Кривошапкин. – Якутск: Бичик, 1995. – 256 с.
6. Кривошапкин А.В. Тормита буюэмүэ / А.В. Кривошапкин. – Якутск: Бичик, 2018. – 208 с.
7. Кривошапкин А.В. Бини –ачмуднахэвнэк / А.В. Кривошапкин. Якутск: Бичик, 2019. – 256 с.
8. Кузьмина А.А. Представления о холоде в фольклорной картине мира якутов / А.А. Кузьмина // Научный диалог. – 2020. – № 4. – С. 189-202.

9. Кузьмина Р.П. Концепт «зима» в языковой картине мира эвенов / Р.П. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – №10-2(88). – С. 305-308
10. Курилов С.Н. Ханидо и Халерха / С.Н. Курилов // М.: Сов. Россия, 1988. – 623 с.
11. Лебедев В.Д. Родной край / В.Д. Лебедев // Якутск: Бичик, 2004. – 80 с.
12. Макаров С.С. Хозяин холода и дух озер: водяные быки в якутской мифологии / С.С. Макаров // Фольклористика. – 2017. № 2/2. – С. 11-25.
13. Потеня А.А. Слово и миф / А.А. Потеня // Москва: Правда, 1989. – 623 с.
14. ССТМЯ: Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Л.: Наука, 1975. – Т. 1. – А-Н; 1977. Т. 2. – О-Э.
15. Тарабукин Н.С. Куңурапу: рассказы и стихи для детей / Н.С. Тарабукин // Якутск: Бичик, 2009. – 64 с.

© Кузьмина Раиса Петровна (raisakuzmina2013@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО КРУГОЗОРА СТУДЕНТОВ-МЕДИКОВ

SEMANTIC ANALYSIS AS A MEANS OF FORMING THE ACADEMIC OUTLOOK OF MEDICAL STUDENTS

**G. Malygina
S. Savenkova**

Summary: The main goal of modern higher education is to train a specialist with broad outlook and able to receive and analyze information. Learning the Latin language at a medical university is not limited to basic grammar and professional vocabulary. Semantic analysis of the studied lexical units contributes to the formation of a stable understanding and mastery of academic vocabulary, strengthening interdisciplinary connections and metasubject skills.

Keywords: semantic analysis, terminology, Latin language, academic vocabulary, interdisciplinary connections.

Малыгина Галина Евгеньевна

к.филол.н., доцент, Приволжский исследовательский
медицинский университет (г. Нижний Новгород)
malygina_g@mail.ru

Савенкова Светлана Рудольфовна

к.и.н., доцент, Приволжский исследовательский
медицинский университет (г. Нижний Новгород)
ssrsv@yandex.ru

Аннотация: Основная цель современного высшего образования — подготовка специалиста, обладающего широким кругозором и способного получать и анализировать информацию. Изучение латинского языка в медицинском университете не ограничивается базовой грамматикой и профессиональной лексикой. Семантический анализ изучаемых лексических единиц способствует формированию устойчивого понимания и овладению академической лексикой, укреплению межпредметных связей и метапредметных навыков.

Ключевые слова: семантический анализ, терминология, латинский язык, академическая лексика, межпредметные связи.

Современное высшее образование имеет своей целью подготовку высококвалифицированных кадров, обладающих широким кругозором и способным добывать и анализировать информацию, полученную из разных источников. В то же время все еще ярко выражено существование междисциплинарных границ, которые не позволяют обучающимся видеть взаимосвязь отдельных предметов и их значение для будущей профессии.

В профильных ВУЗах изучению языков и собственно терминологии, отводится далеко не первостепенное место. Это приводит к тому, что многие студенты-медики относятся к предмету «Латинский язык и основы медицинской терминологии» с известной долей скепсиса, что снижает мотивацию к его изучению. Поэтому необходимость разъяснения практической ценности освоения данного предмета применительно не только к профильным дисциплинам, но и ко всей области академического познания в целом, является одной из важнейших задач преподавателя.

В современном обществе многие науки, на первый взгляд, далёкие друг от друга своими целями, имеют, при ближайшем рассмотрении, ряд схожих задач. Это позволяет им использовать в качестве инструментария одинаковые термины с различной семантикой, зависящей от предмета изучения. Превалирующее количество корней, формирующих термины в современных науках, принадлежит греческому и латинскому языкам. Таким образом,

способность улавливать их значение и базовые знания о грамматической структуре термина позволяют студентам быстрее осваивать различные предметы. Например, термин «когнитивный», часто используемый в различных областях знаний, образован от латинского слова “cognitio, onis f”, центральным значением которого является ‘познание’: когнитивная лингвистика (филология), когнитивное расстройство (медицина), когнитивный уровень (философия), когнитивный подход (психология). Конечно же, в разных науках этот термин употребляется с разными оттенками значения, но все они связаны с областью познания, что, при условии знания перевода слова, вполне возможно идентифицировать студенту. Исходя из вышесказанного, знание терминологии расширяет академический кругозор.

В данной статье рассматривается академическая терминология, составляющая базовый инструментарий освоения как сопряженных предметов медицинского ВУЗа, так и гуманитарных наук, входящих в обязательную программу обучения. Цель данного исследования – установить насколько развит кругозор студентов-первокурсников в области терминологии и как он эволюционирует в связи с изучением новой лексики.

Существует ряд терминов, относящихся к разным наукам и имеющих практически схожую семантику. Эти термины универсальны и формируют некую академическую базу для понимания основ дисциплин изучаемых в ВУЗе. То есть, понимание основного значения греческо-

го или латинского корня помогает студентам быстрее ориентироваться в новом предмете как, например, философия или анатомия. Как правило, даже студенты первого года обучения достаточно хорошо ориентируются в значениях данной группы терминов, поскольку за время обучения в школе они часто сталкиваются с ними в различных науках. Хорошее владение данной терминологической базой позволяет студентам интуитивно угадывать если не точное значение термина в данной конкретной науке, то достаточно высокий процент этого значения. Задача преподавателей греческой и латинской терминологии в медицинском университете состоит в том, чтобы максимально точно сформировать когнитивную базу для данной терминологической группы в силу ее особой значимости для каждой науки, так как за время обучения в школе многие термины могли быть неверно интерпретированы обучающимся или позабыты. Кроме того, исконные значения привычных слов могут быть весьма неожиданными, что помогает студентам через обновление ассоциативных связей поновому взглянуть на слово и закрепить его смысл в сознании. Например, такое фундаментальное понятие как «синтез» (“synthesis, is f”) в качестве основного имело значение ‘набор, комплект’ (посуды, одежды и т. д.) [1, с. 757]. Практически во всех современных словарях синтез трактуется как ‘соединение (мысленное или реальное) различных элементов объекта в единое целое (систему)’, что закрепить в сознании студентов можно на примере посуды, которая состоит из разных элементов, но систематизируется нашим сознанием как единое целое ‘посуда: кухонная утварь’.

Еще один базовый термин «парадигма», восходящий к греческому “paradigma, atis n” – ‘поучительный пример’ [1, с. 681], часто вызывает у студентов затруднения в его идентификации, хотя довольно часто употребляется в школьной программе. «Научная парадигма» в широком смысле слова подразумевает под собой систему взглядов и представлений, объединенных в рамках единых понятий, философии и методологии, в узком смысле – образец, шаблон. Например, «парадигма склонения» – это образец изменения слов с точки зрения их основ и окончаний. Таким образом, знание перевода этого греческого корня позволяет студентам обеспечить правильное восприятие любых терминов с данным корнем в условиях коммуникативной ситуации.

Многие базовые термины имеют общепринятое значение и используются в терминологии разных наук, таких как математика, физика, химия, философия, биология, история, литература и другие. Например, «аксиома» (от греч. “axioma, atis n” – ‘значимое, принятое положение’) имеет значение ‘исходное, принимаемое без доказательства положение какой-либо теории, лежащее в основе доказательств других ее положений’ [5, с. 73]. То же касается и термина «система», который образо-

ван от греческого корня “systema, atis n” – ‘соединение’. В современном значении под системой в разных науках понимается категория, обозначающая объект, организованный в качестве целостности, где энергия связей между элементами системы превышает энергию их связей с элементами других систем, и задающая онтологическое ядро системного подхода [2].

Само слово «термин» (“terminus, i m”) имело значение ‘предел, граница, межевой камень’ – и сейчас является одним из основных базовых понятий академической лексики. Термин – это слово или словосочетание, служащее для однозначного и точного обозначения специального научного понятия [7, с. 40]. Изначальная семантика слова сохраняется в том, что термины отграничивают понятия науки от ненаучных (обыденных).

Определение значения термина, его «дефиниция» (от латинского “definitio, onis f” — ‘определение, точное указание’), в разных науках может иметь разное семантическое наполнение для одного и того же термина, объединенное общим семантическим признаком (ср.: синус в математике и медицине).

Этот пласт терминологии, представляющий собой слова общие по форме, но разные по смыслу в разных науках, чаще всего возможно идентифицировать, зная исходное значение греческого или латинского корня, поскольку значение самого термина формируется метонимически. И здесь важно сформировать у студентов навык применения семантического анализа относительно греко-латинских терминов различных дисциплин.

Рассмотрим, к примеру, междисциплинарный термин «вектор», образованный от латинского слова “vector, oris m”, которое в классической латыни имеет 3 значения — ‘несущий; всадник; пассажир’. Семантика слова такова, что все значения, так или иначе, связаны с движением и направленностью. В любой науке, которая использует данный термин, это значение реализуется. В физике и математике вектор – это «величина, которая характеризуется своим численным значением и направлением» [8]; в эпидемиологии — «это организм, переносимый паразитов от одного хозяина к другому; переносчик инфекционных заболеваний; самостоятельно реплицирующаяся молекула ДНК, способная включать чужеродную ДНК (гены) и переносить ее в клетки, наследственные свойства которых желают изменить; в генетической инженерии в качестве вектора используют ДНК плазмид и вирусов (обычно бактериофагов)» [6]. Кроме того, мы можем встретить данный термин в различных словосочетаниях («сердечный вектор деполяризации», «исторический вектор», «вектор развития»), которые принадлежат разным отраслям знаний, но объединены значением направленности.

Термин «генез» обычно является транслитерацией с латинского языка (от “genesis, is f” – ‘рождение, происхождение’ [1, с. 394]). Он часто применяется различными науками, как часть сложного термина, так и в качестве самостоятельного слова, при необходимости выразить мысль о развитии или происхождении чего-либо. Например: патогенез – в медицине это механизм *развития* заболевания, **онтогенез** в биологии – индивидуальное *развитие* особи от зарождения до смерти, психогенез в психологии — термин, обозначающий психологические истоки *происхождения* нормальных и патологических психических феноменов [3]. В философии встречается самостоятельный термин «генезис» в значении — происхождение, становление и развитие, результатом которого является определенное состояние изучаемого объекта. Объяснение генезиса природных и социальных объектов получало научное объяснение в эволюционных теориях дисциплинарного, междисциплинарного, общенаучного и философского характера.

«Инверсия» (от латинского “inversio, onis f” — ‘перестановка’) используется в данном значении в разных науках: в психологии – процесс и результат *нарушения* нормального *порядка* и последовательности элементов, их *перестановка* или замена вплоть до противоположных; в биологии – один из типов хромосомных мутаций, *поворот* участка хромосомы на 180°; в лингвистике – расположение членов предложения в *особом порядке*, *нарушающем обычный* (прямой) порядок, с целью усилить выразительность речи [4, с. 87]; в логике — работа над суждениями, в результате которой мы получаем суждение противоположное тому, что было изначально; в химии – изменение конфигурации молекулы с трехвалентным пирамидальным атомом на зеркально противоположную. Но, несмотря на разницу в предметах исследования, суть явления (перестановка, изменение порядка) остается везде одинаковой.

Умение вычленять латинские и греческие корни среди ассимилированных заимствований в русском языке (в том числе в терминах) помогает студентам быстрее освоить дефиниции этих терминов в различных науках. Например:

- от “substantia, ae f” – ‘сущность, существо, суть’ [1, с. 732] – *субстантиват* в лингвистике (переход различных частей речи в разряд *существительных*), *субстанция* в химии и биологии (фундамент, основное начало, основание какого-либо вещества – ‘сущность’), в философии (нечто устойчивое и постоянное – ‘суть’);
- от “index, icis m” – ‘доносчик, признак, доказательство, улика’ [1, с. 329] – *индикатор* в химии (вещество, изменяющее свой цвет в присутствии тех или иных химических соединений в исследуемой среде – т. е. ‘указатель’), *указательный* палец в медицине с одноименным названием, и, наконец, *ин-*

- декс* почтового отправления как указатель места;
- от “radius, i m” – ‘палочка для черчения математических фигур, спица, луч’ [1, с. 648] происходит *радиус* в математике – отрезок, соединяющий центр окружности и любую точку на ней, в химии – расстояние между ядром данного атома и его самой дальней электронной орбитой, и *лучевая кость* с одноименным названием в анатомии;
- от “radix, icis f” — ‘корень, основание, подошва, начало’ [1, с. 648] *радикал* в математике – знак извлечения корня в уравнении, в химии *радикал* – это атом или его группа, что способна переходить, не претерпевая изменений, от одной комбинации соединения в другое (то есть некая *основа*), в медицине *радикулит* — воспаление нервного корешка;
- от “sinus, us m” — ‘кривизна, изогнутость, карман, бухта, впадина’ [1, с. 712] в математике и физике *синусоида* – плоская кривая, задаваемая в прямоугольных координатах уравнением, в анатомии *синус* – пазуха (карман), в медицине и биологии *синовиальная жидкость* – густая эластичная масса, заполняющая *полость* суставов;
- от “nucleus, i m” — ‘ядро, косточка, твердая сердцевина’ [1, с. 518] в химии используется понятие *нуклеиновые кислоты* – так как эти кислоты располагаются, или синтезируются в *ядре*, *нуклеосинтез* – процесс преобразования одних химических элементов в другие, который происходит в ходе *ядерных реакций*; в физике *радионуклид* — атом, обладающий избыточной *ядерной энергией*, что делает его нестабильным.

Представленные выше термины, на наш взгляд, являются примерами базовой академической лексики. Для выявления уровня владения этой лексикой в ходе данного исследования был проведен опрос в форме анкетирования студентов 1 курса медицинского ВУЗа, где им было предложено написать и объяснить значения всех известных им ассимилированных заимствований в русском языке (терминов и общеупотребительных слов) на базе вышеописанной латинской и греческой лексики. Для успешного прохождения теста студенты должны были не только определить значение ассимилированного заимствования для той или иной науки, но и связать его с одним из значений латинского слова. Например, применительно к латинскому слову “sensus, us m” – ‘чувство’ – *сенсорный экран* в русском языке – «реагирующий на прикосновение».

Всего в опросе приняло участие 200 человек, которые были разделены на две группы. Первая группа студентов-первокурсников ранее не изучала греко-латинскую терминологию. Вторая группа состояла из студентов, окончивших первый семестр и изучивших базовую латинскую лексику. Общим группам был предложен

один и тот же тест.

Опрос первой группы студентов показал, что ассимилированные заимствования студенты могут подобрать только к 60% латинских слов. В оставшихся 40% случаев студенты либо затруднялись с ответом, либо связывали латинские слова с русскими или иностранными корнями, не имеющими отношения к исходному понятию, как, например: *articulus* – артист, артерия; *index* – Индия; *terminatio* – термит; *finis* – финик; *sensus* – сенат; *sinus* – синоним; *radix* – радар, радио.

В тех случаях, где ассимилированные заимствования были указаны верно, сложность возникла с описанием их значения. Это связано, по большей части, с тем, что перевод многих латинских слов данного теста был незнаком студентам. На это указывает то, что респонденты образовывали термины от латинского корня, но значение, которое они указывали, было либо неполным, либо неправильным, либо описывалось как принадлежность к той или иной науке (например: «математический/химический термин»). Таким образом, правильный развернутый ответ, связанный с исконным значением латинского корня смогли дать лишь 28% опрошенных, 46% пришлось на неверные ответы, 24% составили ответы без объяснения.

Следует заметить, что максимальное количество правильных ответов в первой группе было связано с «базовой» академической терминологией, однако, записав в большинстве случаев правильно такие понятия как «термин», «синтез», «тезис», описать их относительно правильно смогли лишь 33% опрошенных.

Вторая группа студентов, изучивших латинский терминологический минимум, смогла подобрать ассимилированные заимствования к 90% латинских слов. 46% ответов в этой группе были правильными, развернутыми и четко соотнесены со значением латинского корня (например: *sinus* – не просто «математический термин», а «кривизна угла», «график кривой», «графическая функция в виде кривой»). Возможно, предложенные определения не совсем точны с точки зрения математики (опрос проводился среди студентов-медиков), но данная языковая ситуация позволяет проследить, что значение латинского слова закреплено в сознании респондентов, и они используют его примерно в половине случаев при определении значения термина.

Что касается самой лексики, использованной студентами, то, в первом случае количество слов, использованных в качестве ассимилированных заимствований, было на 36% больше, нежели во второй группе. Однако, количество верно подобранных среди них составило примерно 48%, более 50% пришлось на ошибочные. Во второй группе количество слов сократилось, но повысился

процент правильно подобранных: 81% – правильные, 19% – ошибочные. Следует заметить, что качественно изменились сами ошибки, допущенные студентами во второй группе. Так, среди основных, наблюдались ошибки, связанные с омонимичным звучанием латинских и греческих корней (например: “*pars, partis f*” – *партеногенез*; “*terminatio, onis f*” – *термос*). При этом респонденты не ограничивались только написанием заимствований, но и старались объяснить слово с точки зрения значения латинского корня (*партеногенез* – «однополое размножение, где задействована часть пары родителей», *термос* – сохраняющий «конечную температуру»). При всей своей наивности, данные ошибки указывают на то, что при запоминании терминов, либо объяснении их значений формируются устойчивые логические связи, обусловленные знанием латинской лексики.

Студенты, принявшие участие в опросе, не изучали греческую терминологию в достаточном объеме, поскольку она является предметом изучения во 2 семестре, поэтому при объяснении значений греческих терминов (объем которых составил всего 2% от всей предложенной лексики) они пользовались той базой, которая была сформирована в условиях школьного образования. Однако, результат второй группы превосходит первую. На наш взгляд, это обусловлено расширением границ академического кругозора студентов, и, как следствие, стремлением применить новообретенные знания ко всей терминологии. Например, в данном исследовании термин «*этиология*», чаще всего примененный в качестве заимствования к греческому корню “*aethia*”, ассимилируется у студентов в сознании с другим сходным по звучанию термином «*этимология*». Поэтому в 70% случаев, связанных с этим корнем, была допущена ошибка либо в названии термина, либо в его толковании.

Этой путаницы возможно избежать, если обратиться к переводу греческих корней: в первом случае “*aethia*” — ‘причина’, во втором – “*etymon*” – ‘истинное значение слова’. Тем самым становится ясно, что первый термин универсален, применяется в философии, физике, психологии, политологии, географии, пространственном анализе, медицине, богословии и биологии и означает во всех науках первопричину (пр.: *этиология* развития заболевания). Вторым термин более узконаправлен и применяется только в лингвистике и филологии для установления исходного корня, от которого образовано слово. Так, данное исследование показало, что одной из первостепенных задач формирования правильной терминологической базы у студентов является четкое разграничение омонимичных форм греческого и латинского языка.

Таким образом, следует отметить, что студенты I курса демонстрируют определенный уровень владения

академической терминологией, который существенно повышается (в качественном и количественном аспекте) по мере освоения латинской и греческой лексики. Знание семантики греческих и латинских корней развивает способность к углубленному анализу терминов, как про-

фильных наук, так и далеких от специальности студентов. Умение оперировать значениями слов способствует скорости их запоминания и укрепляет межпредметные связи, особенно необходимые для расширения академического кругозора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 2000. 846 с.
2. Новейший философский словарь. [электронный ресурс] URL: <https://gufo.me/dict/philosophy>
3. Психодинамические термины и понятия: Словарь. /под ред. Борнесса Э. Мура и Б.Д. Файна, 2000 [электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Mur/index.php
4. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1972. 495 с.
5. Философия: Энциклопедический словарь. / под ред. А.А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
6. Фирсов Н.Н. Микробиология: словарь терминов. М.: Дрофа, 2006. 256 с. [электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/es/>
7. Чернявский М.Н. Латинский язык и основы медицинской терминологии: учебник. М.: ЗАО «ШИКО», 2007. 448 с.
8. Энциклопедия Кольера. Открытое общество, 2000. [электронный ресурс]. URL: <http://niv.ru/doc/encyclopedia/collier/index.htm>

© Малыгина Галина Евгеньевна (malygina_g@mail.ru), Савенкова Светлана Рудольфовна (ssrsvv@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Приволжский исследовательский медицинский университет

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА РЕЦИПИЕНТА В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ПИСЬМЕ-ЖАЛОБЕ (LETTER OF COMPLAINT)

SPEECH STRATEGIES OF INFLUENCING A RECIPIENT IN A MODERN ENGLISH LETTER OF COMPLAINT

**A. Pashina
N. Vertyankina
E. Sharipova**

Summary: The article is devoted to the analysis of speech strategies and tactics of influencing the recipient in a letter of complaint in English-language business correspondence. The author identifies approved and disapproved strategies and tactics. Permissible and unacceptable tactics of pressure on the recipient are described. The most effective modern way of structuring a complaint letter is recognized as «complaint sandwich», which allows to implement the strategy of positive politeness, which forms the basis of English business culture.

Keywords: speech strategies, speech tactics, English business correspondence, complaint letter.

Пашина Алёна Владимировна

к.филол.н., доцент, ФГБОУВО «Тюменский индустриальный университет»
pashinaav@tyuiu.ru

Вертянкина Наталья Викторовна

к.филол.н., доцент, ФГК ВОУ ВО «Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени Маршала инженерных войск А.И. Прошлякова»
ver-nataly@mail.ru

Шарипова Эльвира Маннуровна

к.филол.н., доцент, ФГБОУВО «Тюменский индустриальный университет»
elvira_sha2009@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу речевых стратегий и тактик воздействия на реципиента в письме-жалобе (letter of complaint) в англоязычной деловой корреспонденции. Авторы выделяют одобряемые и неодобряемые стратегии и тактики. Описаны допустимые и недопустимые тактики давления на реципиента. Наиболее эффективным современным способом структурирования письма-жалобы признан «complaint sandwich» (жалоба-сэндвич), позволяющий реализовать стратегию positive politeness (позитивной вежливости), составляющей основу английской деловой культуры.

Ключевые слова: речевые стратегии, речевые тактики, английская деловая корреспонденция, письмо-жалоба.

Несмотря на развитие средств цифровой коммуникации (мессенджеры, социальные сети, онлайн трансляции), официальное письмо остается востребованным форматом делового общения. Особенно актуальным этот формат становится в ситуациях конфликта между коммуникантами.

В деловой английской корреспонденции существует развитая система жанров официального письма, предусматривающая различные варианты развития деловых отношений: письмо-запрос (letter of request), письмо-подтверждение (letter of confirmation), письмо-извинение (letter of apology) и т.д. Разработанные паттерны позволяют выразить намерения коммуниканта сообразно установленным нормам национальной корпоративной культуры. В настоящее время в связи со становлением «новой этики» в западной деловой культуре пересматриваются одобряемые и неодобряемые методы вербального воздействия на коммуниканта, что приводит к появлению новых стратегий достижения соглашения между сторонами.

Цель статьи – определить одобряемые и неодобря-

емые речевые стратегии и тактики воздействия на реципиента в письме-жалобе (letter of complaint) в англоязычной деловой корреспонденции. Наряду с общими научными методами исследования (наблюдение, описание, систематизация) к исследуемому материалу была применена лингвопрагматическая [2] и лингвокультурологическая интерпретация [4].

В качестве объекта исследования нами были рассмотрены шаблоны письма-жалобы (letter of complaint) и аутентичные руководства по составлению письма-жалобы в англоязычном сегменте сети Интернет.

На протяжении веков термин «стратегия» использовался в военной сфере, где под ним понимали искусство ведения войн. Само слово *στρατηγία* восходит к древнегреческим *στρατός* «войско» и *ἄγω* «вести». В 50-х гг. XX в. термин «стратегия» стал применяться в теории управления [3].

70-е годы XX века стали временем становления новой междисциплинарной науки – когнитивистики, развивающей принципиально новое представление о природе

языка и механизмах порождения речи. Т.А. ван Дейк и В. Кинч [1] разрабатывают идею о неразрывной взаимосвязи процессов, происходящих в человеческой памяти, а также определяющих построение и восприятие речевых сообщений. Особенность когнитивной модели обработки дискурса, разработанной Т.А. ван Дейком, заключается в представлении о процессе организации знаний как о гибкой *стратегической процедуре*. Принцип стратегии заключается в отборе наиболее значимой для коммуникантов информации. Стратегией в широком смысле понимается общая инструкция для интерпретации дискурса. Среди различных стратегий Т.А. ван Дейк выделяет и диалоговые (т.е. речевые) стратегии – специфические способы речевого поведения, осуществляемые под контролем *глобального намерения* [1].

Несмотря на значительное развитие лингвопрагматики, в языкознании до настоящего момента не существует единого общепризнанного определения речевой стратегии. Наиболее последовательную классификацию речевых стратегий и тактик предлагает О.С. Иссерс, определяющая речевую коммуникацию как стратегический процесс, базисом которого является выбор оптимальных языковых ресурсов [2, 10]. Классификация общих коммуникативных стратегий зависит от избранного основания. С функциональной точки зрения О.С. Иссерс выделяет основные (семантические, когнитивные) и вспомогательные стратегии. Стратегически значимыми являются все компоненты коммуникативной ситуации: автор, адресат, канал связи, коммуникативный контекст (сообщение является предметом семантических стратегий). Коммуникативная ситуация диктует и выбор речевого акта, оптимального с точки зрения интенции говорящего. Речевая стратегия - это план комплексного речевого воздействия, которое осуществляет говорящий для «обработки» партнера, специфический способ речевого поведения, совокупность речевых действий, направленных на решение общей коммуникативной задачи говорящего. Речевая тактика - это одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. «Задача описания речевых стратегий заключается в том, чтобы представить номенклатуру типовых тактик, реализующих конкретную речевую стратегию. Именно тактики производят впечатление действительно доступных изучению единиц -по-видимому, они и являются практическим инструментом говорящего» [2, 111].

Таким образом, выбор общей речевой стратегии и конкретных тактик воздействия зависит от прагматической цели актора, его индивидуального опыта общения и установленных в социуме паттернов коммуникации.

Выбор опосредованного канала коммуникации позволяет тщательно продумать речевую стратегию и определиться с тактиками воздействия на адресата. Сам факт письменного обращения в формате официально-

делового письма-жалобы представляет собой форму давления на адресата как публично заявленное намерение перевести конфликт в официально-деловую (а в случае провала коммуникации - в правовую) плоскость общения.

Формат официально-делового письма предполагает строгие стилистические ограничения, не позволяющие использование вербальных тактик давления на реципиента, применяемых в неофициальном устном общении (оскорбления, угрозы). Однако в системе деловой корреспонденции давно выработаны приемлемые способы осуществления поставленной цели:

1. *Официальный формат письма*. Профессионально составленное официально-деловое письмо (formal letter) заявляет о высокой компетентности автора, его потенциальной способности подать иск и выиграть дело в суде: «Use professional letterhead and be sure to sign in ink. The more professional you make the letter, the more they know you mean business / Используйте профессиональный фирменный бланк и обязательно подпишите его чернилами. Чем более профессионально вы составите письмо, тем более вероятно то, что они поймут, что вы настроены серьезно» [6].
2. *Уважительный тон письма*: «The most effective letters of complaint are confident and calm, so do not make threats or write in uppercase letters as if you were shouting. ... Keep your emotions — and sarcasm — in check, or you run the risk of turning your reader against you / Самые эффективные письма с жалобами - уверенные и спокойные, поэтому не угрожайте и не пишите заглавными буквами, как если бы вы кричали. ... Держите свои эмоции — и сарказм — под контролем, иначе вы рискуете настроить своего читателя против вас» [7]. Из приведенной цитаты руководства по написанию писем-жалоб можно заключить, что спокойный, уверенный тон письма и отсутствие оскорблений и угроз не только придает письму официально-деловой тон и работает на создание образа автора письма как компетентного заявителя, но и позволяет наладить контакт с реципиентом, от действий которого во многом будет зависеть успех рассмотрения данного дела: «Don't write an angry, sarcastic, or threatening letter. The person reading your letter probably isn't responsible for the problem, but may be very helpful in resolving it / Не пишите гневное, саркастическое или угрожающее письмо. Человек, читающий ваше письмо, вероятно, не несет ответственности за проблему, но может быть очень полезен в решении» [4]. Отказ от открытых обвинений, давления на адресата может быть выражен с помощью выбора пассивных форм глагола: «Use passives to be less direct and more formal, e.g. I was served quickly

/ Используйте пассивные выражения, чтобы быть менее прямыми и более формальными, например, меня обслужили быстро» [4]. Таким образом, выбор спокойного, уважительного тона, отказ от угроз и других способов вербального нападения на реципиента можно рассматривать как речевую стратегию, направленную на установление и поддержание эффективных деловых отношений с адресатом.

3. *Адресация письма директору компании (decision maker):* «To improve the chances of a response, mail or email your complaint to the company's president or other executive / Чтобы повысить шансы на получение ответа, отправьте или отправьте свою жалобу по электронной почте президенту компании или другому руководителю» [7]. В эпоху «цифровой прозрачности» узнать адрес почты директора компании несложно: «You can search online for company contacts and addresses and on the professional networking site LinkedIn / Вы можете искать контакты и адреса компаний в Интернете, а также на сайте профессиональной сети LinkedIn» [7].
4. *Краткость и ясность изложения.* В современном перегруженном информацией мире деловое письмо должно быть лаконичным: «Basically the first paragraph is the only thing that is going to get read carefully / По сути, первый абзац - это единственное, что нужно внимательно прочитать» (?); «The first paragraph of your letter or email should be no more than seven lines / Первый абзац вашего письма или email должен содержать не более семи строк» [7].
5. *Аргументированность позиции:* «Describe the item or service you bought and the problem. Include serial or model numbers, and the name and location of the seller / Будьте ясны и лаконичны. Опишите товар или услугу, которые вы купили, и проблему. Укажите серийный номер или номер модели, а также имя и местонахождение продавца» [4]. В качестве доказательств произошедшего рекомендуется прилагать к письму копии документов (диалог, билет и т.п.).
6. *Четко сформулированный результат,* которого автор желает добиться.

Так же существует ряд приемлемых тактик давления на реципиента:

1. Установление *лимита времени* на рассмотрение жалобы: «A time limit and warning ("If we have not heard from you within two weeks, we will make a formal complaint to...") / Ограничение по времени и предупреждение («Если мы не получим от вас вестей в течение двух недель, мы подадим официальную жалобу в...») [6].
2. *Угроза прекращения партнерства,* отказа от ус-

луг компании и т.п.: «If you must make threats, then threaten to take your business elsewhere» / Если вы должны угрожать, то пригрозите перенести свой бизнес в другое место» [9].

3. *Угроза огласки инцидента* в социальных сетях: «threaten to let your social media followers know about the incident. All of this can be leverage you use within your letter to get your complaint processed / ...пригрозите сообщить своим подписчикам в социальных сетях об инциденте. Все это может быть рычагом, который вы используете в своем письме, чтобы ваша жалоба была рассмотрена» [9].

Однако угрозы представляются менее эффективным средством, чем стратегия «complaint sandwich / жалоба-сэндвич»: Your opening line can be something positive about how long you've been a customer or why you like a company's product. It signals you are being measured, he said. The "lean meat" of the sandwich should be your complaint, presenting the relevant details as briefly as possible. The last layer should end on a positive note such as "I really hope you can resolve this issue for me" or "I hope to continue my relationship with the company / Ваша вступительная строка может быть чем-то позитивным о том, как долго вы являетесь клиентом или почему вам нравится продукт компании. Это сигнализирует о том, что вас оценят... "Постное мясо" сэндвича должно быть вашей жалобой, представляющей соответствующие детали как можно короче. Последний слой должен заканчиваться на позитивной ноте, такой как "Я действительно надеюсь, что вы сможете решить эту проблему для меня" или "Я надеюсь продолжить свои отношения с компанией" [7]. Данная стратегия направлена на трансформацию конфликтной оппозиции «недовольный клиент» -»компания» в позитивное заявление об успешном партнерстве в прошлом и будущем. Жалоба, изложенная с применением стратегии «complaint sandwich позволяет реципиенту сохранить лицо и является, по сути, одним из вариантов стратегий *positive politeness*, описанной П. Браун и С. Левинсоном [5]. Задача *positive politeness* снять угрозу «positive face» адресата. Отправитель применяет специальные средства, тем самым уважая желание получателя иметь свое личное «положительное лицо», выказывая доброжелательность, в надежде надежду на взаимное сотрудничество (reciprocity) [5].

Таким образом, несмотря на достаточно ограниченный выбор языковых средств, допустимых в деловой переписке, в западной деловой культуре существуют стратегии, позволяющие повысить эффективность воздействия на реципиента. Ведущей стратегией признается стратегия вежливости, нацеленная на выстраивание конструктивных отношений с неизвестным коммуникантом, который, скорее всего, не был повинен в случившемся, но способен предпринять определенные меры по разрешению конфликтной ситуации. Приемлемыми

являются тактики давления на адресата с помощью установления лимита времени рассмотрения жалобы, угроза судебного разбирательства и угроза огласки в социальных сетях и на специализированных сайтах. Недопустимыми и неэффективными (и даже опасными для автора жалобы) признаются оскорбления и угрозы физической расправы. Цифровая прозрачность современного общества делает более доступными тактики обращения с жалобой непосредственно к главе компании и применение угрозы широкой огласки инцидента в сети Интернет. Однако ошутимая информационная

перегруженность реципиентов, всё увеличивающаяся по мере развития новых средств связи, заставляет коммуникантов следовать общим правилам современной этики цифрового общения: любое деловое сообщение должно быть кратким и высокоинформативным, все самое важное следует излагать в его первых строках. Стратегия вежливости, являющаяся ведущей в англосаксонской деловой культуре, сочетается с тактиками давления «time limit» (лимит времени) и «wide publicity» (широкая огласка).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. 320 с.
2. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.
3. Просалова В.С. Теоретические основы понятия «Стратегия» // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2011. №7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-ponyatiya-strategiya> (дата обращения: 05.04.2022).
4. Шаклеин В.М. Лингвокультурология: традиции и инновации. М.: Флинта, 2012. – 301 с.
5. A letter of complaint [Электронный ресурс] // Learn English. British Council URL: <https://learnenglish.britishcouncil.org/skills/writing/upper-intermediate-b2/a-letter-of-complaint> (дата обращения: 09.04.2022).
6. Brown P., Levinson S. Universals in language use: Politeness phenomena // Goody E. Questions in Politeness. Strategies in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 1978. P. 56-289.
7. How to write a strongly worded letter of complaint [Электронный ресурс] // Abandonedcubicle.com URL: <https://www.abandonedcubicle.com/complaint-letter/> (дата обращения: 09.04.2022).
8. Mele Ch. How to complain and get results // The New York Times. 2017, 15 June URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/15/smarter-living/consumer-complaint-writing-letter.html> (дата обращения: 09.04.2022).
9. Mistakes to avoid when writing a letter of complaint [Электронный ресурс] // Servicescape.com URL: <https://www.servicescape.com/blog/9-mistakes-to-avoid-when-writing-a-complaint-letter/> (дата обращения: 09.04.2022).
10. Top tips for letter of complaint [Электронный ресурс] // Getproofed.com URL: <https://getproofed.com/writing-tips/5-top-tips-for-writing-a-letter-of-complaint/> (дата обращения: 09.04.2022).

© Пашина Алёна Владимировна (pashinaav@tyuiu.ru), Вертянкина Наталья Викторовна (ver-nataly@mail.ru), Шарипова Эльвира Маннуровна (elvira_sha2009@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЕРБАЛЬНЫЕ СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ РЕЧЕВОГО АКТА НЕСОГЛАСИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ БЫТОВЫХ ДИСКУРСАХ

Сабельникова Елена Александровна

*К.п.н., Военный университет Министерства обороны
Российской Федерации (г. Москва)
elistopad@yandex.ru*

SPEECH ACT OF DISAGREEMENT IN THE STRUCTURE OF ENGLISH EVERYDAY DIALOGICAL DISCOURSES

E. Sabelnikova

Summary: The article deals with the speech act of disagreement in dialogical everyday discourse, which represents a negative reaction of the addressee to the addresser's statement. The author describes the peculiarities of this speech act, with the classification of means of expressing disagreement being illustrated by examples. In the author's opinion the main means of expressing disagreement are lexical and grammar (morphological and syntactic), direct and indirect means. The choice of one of such means in the course of communicative act is determined by the speaker's intention to adequately express both his idea and additional pragmatic, expressive and other connotations. The analyzed examples from fiction literature let the author make the conclusion that the act of disagreement in English dialogical discourse is mainly expressed indirectly, which can be explained by the peculiarities of British speech etiquette.

Keywords: dialogical everyday discourse, speech act, the concept of disagreement, negative addressee's reaction, classification of means expressing disagreement, lexical, grammar, direct, indirect means of expressing disagreement.

Аннотация: Статья посвящена речевому акту несогласия в диалогическом бытовом дискурсе, который представляет собой отрицательную реакцию адресанта на высказывание адресата. Автор рассматривает особенности речевого акта несогласия, иллюстрируя примерами классификацию основных способов выражения данного речевого акта. К основным способам выражения несогласия автор относит лексические и грамматические (морфологические и синтаксические), прямые и косвенные способы. Выбор одного из таких способов в ходе речевого акта предопределен намерением говорящего адекватно выразить свою мысль и одновременно передать дополнительные прагматические, экспрессивные и прочие коннотации. Проанализированные примеры из художественной литературы позволили сделать вывод о том, что в англоязычном дискурсе выражение несогласия по большей части происходит по средствам косвенных способов, что напрямую связано с особенностями британского речевого этикета.

Ключевые слова: диалогический бытовой дискурс, речевой акт, концепт «несогласие», отрицательная реакция адресанта, классификация способов выражения несогласия, лексические, грамматические, прямые и косвенные средства выражения несогласия.

Возникнув в глубокой древности как философская категория и получив в трактовке философа Жака Рансьера значение «противоречие», «конфликт», «расщепление» [3], концепт «несогласие» в лингвистике рассматривается как речевой акт негативной реакции, то есть реактивный акт, выражающий отрицательное отношение говорящего к действию или высказыванию собеседника, представляющий собой информативное, оценочное или императивное высказывание с различными эмоциональными оттенками отрицательной реакции (опровержение, возражение, суждение, выражение недовольства, неодобрение) и имеющий в речи определённое воплощение [1].

Речевой акт несогласия представляет собой сложное и многоаспектное явление. По форме выражения в диалогической речи он представляет собой реплику-реакцию непринятия информации и/или несогласия с мыслью, высказанной в реплике инициатора, и программируется коммуникативным содержанием исходной ре-

плики, ее модальным качеством [4, с. 4].

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова можно найти следующие дефиниции слова несогласие:

1. Отсутствие единомыслия, разногласия в чем-нибудь.
2. Отсутствие согласия на что-нибудь, отказ [2, с. 400].

В первом значении слово несогласие близко с английскими словами "disagreement" и "controversies", а во втором – со словом "refusal", которое в словаре Oxford Learner's Dictionary определяется как "an act of saying or showing that you will not do, give or accept something" [22], а в словаре Cambridge Dictionary как "the act of refusing to do or accept something" [23].

Речевой акт несогласие чаще всего встречается в диалогическом дискурсе. Реакция несогласия в диалоге возникает в ответ на реплику-стимул и связана с позицией адресанта и адресата. Целью адресанта является реализация своей коммуникативной задачи путем исполь-

зования различных языковых средств воздействия на адресата. В зависимости от психо-эмоционального состояния коммуникантов негативная реакция на реплики инициатора может быть передана с помощью весьма обширной палитры языковых и неязыковых средств.

В данной статье предпринята попытка представить классификацию способов выражения несогласия и проиллюстрировать ее примерами англоязычного диалогического бытового дискурса, взятыми из аутентичной художественной литературы.

К первой группе нами были отнесены лексические и грамматические (морфологические и синтаксические) способы.

Ко второй группе, основываясь на разделении Дж. Серлем речевых актов на прямые и косвенные, отнесены соответственно прямые и косвенные способы выражения несогласия [6]. Для первых характерно то, что речевой акт несогласия выражается предложениями, имеющими формальный признак отрицания (прямое отрицание), для вторых – то, что структура реплики зачастую неполная, в ней отсутствует прямой речевой акт несогласия (имплицитное отрицание).

Лексические средства выражения несогласия – это определенный набор лексических единиц, которые используются коммуникантами для выражения своего несогласия в различных ситуациях общения.

К ним, например, относятся слова, в которых отрицание входит в само значение слова, то есть является внутрилексемным (*fail* – не справится с чем-либо, потерпеть неудачу; *refuse* – не соглашаться, давать отказ). К глаголам, внутрилексемно выражающим несогласие, сомнение, неуверенность можно отнести также *disagree, not agree, doubt, object, protest, not be sure, not think, not feel*.

— “What are you doing awake?”

— “I’m not sure I’m awake,” answered the sheriff [14, p. 206].

Весьма часто для выражения несогласия в английском языке употребляются устойчивые лексические словосочетания, так называемые **речевые клише**.

Клише в английском языке подразделяются на:

— *неформальные* (например, Nonsense! Rubbish! You can’t say this / You can’t really mean this! It can’t be so! Come off it! You must be joking! No way!) и даже *фульгарные* (I bloody disagree with you!);

— *нейтральные* (например, I don’t agree. I can’t agree with you here. I’m not sure. No, I don’t think so. It’s not what you think. Not really so. That’s not true/right. It isn’t as simple as it seems.);

— *формальные* (например, I must object! I’m afraid I can’t share your point of view! I see things rather dif-

ferently myself. I’m of a different opinion. This is in complete contradiction to the official point of view; I don’t agree. That’s not a way to solve our problem. It is not the way I see it. I can’t say that I share your point of view).

a) – Mary said that we will have exams next week.

– Rubbish! You must be joking!

– No, it’s true! [5, c. 21].

b) – “How well do you know them?”

“Mr. Meekins, that’s none of your business” [9, p. 163].

c) – Harry, I think that you are just walking away from your child.

– No, you are quite wrong. I am not walking away from him. I am not giving up [15, p. 56].

d) – “You don’t like me,” he said.

– “That isn’t true,” she said. “It’s just that you are different from anyone you know” [17, p. 68].

Речевой акт отрицания довольно часто передается с помощью **антонимов в репликах-реакциях**.

a) – “You are a pessimist, darling.”

– “No, I’m a realist. That’s why I want you to give me at least a tentative day” [20, p. 396].

b) – “We will be attracting new clients with a new policy,” Connor said.

“And losing old ones,” Talbot Hughes grunted.

c) – “I told Rudy I’d take him to see your show tonight,”

Willie said. “The toast of New York.”

– “It’s a silly show,” Gretchen said [18, p. 238].

d) “Don’t you have the urge to be a father?” she coaxed.

e) “I’d be a lousy one. I’m much too selfish to give a kid the time” [Segal, 1986, the class p. 475].

f) – “I’ll take you in the car,” she said in a small voice.

– “I’ll walk, thank you” [18, p. 615].

g) – Patrick is a great guy. He is very sensitive and kind.

– I don’t agree with you. He is very selfish and cunning.

I can’t understand why you don’t notice it [5, c. 26].

В английском языке также существуют определенные слова, которые придают высказыванию значение отрицания, но по форме являются утвердительными (например, *some, already, any, yet*).

– “I invited him to supper after the show, too,” Willie said. . . “I’m tied to him by profound bonds.”

– “Some other night, thank you,” Rudolph said [18, p. 238].

Несогласие может быть передано через реплики, которые эксплицируют оценку адресатом действия адресанта: *That will/would be bad/terrible/awful; That’s a bad/stupid/ridiculous idea*.

Грамматические средства выражения несогласия – это используемые в предложениях модели и структуры, с помощью которых адресант выражает своё несогласие в какой-либо ситуации общения. Примером таких структур могут являться следующие широко распространён-

ные грамматические формы (например, do not; do not agree with; cannot; is not.

Морфологическим способом выражения несогласия является использование

- отрицательных частей речи: прилагательных – no, neither; частиц – not, no; местоимений – no one, nothing, none, nobody; наречий – never, hardly, seldom, rarely, little, nowhere, nohow, neither, yet; союзов – nor, nor...nor, neither...nor, unless; предлогов – without;
  - отрицательной суффиксации: суффикс -less (careless driver, fruitless discussions); и
  - отрицательной префиксации: приставки un-, non-, dis-, mis-, de-, in-, um-, im-, il-, ir-, a-, anti-, contra-, counter-, e/ex-).
- a) – But you must have heard it.
– I heard nothing at all [10, p. 264].
- b) – All my silly fault!
– No, mine!
– Mine! [12, p. 117].
- c) – None of that, my lady! You're just right. [21, p. 16].
- d) – It's all so made-up.
– Oh, no Alison [12, p. 152].
- e) – "Cathy," he said affectionately, "I love you."
– "No," she whispered. "You don't yet. But you will" [20, p. 292].
- d) – "Does that mean anything to you?" his wife inquired.
– "Not anymore," he answered, crumpling the paper and tossing it into the fire [20, p. 440].

Синтаксические способы выражения несогласия могут проявляться через определенное построение предложения, как правило, являясь при этом имплицитными.

К синтаксическим способам выражения речевого акта несогласия относятся:

- **неполные предложения** типа: Not likely. Certainly not. Not exactly (so). Rather not и т. д.
- a) – If Castro having thrown a knife had fallen forward after he was shot, it's conceivable.
– Not likely [13, p. 267].
- b) – I think you ought to tell me more.
– Not necessary, and not possible [13, p. 277].
- **Неполные предложения с частицей "no"**.
- a) – "What about you?" His voice was slightly husky. "Will you forget all about me, too?" ...
"No," she said thoughtfully, "I don't think I will" [11, p. 42].
- b) – "Have a glass of port or a little whisky?"
"No, thank you, Mr. Birling. I'm on duty" [16, p. 136].
- c) – Jane tells us you've the last word in sleuths, Miss Marple!
Oh, no, no! [10, p. 128].

– **Конструкции с прилагательными true, right, correct, ridiculous:**

That 's not correct. That's not true. That's not right. That's

ridiculous!

– **Выражения сомнения в вопросах типа:** Do you really think so? Is it really your point of view?

- Jane seems to be a real professional. She is clever and skillful. I'm sure we must hire her.
- Do you really think so?

– **Выражения сожаления во фразах типа:** I am sorry but I think ... ; I am afraid but ...

- a) – Jack, what a beautiful car! Let's buy it!
– Oh! I am afraid but the colour is very ridiculous [5, с. 20].
- b) – "I'd like a drink," Rudolph said. "Let's go in the bar here and..."
– "I am sorry but I'm pressed for time. Thanks," Thomas said [18, p. 596].

Синтаксическим способом выражения речевого акта несогласия может являться определенное построение предложения, для которого характерно **использование риторического или встречного вопроса**, которые по своей структуре одновременно являются *косвенными речевыми актами несогласия* [7].

- a) – The vision I waited and played for all my life long!
– You had a vision? [21, p. 288].
- b) – "What's wrong Danny?" Maria asked.
– "What makes you think there's anything wrong?" [20, p. 494].

Риторический вопрос, имплицитный несогласие, используется в различных формах. Наиболее употребляемые, на наш взгляд, это модели, которые начинаются с вопросительных слов: *what, who, why, how, where, should* и входят в состав клише, воспроизводимых в процессе коммуникации в готовом виде: *Why should I (you, he, she) ...? What's the use (the good, the difference) ...?*

- a) – Mum, Jane and I want to live separately from you.
- b) What? What nonsense! I don't know how to react to your words! You'll do it only after my death! [5, с. 8].
- c) – "Let's go out of here?" Tom said quickly.
– "What the hell for?" Claude looked at him in surprise...
"The action is just beginning" [17, p. 95].

Анализируя особенности использования риторического или встречного вопроса, Е.А. Скородумова приходит к выводу, что заключенное в рамках данного вопроса отрицание выдвигает на первый план его оценочную функцию. Оценка, как известно, предназначена для воздействия на адресата, значит, риторический вопрос следует рассматривать как риторический прием эмоционально-психологического воздействия на собеседника [7]. Употребление в реплике-реакции оценочных высказываний, повторов-переспросов и вопросов-восклицаний типа "How could I?"; "Why should I?" как раз и является индикатором повышенного эмоционального фона коммуникации.

Эмоционально-окрашенные слова в вопросах типа "Are you a fool?" / "Are you crazy?" / "Are you mad?" / "Are you joking?" также являются косвенным способом выражения несогласия.

- I'd like Pat to live with Gina. I think that it will be better for him.
- Are you a fool? Harry, you are crazy. You are going to just hand him over to your ex-wife when we could beat her [15, p.116].

Речевой акт несогласия может косвенно выражаться такими междометными словами-предложениями, как: pshaw, lie, nonsense, damn it, nuts, shit, rot, stuff, trash, bosh, зачастую придающими высказыванию стилистически заниженный характер.

- a) – Ten foghorns couldn't disturb you. You haven't a nerve in you. You have never had.
- Nonsense. You always exaggerate about my snoring

[21, p. 18].

Как следует из вышеизложенного, речевые акты несогласия широко представлены в англоязычном диалогическом бытовом дискурсе, им принадлежит значительная роль в организации речевого взаимодействия коммуникантов.

Проведенный нами анализ показал, что в англоязычном диалогическом бытовом дискурсе ситуации несогласия значительно реже передаются прямыми речевыми актами. В силу природной сдержанности и вежливости британцы скорее предпочтут использовать косвенные речевые способы выражения несогласия. При этом основополагающую роль при выборе средств передачи несогласия играют намерение говорящего адекватно выразить свою мысль, стимульная реакция и особенность речевой ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Е.В. Согласие/несогласие как реакция на комиссивные речевые акты в английском языке // Вестник ВГУ. - № 2. - 2012. - С. 13-15.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - 24-е изд., испр. - М.: Русский язык, 2003. - 1375 с.
3. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия / пер. и прим. В. Е. Лапицкого. - СПб.: Machina, 2013. - 192 с.
4. Свиридова Т.М. Выражение согласия/несогласия лексикосинтаксическими средствами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.М. Свиридова; Моск. пед. ун-т. - М., 1994. - 22 с.
5. Серафимова М.А., Шаевич А.М. Topical Dialogues. / М.А. Серафимова, А.М. Шаевич. - М., 1978. - 78 с.
6. Серль Дж. Теории речевых актов. / Дж. Серль. - М., 1998. - 180 с.
7. Скородумова Е.А. Риторический вопрос-реакция как средство выражения эмоций // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 39. - С. 137-139.
8. Филиппова М.М. О роли двойного отрицания в английском языке // Язык, сознание, коммуникация. - М., 2005. - № 31. - С. 23-63.
9. Browning D. The Security Man. - N.Y.: Silhouette Books, 1986. - 252 p.
10. Christie A. Selected Stories. - M.: Progress Publishers, 1976. - 270 p.
11. Clare C. Lock, Stock and Barrel. - N.Y.: Silhouette Books, 1990. - 250 p.
12. Cronin A. The Green Years. - Macmillan, 1979. - 322 p.
13. Galsworthy J. End of the Charter. - M.: Foreign Languages Publishing House, 1960. - 601 p.
14. Grisham J. A Time to Kill. - L.: Arrow, 1989. - 496 p.
15. Parson T. Man and Boy. - L.: Publisher: HarperCollins, 2002.
16. Priestley J.B. Dangerous Corner & Other Plays. - M.: Progress Publishers, 1989. - 335 p.
17. Shaw I. Bread Upon the Waters. - N.Y.: Dell Books, 1982. - 479 p.
18. Shaw I. Rich Man, Poor Man. - L.: New English Library, 1984. - 767 p.
19. Segal E. Man, Woman and Child. - L.: Granada, 1986. - 221 p.
20. Segal E. The Class. - N.Y.: Bantam Books, 1986. - 532 p.
21. Three American Plays. (E. O'Neill, L. Heilman, T. Williams) / Три американские пьесы. - М.: Прогресс, 1972. - 382.
22. Oxfordlearnersdictionaries.com. / Электронный ресурс: <https://www.Oxfordlearnersdictionaries.com> (дата обращения: 25.04.2022).
23. Dictionary.cambridge.org / Электронный ресурс: <https://www.Dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 25.04.2022).

© Сабельникова Елена Александровна (elistopad@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОСКОВСКАЯ ТОПОНИМИКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ И.С. ШМЕЛЁВА

MOSCOW TOPONYMICS IN THE WORKS OF I.S. SHMELEV

E. Subacheva

Summary: The article is devoted to the use of the toponyms of Moscow and the chronotope of Moscow of 1870-80s in the works of I.S. Shmelev. The author analyses the image of old Moscow in his works "Pilgrimage" and "The Year of Grace". The conclusion states the expediency of creating a map of Moscow based on Shmelev's works.

Keywords: toponymics, Shmelev, fiction, The Year of Grace, Pilgrimage.

Субачева Елена Глебовна

К.филол.н., старший преподаватель, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
addaid@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена использованию московских топонимов и хронотопу Москвы периода 1870-80-х в произведениях И.С. Шмелёва. Анализируется образ старой Москвы в произведениях «Богомолье» и «Лето Господне». Делается вывод о целесообразности создания карты шмелевской Москвы.

Ключевые слова: топонимика, Шмелев, художественная проза, Москва, Лето Господне, Богомолье.

Характерной особенностью произведений писателя Ивана Сергеевича Шмелёва (1873-1950) является исповедальный характер его автобиографической прозы. Русские читатели могли познакомиться с произведениями писателя периода эмиграции только в конце 80-х годов XX века, хотя он дважды номинировался на Нобелевскую премию. Он вошел в литературу как прозаик, мастерски владея богатством народной речи, продолжая традиции Ф.М. Достоевского и Н.С. Лескова. В настоящее время творчество писателя всесторонне изучается (см. монографии Соболева Н.И., Солнцева Н.М., Сорокиной О.Н., Шешуновой С.В., диссертационные исследования Соткова В.И., Норинной Н.В., Мерцаловой О.С., Параскевы Е.В., Лысенко Л.А., Дзыги Я.О.). Е.А. Черева в своей кандидатской диссертации исследует мотивный комплекс и мифопоэтичность произведений писателя, делая вывод о «житийном освоении действительности» (5). Но из-за отсутствия переводов главных произведений писателя исследования ведутся преимущественно отечественными учёными.

И.С. Шмелёв задает пространственно-временные координаты, которые нанизывают события на ткань художественного текста. В произведениях писателя, привязанных к календарному году, есть ещё одна привязка – к местам, о которых идёт речь в его произведениях. В данной работе будет акцент на своеобразии художественного языка ключевых романов «Богомолье» (1931) и «Лето Господне» (1933-1948) применительно к топонимике Москвы. Будучи написанными уже в эмиграции, они являют идеалистическое представление о мире детства, в котором было всё хорошо, и случались чудеса (такие, как во время паломничества в Троице-Сергиеву Лавру).

Привязка к времени и месту определяется бахтинским термином «хронотоп», в данной статье больше внимания уделяется топонимике, однако хронос задает выбор интонации всего произведения. Можно выде-

лить два интонационных решения писателя – сказительная традиция и сказочная. Москва жила живой и оригинальной жизнью для Шмелёва, которая даже сейчас напоминает о себе названиями улиц и площадей и игровых площадок, проездов, набережных, тупиков, которые покрывали большие и маленькие поля, поляны, разливы, пески, грязь и глина, мхи под асфальтом, ольха, даже дикая местность или дерби, кулики, заболоченные места и сами болота, торосы, лужи, вражеские овраги, эндовырвы, могилы, а также боры и множество садов и прудов. И.С. Шмелёв мастерски вылил все эти детские впечатления в свою замечательную работу, создавая благодаря художественному языку особую, почти сказочную атмосферу, всю пропитанную воспоминаниями. Мир «Лета Господне» был в то же время и никогда не существовал.

Художник слова, писатель показывает в своих романах преемника былинной Руси – крестьянство с сильными традициями и с богатырской силой на примере Феди в «Богомолье» и Василь Василичем в «Лете Господнем». Кремль в песне тоже сравнивается с богатырём, персонафицированный колокольней Ивана Великого со златой шапкой (б: 753). Кремль, как вся Москва, окрашен в золотой цвет, предстаёт золотисто-розовым, в дымно-голубоватом свете (б: 261). Замоскворечье накрывает «солнечный туманец тонкий» (б: 269).

Повествование от первого лица сообщает глубоко интимный характер переживаниям, в отношении мест, о которых пишет Шмелёв, он сообщает, что они были в нём всегда (б: 262). Путешествие по старой Москве идёт пешком, на Кривенькой, на Кавказке и других лошадях. Кроме энциклопедии обычаев, связанных с церковными и народными праздниками, автор создаёт и карту деловых занятий отца, владеющего плотницкой артелью: на Москве-реке, около Новодевичьего монастыря и на Воробьёвке лодки, у Спасского монастыря забиваются

сваи, у Симонова монастыря причалены плоты, дела ведутся в Марьиной роще, доход идёт с купален у Большого Каменного моста, с портомоен на Яузе, в Сокольниках строятся дачи, а фейерверки будут проходить в Зоологическом саду (6: 336-337). Эта хозяйская рачительность позволяет мальчику присвоить себе в своих воспоминаниях места, связать их с событиями из своей жизни или из жизни близких: «У Канавы опят станция – Петушки: Антип махорочку покупал, бывало» (6: 260).

Прославление души России идёт через образ Кремля и церкви Казанской иконы Божьей матери у Калужских ворот, где отец Ивана служил старостой и ктитором, образ Свято-Троицовой Сергиевой Лавры в романе-путешествии «Богомолье». И.С. Шмелев в романе «Лето Господне» восстановит Кремль как центр русской православной жизни и дорогу к нему от замоскворецкого двора (2: 4). Кремль в Богомолье и «Лете Господнем» упоминается около 30 раз, включая начало благовеста у «Константин-Елены». Даже лошадь, приученная прабабушкой Устиньей, озирается на Кремль.

Особое место занимают гастрономические референты, которые отсылают к именам лавочников (у Филиппова, от Эйнема, Сиу и Абрикосова, Митриев трактир, рыбная Горностаева). Наибольшая концентрация таких эмпоронимов и трапезонимов встречается в главе, посвященной именинам отца, хотя как таковые названия лавок не фигурируют, либо они упоминаются по имени владельца, либо по географическому признаку: прислала мальчишку с Пятницкой при записке (6: 518).

Значение и красота православных праздников непрестанно подчеркиваются писателем, отношение к земле как к именинице в Троицу позволяет говорить и о сакрализации значимых для писателя мест. Церковь может быть названа и метонимически: «к ефимонам пока рано». Имеется в виду вечерняя служба на первой неделе Великого Поста в приходской церкви. Метонимически используется и топоним «Москва» в значении «приехавшие москвичи» на великом торге: «Ешь, Москва, не жалко!..» (6: 268), «поест яблочков Москва наша» (6: 355).

Одно из самых сильных душевных переживаний связано с исповедью мальчика в Казанской церкви на Якиманке в 1880 г. в Великий Пост. Ломтик святого Артоса из Страстного монастыря упоминается в живописании пасхальной радости. С пиететом мальчик воспринимает перемещение иконы Богородицы на крестном ходе, а также с меньшим воодушевлением перечисляет по каким улицам будут пронести огромный крендель на именины отцу: путь его лежит по Пятницкой, по Ордынке, по Житной, а на Калужском рынке завернут в храм для освящения. Мельчайшие события жизни мальчика экстраполируются на весь окружающий мир: «На всю Москву было разговору!» (6: 526).

Не все упоминания топонимов имеют характер благодных переживаний, например, отец получает записку от квартального с Пресни об общественных беспорядках, затеянных его людьми, а в разговоре об этом упоминаются мясники с Таганки. Водолив «чуть было не утоп – под Сетунькой» (6: 286). Также Горкин тянет мальчика в лавку гробовщика Базыкина смотреть «жирновский» гроб. Упоминает Ломшаков больницу, возможно, для лёгочных заболеваний, возможно, Голицынскую, располагавшуюся неподалеку.

Не во всех произведениях писателя есть отсылка к конкретным местам, например, в прославившей его повести «Человек из ресторана» пространство действия условно, называются ресторан, гимназия, реальное училище, кондитерские, только по желанию Скороходова купить «домик у заставы» мы можем заключить, что действие, скорее всего, происходит в Москве.

Некоторые места приобретают «особенный» характер, туда ездят только по особым делам, например, «на Болото за яблочками на Спаса» (6: 258).

Фантастика и стилизация, присущие произведениям писателя, нечасто встречается именно в описании мест, однако, мы можем наблюдать народное мифотворчество в рассказах Дениса о реке.

Специфика художественной речи обусловлена ее подчинением задачам духовного развития мира. Вылепить образ ушедшей в небытие реальности помогают историзмы и архаизмы, отклонения от языковой нормы, фразеологическая лексика, инверсии, словесные повторения, риторические вопросы, восклицания, обращения, восклицания, вопросы; сегментация; синтаксические параллелизмы; переводы, присоединения; разрыв или разрыв синтаксического движения, – всё это эмоционально окрашивает нейтральную речь.

Форма сказа от лица маленького ребёнка была выбрана в том числе потому, что у записей писателя, оформившихся после в публицистические заметки и «Лето Господне» имелся конкретный адресат – племянник и крестник Ив Жантийом. Иногда есть обращение к этому читателю: «Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество» (6: 362). Для этого читателя идут и разъяснения касательно топонимики: «на Конной площади в Москве – там лошадьми торговали <...> как бы тебе сказать?.. – да попросторней будет, чем.. знаешь, Эйфелева-то башня где?» (6: 363).

Удивительна острота восприятия маленького ребёнка, которая позволила в 1930-е детально воссоздать заповедный мир ушедшего детства. Кроме семантических средств создания сказа в произведениях писателя частотна ритмизация, часто она встречается в цитиро-

вания просторечия и присловий мещан и дворовых людей. Один из примеров ритмизации во внутренне-не-собственной речи: «Тихая Якиманка снежком белеет» (6: 259). Звукоподражания и просторечия также сообщают колорит пространству романа, их немного встречается именно в наименованиях мест, но тем не менее бывают и такие упоминания: «листоран», «в церкву», «их-фимоны», «на Крымок», «на погребице», «с ердани», «но Воробьёвку». Пьяного парня предлагают «посадить под шары», то есть отправить в пожарно-полицейскую часть (на мачте которой в случае пожара поднимали черный шар, чем и обусловлено присловье).

Хронотоп может стать определенной эстетической категорией художественного текста, особенно когда идет воссоздание прошлого в рамках псевдолеписи (3: 191, 193). Некоторые имена собственные требуют уточнения, например, кем была Барминиха, чей чудесный сад не раз упоминает писатель? Над ним и солнце висит пунцовым шаром и дымится (6: 370). Многие места названы конкретно, но не все, так, можно только догадываться, в какой бане парились некоторые персонажи, на какой постный рынок собирается Горкин в Чистый понедельник.

Из практических аспектов изучения творчества писателя возможен вариант построения экскурсионного маршрута по Замоскворечью, по местам его детства. Знание бытовой городской жизни той эпохи детально воплощено в романах «Богомолье» и «Лето Господне», которые пользовались у эмигрантов наибольшей популярностью именно за воплощение патриархальной уютной, понятной и приятной Москвы, которой им так не хватало.

Вербный торг на Красной площади, крещенские купели на Москва-реке, масленичные гуляния в Зоологическом саду, тянувший прохладой Мещанский сад, загородные поездки в трактир Крынкина на Воробьевых горах, ледоход на Москва-реке, катание на коньках в Сокольниках и Зоологическом саду, – все эти картины позволяют создать живописное полотно старой Москвы. Москва-река, как говорил 6 декабря 2021 г. в лекции, посвященной И.С. Шмелёву, литературовед И.П. Золотуский (<https://www.youtube.com/watch?v=0ReHN4lCQhY>), создаёт для писателя Россию, как это обычно делает река Волга в произведениях других русских классиков.

Старая Москва в произведениях писателя имеет достаточно широкое географическое освещение, жизнь писателя началась в несохранившемся доме на Большой Калужской улице, оборвалась в Париже, но прах по завещанию писателя через 50 лет после его смерти был перезахоронен на Донском кладбище. Мир начинается в собственном дворе, именно в доме происходят религиозные переживания мальчика, на дворе происходит

познание и бранных событий, и вечных ценностей. Дом, по прабабушкиным рассказам, посетил сам Наполеон, приказавший прекратить мародёрство. События большой истории накладываются на подробности частной жизни, и «мифологема «наш двор» в данном контексте становится своеобразной микромоделью русской культуры», – заключает в своей диссертации М.С. Анисимова (1: 10). В письме другу И.А. Ильину по поводу выдвижения его на Нобелевскую премию, писатель признается: «А по правде сказать – я страшусь сделанного шага. Я все еще чувствую себя – с Замоскворечья. А тут – мир...».

Сакрализация пространства происходит при посещении крестным ходом двора (глава «Царица Небесная»), внимание уделяется всякой мелочи, чтобы все бытовые особенности соответствовали величию момента. И вот, сама Владычица восходит по ступеням, и пространство волшебным образом преображается: «и всё изменилось с Нею, и стало храмом» (6: 327). В произведениях писателя нет деления на «профанное» и «скаральное» пространство (5).

В главе «Троицын день» панорама Москвы дана с возвышения, примечательно, что юному герою она видится внизу, но как будто в этом провале есть небо, и под ним пёстрый город в золотых крестиках. Здесь в любовном описании город появляются уменьшительно-ласкательные наименования: «огороды-коврики», «колоколенки», «куполки», «пятнышки-сады» (6: 338). В сознании ребёнка город уподобляется игрушечному, который можно вернуть на ладони и рассматривать, что собственно и происходит в воспоминаниях.

Изменения лика Москвы отражены в косвенных упоминаниях, так, у Горкина есть икона, которую нашли, «когда на Пресне ломали старинный дом» (6: 554). Слом старых зданий здесь упоминается без сожалений, но по всему тексту проходит это оплакивание Москвы, которой больше нет. География перемещений самого писателя по Москве описана в монографии Н.М. Солнцева, учась в университете, И.С. Шмелёв давал частные уроки и каждый день ходил с Калужской улицы до Красных прудов и Землянки, а в годы военной службы он вместе с женой поселился в Петровско-Разумовском (4).

Постный рынок, устройство иллюминации на Пасху, Вербный торг на Красной площади, крещенские купели на Москва-реке, масленичные гуляния в Зоологическом саду, загородные поездки в трактир Крынкина на Воробьевых горах, ледоход на Москва-реке, уклад Мещанского училища, заготовка трав и березок на Троицу на Воробьевке – на страницах шмелевских произведений оживают эти явления московской жизни. Фотографии дореволюционной Москвы становятся буквальными иллюстрациями к его произведениям. Стремление к точности, почти документальности московских страниц шмелевской прозы было осознанной позицией писате-

ля, особенно в эмиграции.

В эмиграции же будет написана памятка «Душа Москвы», где будут перечислены места и здания, созданные купцами-благотворителями, это, прежде всего, клинический городок на Девичьем поле, больницы, приюты и образовательные учреждения, раскиданные по всей Москве, картинные галереи, например, И.А. Морозова на Пречистенке (7). Кажется, что писатель скрупулёзно перечисляет все знаковые постройки своего века, так что можно создать карту мест, упоминаемых в его произведениях, как, например, сделана карта мест, о которых

писал Гиляровский. В проекте, посвященном «Москве и москвичам» (<http://www.gilyarovsky.ru/>), собраны фотографии мест, а также даны карты, как старые, так и новые, так что можно соотнести описываемое с современным видом этих мест. Проект, который ведет Олег Василик, был начат в 2013 г., с тех пор «Москву и москвичей» на этом сайте прочло 35000 человек. Подобную карту можно было бы сделать и для произведений И.С. Шмелёва, а пока московский Музей предпринимателей, меценатов и благотворителей проводит экскурсии по Москве Ивана Шмелёва (подробнее см.: <https://muzeydela.ru/sobytiya/moskva-ivana-shmeleva/>).

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимова М.С. Мифологема «дом» и ее художественное воплощение в автобиографической прозе первой волны русской эмиграции: на примере романов И.С. Шмелева «Лето Господне» и М.А. Осоргина «Времена». Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – 2007. – 20 с.
2. Корниенко Н.В. Имя Москвы и Петербурга в русской литературе 1910-1930-х гг. (часть 2) // Культурологический журнал. – 2013. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imya-moskvy-i-peterburga-v-russkoy-literature-1910-1930-h-gg-chast-2> (дата обращения: 11.04.2022).
3. Разумовская В.А., Валькова Ю.Е. Хронологичность в текстах Е. Водолазкина: от «Лавра» до «Брисбена» // Mundo Slavico. – 2021. – С. 191-207.
4. Солнцева Н.М. Иван Шмелёв: Жизнь и творчество: Жизнеописание. – М.: Эллис Лак, 2007. – 544 с.
5. Черева Е.А. Мифопоэтика романной прозы И.С. Шмелева. Дисс. ... канд. филол. наук. – 2006. – 206 с.
6. Шмелёв И.С. Богомолье. Лето Господне. – М., Даръ. – 848 с.
7. Шмелёв И.С. Душа Москвы // Меценат. 1930. Режим доступа: http://www.maecenas.ru/doc/2004_3_6.html

© Субачева Елена Глебовна (addaid@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

SPATIAL AND TIME RELATIONS IN MODERN FICTIONAL DISCOURSE

M. Taymour

Summary: The article is devoted to the study of the problem of space-time relations in the artistic discourse of modern English literature. Differences between the terms artistic discourse and literary text are explored. The phenomenon of artistic space and time is analyzed by applying the concept of L. Talmy on the example of the novel by the British writer A. Thorp «Ulverton».

Keywords: artistic discourse; artistic text; space-time relations; figure; background.

Таймур Мария Павловна

*К.филол.н., доцент, Московский государственный
лингвистический университет
mariataymour@gmail.com*

Аннотация: Статья посвящена изучению проблемы пространственно-временных отношений в художественном дискурсе современной англоязычной литературы. Исследуются различия между терминами художественный дискурс и художественный текст. Феномен художественного пространства и времени анализируется при помощи применения концепции Л. Талми на примере романа британского писателя А. Торпа «Ульвертон».

Ключевые слова: художественный дискурс; художественный текст; пространственно-временные отношения; фигура; фон.

В науке XXI века в научных работах, посвященных исследованиям проблемы художественного дискурса, нередко прослеживается наличие дихотомии художественный дискурс vs художественный текст. Это может объясняться тем, что процессы образования текстов, а также интерпретации их реципиентами имеют динамическую и диалогическую природу. Возникновение и дальнейшее развитие коммуникативно-деятельностного подхода (Л.С. Выготский) привело к постепенному вытеснению термина «художественный текст» понятием «художественный дискурс», где текст стал рассматриваться как некая открытая система, имеющая ассоциативно-образный характер. На сегодняшний день художественный дискурс может быть представлен дуально: более узком и более широком смыслах. Более узкая дефиниция термина подчеркивает результативность – это корпус художественных произведений определенного автора либо литературных произведений всех авторов за конкретный период времени. В более широком смысле определение художественного дискурса фокусируется на действии – это материальная фиксация процесса интеракции между автором и читателем в процессе художественной коммуникации, а также их взаимодействие с существующими культурными, социальными и прочими правилами [Плеханова 2009]. Также необходимо иметь в виду, что, как пишет Л.А. Манерко, понятие «художественный текст» или «текст художественного произведения» подразумевает итог акта коммуникации, в то время как «дискурс художественного произведения» представляет собой динамичное явление, относящееся к вопросу понимания взаимодействия текстового и концептуального-смыслового пространства. Это помогает понять не только семантику и семиотику данного явления, но и

связать его с «вертикальностью» текста. Также появляется возможность показать способы его интерпретации, и «это дискурс, посредством которого реализуется обмен знаниями, эмоциями и ценностями» [Манерко 2013: 112].

Структура и характеристики окружающего языковую личность мира лишь отчасти отражаются в художественном дискурсе, и особенно это касается вопроса пространства и времени. Можно согласиться с тем, что пространство и время, имеющие художественную природу, характеризуются объединением ряда ментальных представлений индивида о мире и объективной картины мира как таковой [Прокофьева 2005; Двинина 2014]. Это определяет определенную степень креативности художественных произведений, где автором генерируется индивидуальная модель вероятного / вымышленного мира, а такие категории, как время и пространство приобретают характеристики, нередко отличные от их характеристик в реальном мире, окружающем читателя. Интересно отметить, что как картина мира писателя, так и картина мира реципиента сугубо индивидуальны, и творческие элементы, в т.ч. пространственно-временные отношения, включаемые автором в художественный дискурс, могут быть восприняты неоднозначно в зависимости от индивидуальных особенностей реципиента (личностные характеристики, мировоззрение, социальное положение, ценности и многие другие). Это характерно и для других видов современного дискурса, в особенности мультимодальных [Таймур 2022].

Время и пространство, очевидно, способны обладать как объективными, так и субъективными характеристиками. Рассмотрение феномена видоизмененного худо-

жественного пространства и времени может производиться при помощи применения концепции Л. Талми, описывающей способы структурирования пространства средствами языка [Talmy 2000]. При проведении данного анализа необходимо поочередно произвести следующие действия:

- разделение фигуры и фона;
- определение местонахождения (близости) фигуры по отношению к фону в имеющейся системе координат;
- определение относительного размера рассматриваемой фигуры.

Исследуемая фигура, как правило, более подвижна, чем фон (который нередко статичен), и обладает меньшим, чем фон, размером. Благодаря тому, что пространственные характеристики фона заранее известны, искомые характеристики фигуры могут быть определены достаточно точно, утверждает ученый. Кроме того, в процессе повествования фигура может становиться фоном и наоборот.

В англоязычном художественном дискурсе местонахождение и свойства объектов и субъектов в координатах «пространство / время» могут быть определены благодаря наличию глаголов движения и порядку слов в предложениях даже при отсутствии достаточного объема лексических единиц, являющихся обстоятельствами времени и места. Чтобы проиллюстрировать все вышесказанное, приведем пример из известного романа британского писателя А. Торпа «Ульвертон», получившего престижную мемориальную премию У. Холтби (1992) и посвященного трехсотлетней истории несуществующего села Ульвертон и представляющего различные лите-

ратурные эпохи: *I knew where the dogs were and came up against the other side where a chalk wall had let in one window shuttered against the cold. There was an old cart-wheel all rotten split leant up nearby and I rolled it to the window and stood up on the nave and set my eye against a crack in the shutter. This was the parlour* [Thorpe 2012: 8]. Здесь первый встречающийся глагол движения (*came up*) употребляется перед пространственным ориентиром (*against the other side*), где оставшаяся часть предложения является уточнением. Можно отметить, что другой пространственный ориентир *a chalk wall* может считаться фигурой (поскольку присутствует артикль *a*) и фоном (поскольку размер стены значительно превышает размер окна, являющегося фигурой, и определяет позицию последнего). Во втором предложении фоном является та же стена (*a chalk wall*), фигурой – старая телега (*an old cart-wheel*). Окно (*one window*), представляющее ранее фигуру, становится фоном, приобретая артикль *the window*. Присутствующие глаголы *rolled, stood up* свидетельствуют о наличии движения фона. Пространственное положение фигуры *my eye* определяется благодаря наличию первичного и вторичного ссылочных объектов (по Талми) – *the shutter* и *a crack* соответственно. Очевидно, что в ходе дальнейшего повествования гостиная комната (*the parlour*) выступит как фон.

Таким образом, можно прийти к выводу, что в современном художественном дискурсе альтернативная картина мира нередко строится с помощью введения в текст определенных пространственно-временных отношений. Художественные пространство и время могут быть проанализированы с помощью применения концепции Л. Талми, где ключевыми понятиями являются фигура и фон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Двина С.Ю. Взаимодействие пространства и времени в художественном дискурсе // Вестник ИГЛУ. № 1. 2014. С. 90-95.
2. Каньшина Н.А. Художественный дискурс, текст или произведение? URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/120709/1/%D0%9A%D0%B0%D0%BD%D1%8C%D1%88%D0%B8%D0%BD%D0%B0%20%D0%9D.%D0%90> (дата обращения 05.05.2022).
3. Манерко Л.А. Структуры знаний, представленные в художественном и академическом дискурсах // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2013. № 1. С. 100–118.
4. Плеханова Т.Ф. Языковое воплощение принципа диалога в англоязычном художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19, 10.02.04 / Т.Ф. Плеханова; Мин. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2009. 271 л.
5. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: Локусы и топосы // Вестник ОГУ. № 11. 2005. С. 87-94.
6. Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. Москва: РУСАЙНС, 2022. 170 с.
7. Talmy L. How language structures space // *Toward a cognitive semantics*. Vol. I. Cambridge, 2000. Ch. 3. P. 177-254.
8. Thorpe A. *Ulverton*. London: Vintage, 1992. 272 p.

© Таймур Мария Павловна (mariataymour@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В НАЗВАНИЯХ ВООРУЖЕНИЯ И ВОЕННОЙ ТЕХНИКИ США

Титова Анна Витальевна

Преподаватель, ФГКВООУ ВО «Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны Российской Федерации (Москва)
titova_anna1991@rambler.ru

PRECEDENT NAMES IN U.S. WEAPONS AND MILITARY EQUIPMENT DESIGNATIONS

A. Titova

Summary: The article is devoted to the study of precedent names in the designations of weapons and military equipment of the United States. The aim of the study is to identify the specificity of language consciousness of military personnel and the symbolic potential of vocabulary and phraseology of professional military language. The author identifies groups of precedent names of inventors of weapons, military leaders, political figures, pioneers and Indian chiefs in the names of weapons. The article concludes that the inclusion of precedent names, which represent a fund of ethnic background knowledge, determining a person's belonging to a particular culture, indicates the value dominant in the US military environment - pride in the historical past of the nation and a sense of national superiority.

Keywords: precedent phenomenon, precedent name, military subculture, linguistic consciousness, weapons and military equipment, standard.

Аннотация: Статья посвящена исследованию прецедентных имен в названиях вооружения и военной техники США. Целью исследования ставится выявление специфики языкового сознания военнослужащих и символического потенциала лексики и фразеологии языка профессиональных военных. Автор выделяет группы прецедентных имен изобретателей оружия, военачальников, политических деятелей, переселенцев и индейских вождей в названиях техники. В статье делается вывод о том, что включение в состав наименования оружия прецедентных имен, представляющих собой фонд этнических фоновых знаний, определяющих принадлежность человека к определенной культуре, свидетельствует о ценностных доминантах, бытующих в армейской среде США – гордости за историческое прошлое нации и чувстве национального превосходства.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное имя, военная субкультура, языковое сознание, вооружение и военная техника, эталон.

Любой этнос характеризует наличие собственной системы предметных значений, стереотипных представлений и когнитивных схем, определяющих мировосприятие членов этнической общности и обуславливающих специфику их языкового сознания. Человек существует в национально-культурном пространстве, которое оказывает влияние на его мировоззрение и формирует образы языкового сознания – интегрированные в лексические и фразеологические единицы, тексты, ассоциативные поля и тезаурусы умственные и чувственные знания об окружающей действительности [6: 8-9].

Важная роль в процессе формировании образов языкового сознания отводится социуму, в котором существует человек и в котором язык и культура создаются и развиваются. Исследование языковых явлений, функционирующих в речи членов профессиональных групп, позволяет выявить особенности интерпретации существующих в национальной культуре идей, морально-этических установок, ценностей и стереотипов в сознании представителей субкультур, ментальность которых формируется под влиянием специфики жизнедеятельности [3: 11].

Основу общества любого развитого государства составляют вооруженные силы. Военнослужащие, как пол-

ноправные члены лингвокультурного сообщества, обладают не только свойственной всему этносу спецификой языкового сознания, но и являются носителями особых субкультурных образов сознания, сформированных с учетом специфики профессиональной деятельности. Актуальным представляется анализ образной составляющей армейского социолекта с целью постижения особенностей мировосприятия профессиональных военных через символический и ценностный потенциал используемых ими в речи лексических и фразеологических единиц.

Для достижения поставленной цели – выявления специфики языкового сознания военнослужащих и символического потенциала лексики и фразеологии языка профессиональных военных – в рамках данной статьи остановимся более предметно на прецедентных феноменах, функционирующих в речи представителей вооруженных сил США, в частности, на прецедентных именах, используемых для обозначения вооружения и военной техники.

Человек существует среди имен, которые формируют вокруг него континуум в виде особого национально-культурного пространства, единого для языкового коллектива и индивидуального для его отдельных пред-

ставителей [5: 129]. Важное значение в этом культурном пространстве принадлежит именам известных персонажей. Номинативные единицы, в семантике которых заключены образы выдающихся личностей, становятся средствами концептуализации, представления, категоризации и оценки предметов окружающего мира и именуются в языкознании «прецедентными именами» [4: 5].

В языке военнослужащих США значительную группу прецедентных имен составляют номинации единиц вооружения и военной техники. «Галерея образов» в языковом сознании представителей американской военной субкультуры включает разработчиков оружия, военачальников, политических деятелей, переселенцев и индейских вождей.

Метонимический перенос имени изобретателя, сконструировавшего единицу вооружения, выступает одним из способов номинации огнестрельного оружия: разработанный итальянцами Карлом Беретта, Джузеппе Мазетти и Витторио Валле самозарядный пистолет *Beretta 92*, снайперская винтовка *Barrett M82*, названная в честь Ронни Барретта – основателя компании по производству стрелкового оружия, амуниции и оптических приборов *Barrett Firearms Manufacturing*, сконструированный автором революционных нововведений в области ручного огнестрельного оружия Джоном Мозесом Браунингом крупнокалиберный пулемет *Browning M2*.

Примечательно, что номинация оружия с помощью метонимического переноса имени конструктора имеет давнюю традицию. Так, прецедентное в американской культуре имя Эмброуза Эверетта Бернсайда – генерала армии Союза во времена гражданской войны в США, лежит в основе номинации разработанного им карабина *Burnside carbine*. Новаторские идеи изобретателя Ричарда Джордана Гатлинга сделали его имя прецедентным в американской культуре: оно используется для номинации не только разработанной им в 1862 году картечницы *Gatling gun*, но и *схемы Гатлинга*, по которой работают артиллерийские, авиационные и стрелковые системы с вращающимся блоком стволов (20-мм шестиствольная пушка M61 «Вулкан», 30-мм семиствольная пушка GAU-8 Avenger, 7,62-мм шестиствольный пулемёт M134 «Миниган», 23-мм шестиствольная авиационная пушка ГШ-6-23 и т. п.).

Номинация в честь конструктора свойственна не только вооружению сухопутных войск. Так, первая боевая подводная лодка Военно-морских сил США, положившая начало американскому подводному флоту, *USS Holland* названа в честь инженера Джона Холланда – автора современной конструкции подводной лодки, чьи боевые корабли были приобретены, помимо американского, флотами России, Англии, Австро-Венгрии, Нидерландов и Японии.

Вторую группу прецедентов в названиях вооружения США составляют имена американских военачальников, присваиваемые единицам бронетанковой техники. Так, основной боевой танк США времен Второй мировой войны *M4 Sherman* получил наименование в честь прославленного генерала Гражданской войны Уильяма Шермана, танк *M46*, а также средние танки *M47 (M47 Patton II)*, *M48 (M48 Patton III)* – командира танкового корпуса Джорджа Паттона, танк *M1 Abrams* – генерала Крейтона Абрамса, осуществлявшего руководство военной операцией войск США во Вьетнаме с 1968 по 1972 гг., боевая машина пехоты *M2 Bradley* – военачальника Омара Брэдли, одной из ключевых фигур на фронтах Северной Африки и Европы во времена Второй мировой войны.

Единице техники, названной в честь выдающегося военачальника, приписываются качества, свойственные личности исторического персонажа, имеющего в пространстве культуры лингвокультурного сообщества символический смысл.

Отдельную группу, названную в честь выдающихся военачальников, составляет техника на вооружении Военно-морских сил США. В номинациях боевых кораблей заключены образы офицеров и адмиралов, отличившихся в морских сражениях разных лет: от коммодоров времен становления американского государства после Войны за независимость 1775-1783 гг. Уильяма Бейнбриджа и Томаса Тракстона, в честь которых названы ракетные крейсера *USS Bainbridge (CGN-25)* и *USS Truxtun (CGN-35)*, до прославившихся во Вторую мировую войну адмиралов флота Честера Нимица и Арли Берка, чьи имена – в номинациях авианосца *USS Nimitz (CVN-68)* и эскадренных миноносцев с управляемым ракетным оружием типа «Арли Бёрк» *the Arleigh Burke class destroyers*.

Апелляция к истории государства и образу выдающегося военного деятеля в названии техники свидетельствует об основополагающей в среде представителей военной субкультуры США ценностной доминанте – уважении к историческому прошлому нации.

Третью группу в «галерее образов» представителей военной субкультуры составляют прецедентные имена политических деятелей. В стремлении давать технике имена президентов, министров и конгрессменов особо выделяются Военно-морские силы США. На вооружении американского флота состояли и состоят названные в честь американских президентов разных лет авианосцы *USS Franklin (CV-13)*, *USS Ronald Reagan (CVN-76)*, *USS Franklin D. Roosevelt (CV-42)* и т.д.

Авианосный флот представляет главную ударную силу американских ВМС. Статус самой крупной авианосной

державы мира обуславливает выбор имен высших лиц государства и личностей, чей вклад в развитие военно-морского флота в США особенно велик. Так, авианосец *USS Carl Vinson (CVN-70)* был назван в честь политика, известного в американской культуре как «отец флота двух океанов», на протяжении 29 лет возглавлявшего Военно-морской комитет Палаты представителей Карла Винсона. Образы министра военно-морских сил и первого министра обороны США Джеймса Форрестала и главы Комитета Сената по вооруженным силам Джона К. Стенниса заключены в номинациях авианосцев *USS Forrestal (CV-59)* и *USS John C. Stennis (CVN-74)*.

Четвертую группу имен в названиях вооружения и военной техники США составляют американские пионеры, в разные периоды истории осваивавшие новые территории. Например, в номинации атомной подводной лодки *USS Daniel Boone (SSBN-629)* используется имя легендарной в американской культуре личности переселенца и охотника Даниэла Буна, являющегося в американском фольклоре эталоном Героя Запада [10: 8].

В основе каждого прецедентного феномена лежит некоторый факт, выступающий эталоном для сходных по структуре фактов. Этот эталон способен отражать и определять поведение представителей этнической общности [1: 142]. Так, качества другого знаменитого персонажа устного народного творчества США, «Короля Дикого фронта» Дэви Крокетта, способного, по преданиям, выстрелить из мушкета в воткнутый в дерево на расстоянии 36 метров топор, расщепив пополам пулю о его лезвие [9], стали ярко маркированным для представителей лингвокультурного сообщества образцом, или эталоном, не только меткости, но и ловкости, авантюризма и находчивости пионеров и фронтиров. Прецедентное имя, получившее в пространстве культуры ранг эталона, в военной субкультуре США использовалось в названии ядерного надкалиберного боеприпаса, доставляемого к цели с помощью безоткатного орудия, разработанного во времена холодной войны *Davy Crockett, M388*.

На свойственный национальному характеру представителей американского лингвокультурного сообщества и входящей в его состав военной субкультуры патриотизм, проявляющийся в апелляции к истории страны, сражениям, победам и подвигам выдающихся личностей, указывает и пятая группа выделенных нами имен индейских вождей в названиях вооружения и военной техники США.

После формирования в 1947 г. в отдельный вид войск ранее находившихся в составе Армии США военно-воздушных сил, в армейской авиации появилась традиция давать единицам техники имена индейских племен и вождей. Появление традиции

связывают с именем генерала Гамильтона Х. Хауза, сравнившего способность вертолетов осуществлять быструю, внезапную и маневренную атаку флангов противника, а затем также внезапно исчезать, с тем, как сражались североамериканские индейцы в ходе американо-индейских войн. Генерал распорядился дать поступившему на вооружение армейской авиации вертолету H-13 имя индейского племени Сиу *Bell H-13 Sioux* в честь коренных американцев, которые сражались в Сиуских войнах и победили 7-й кавалерийский полк в битве при Литтл-Бигхорн [11].

Порядок присвоения имен индейских вождей и племен единицам техники армейской авиации был в дальнейшем регламентирован воинским уставом *Army Regulation 70-28*, изданным 4 апреля 1969 г. Так, именами вождей индейских племен названы многоцелевой ударный вертолет *Sikorsky UH-60 Black Hawk* и разведывательно-ударный беспилотный летательный аппарат *General Atomics MQ-1C Gray Eagle*.

Традиция называть технику именами индейских вождей и племен не всегда находит одобрение у широкой общественности. Так, авторитетное американское издание *The Washington Post* называет странным стремление давать вооружению имена истребленных коренных народов. Журналист Саймон Ваксман называет традицию давать боевой технике имена угнетенных американцами коренных народов пропагандой и видит в ней не проявление патриотизма и уважения к истории страны, а свойственное национальному характеру стремление к превосходству [14].

Известный своими радикально-левыми политическими взглядами и критикой внешнеполитического курса США лингвист Ноам Хомский в свойственной ему провокационной манере прокомментировал данную традицию: «*We might react differently if the Luftwaffe were to call its fighter planes 'Jew' and 'Gypsy.'*» [7] («Наша реакция была бы другой, если бы Люфтваффе назвали свои истребители «Еврей» и «Цыган». – перевод наш. – А.Т.)

Номинация единиц вооружения и военной техники прецедентными именами удобна в век развития информационных технологий, когда средства массовой информации широко освещают появление новых образцов вооружения, активно публикуют обзоры, содержащие анализ тактико-технических характеристик вооружения в сравнении с образцами потенциального противника. Цифры и аббревиатуры могут вызывать сложности с запоминанием у массовой аудитории, а официальные названия не всегда могут быть опубликованы в открытых источниках, вследствие чего наблюдается тенденция военных специалистов присваивать технике неофициальные названия [2: 308].

Прецедентное имя в названии вооружения значительно облегчает доступность информации широкой аудитории, подтверждение чему находим в публикациях новостных агентств:

Defense News: *Philippines approves purchase for more Black Hawk helos* [8];

Shephardmedia: *Australia seeks new Black Hawks as MRH90 retires early* [13];

Newinform: *В районе украинской границы появились американские вертолеты UH-60 Black Hawk и самолеты C-12 Huron, которые обычно применяются для переброски военнослужащих спецподразделений и ЧВК* [12].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, значительная роль в процессе наименования вооружения и военной техники США отводится культуре, истории, обычаям и традициям лингвокультурного со-

общества. Включение в название вооружения и военной техники США прецедентных имен изобретателей оружия, военачальников, политических деятелей, переселенцев и индейских вождей позволяет перенести качества известной личности, имеющей в пространстве культуры статус эталона, на единицу вооружения. Включение в состав наименования оружия прецедентных имен, представляющих собой фонд этнических фоновых знаний, определяющих принадлежность человека к определенной культуре, свидетельствует о ценностных доминантах, бытующих в армейской среде США – гордости за историческое прошлое нации и чувстве национального превосходства. Раскрытие образного потенциала прецедентных феноменов, функционирующих в армейском социуме, способствует постижению специфики ментальности этнической общности и мировоззрения представителей входящей в его состав военной субкультуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дис. ... докт. филол. наук. – Москва, 1999. – 400 с.
2. Крюкова Е.В. Семантические особенности наименования оружия и техники России и стран НАТО // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 1 (86). – С. 305-309.
3. Лупанова Е.В. Профессиональный образ мира военнослужащего в зеркале условных обозначений армейских формирований // Организационная психоллингвистика. 2020. № 1 (9). – С. 11.
4. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: моногр. – Екатеринбург, 2007. – 109 с.
5. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский язык. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2003. – 123 с.
6. Тарасов Е.Ф. Введение // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Ин-т языкознания РАН, 1993. – С. 8-9.
7. Chomsky N. Was There an Alternative? Looking Back on 9/11 a Decade Later // Электронный ресурс <https://chomsky.info/20110906/> (дата обращения: 21.03.2022).
8. Defense news.com // Электронный ресурс https://www.defensenews.com/air/2021/02/10/philippines-approves-purchase-for-more-black-hawk-helos/?utm_medium=social&utm_campaign=Socialflow+DFN&utm_source=twitter.com (дата обращения: 15.03.2022).
9. Geni.com // Электронный ресурс <https://www.geni.com/people/Davy-Crockett/600000000830193013> (дата обращения: 20.03.2022).
10. Lofaro M. Daniel Boone: An American Life. University Press of Kentucky, 2003. – 216 p.
11. Native America today.com // Электронный ресурс <https://nativeamericatoday.com/why-army-helicopters-have-native-american-names/#:~:text=So%2C%20he%20laid%20out%20instructions,the%20helicopters%20after%20their%20abilities.&text=How%20said%20since%20the%20choppers,the%20aforementioned%20American%20Indian%20Wars> (дата обращения: 20.03.2022).
12. Newinform.com // Электронный ресурс https://newinform.com/8161-NaTO_perebrasivaet_k_granitse_s_Ukrainoi_spetspodrazdeleniya_i_CHVK?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 19.03.2022).
13. Shephardmedia.com // Электронный ресурс <https://www.shephardmedia.com/news/air-warfare/australia-seeks-new-black-hawks-as-mrh90-to-be-ret/> (дата обращения: 20.03.2022).
14. Washingtonpost.com // Электронный ресурс https://www.washingtonpost.com/opinions/simon-waxman-tomahawk-missiles-apache-helicopters-just-as-offensive-as-redskins/2014/06/26/16c18738-fc9a-11e3-932c-0a55b81f48ce_story.html (дата обращения: 21.03.2022).

© Титова Анна Витальевна (titova_anna1991@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В РАССКАЗАХ В.Г. КОРОЛЕНКО (НА МАТЕРИАЛЕ ЯКУТСКОГО ЦИКЛА)¹

Филиппова Айяна Александровна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова» (Якутск)
Fiayalex11@yandex.ru

FOLKLORE MOTIVES IN THE STORIES OF V.G. KOROLENKO (BASED ON THE YAKUT CYCLE)

Ay. Filippova

Summary: The article deals with the issues of the poetics of folklore in the artistic stories of V.G. Korolenko and their features in the portrayal of literary heroes. Considerable attention is paid to the folklore motives used in the stories.

Keywords: folklore, olonkho, motive, images, Russian literature, V.G. Korolenko, Siberian stories.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы поэтики фольклора в художественных рассказах В.Г. Короленко и их особенности в изображении литературных героев. Значительное внимание уделяется фольклорным мотивам использованных в рассказах.

Ключевые слова: фольклор, олонхо, мотив, образы, русская литература, В.Г. Короленко, сибирские рассказы.

Владимир Галактионович Короленко начиная с 30 ноября 1881 г. по 9 сентября 1884 г. отбывал ссылку в Амгинской слободе за отказ от присяги царю Александру III. Но край изгнания сыграл важную роль для становления и развития его личности как писателя. Он кропотливо изучал историю, традиции, обычаи, нравы якутов, записывал и изучал фольклор, тем самым стал первооткрывателем якутской тематики в русской литературе. Благодаря сибирским рассказам В.Г. Короленко российские читатели впервые узнали о жизни жителей якутского края. Он посвятил Якутии более 20 рассказов, очерков, черновых набросков, этюдов, заметок, записей в дневниках. Так, в Амге им были написаны такие рассказы, как «Сон Макара», «Марусина заимка», «Соколинец» и др. По возвращении из ссылки были написаны такие произведения, как «Ат-Даван», «Государевы ямщики», «Мороз», «Огоньки», «Последний луч», «История моего современника» и др.

В этих рассказах В.Г. Короленко описывает суровую якутскую природу, и как писатель-гуманист мастерски описывает быт и жизнь простых якутов и объякутившихся русских. Короленко проявлял особый интерес к якутскому фольклору. Эту особенную черту он сохранил и после отъезда из Амги. Об этом свидетельствуют его письма Т.А. Афанасьевой. В одном из писем он пишет: «Будьте так добры, передайте моим товарищам просьбу: записать и переслать хоть несколько таких песен, сказок, «олонхо» по вашему переводу. Буду вам очень благодарен: У меня начат рассказ, и я не могу продолжать, не имея того, о чем теперь прошу». Им были записаны

варианты исторических преданий о легендарных героях-разбойниках «Манчаары и Омуоча», предание о богатыре Омоллоне («Омоллон»), которые впервые были опубликованы в книге «Сибирские очерки и рассказы». Короленко хорошо понимал по-якутски, свободно разговаривал с якутами. Знание якутского языка помогло ему широко познакомиться с устным творчеством народа и объективно оценить его. Интерес к якутскому фольклору якутов В.Г. Короленко проявлял в годы ссылки и после нее. В статье «В.Г. Короленко и якутское народное творчество» К.Ф. Пасютин отмечает: «В Короленко проявлял особый интерес к якутскому устному народному творчеству, отмечая, что у якутов есть большая склонность к поэзии «Якут сразу изливает свои ощущения, без затруднений находит для них и рифмы и своеобразный ритм». Интерес к якутскому фольклору Короленко сохранил и после отъезда из Амги. Об этом свидетельствуют его письма Т.А. Афанасьевой. В одном из писем он пишет: «Будьте так добры, передайте моим товарищам просьбу: записать и переслать хоть несколько таких песен, сказок, «олонхо» по вашему переводу. Буду вам очень благодарен: У меня начат рассказ, и я не могу продолжать, не имея того, о чем теперь прошу». Им были записаны варианты исторических преданий о легендарных героях-разбойниках «Манчаары и Омуоча», предание о богатыре Омоллоне («Омоллон»), которые впервые были опубликованы в книге «Сибирские очерки и рассказы». Короленко хорошо понимал по-якутски, свободно разговаривал с якутами. Знание якутского языка помогло ему широко познакомиться с устным творчеством народа и объективно оценить его.» [4, с. 230].

1 Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект 20-312-9000/2-20

Интерес к эпосу якутов содействует некоторой перестройке сознания Короленко на якутский манер. Проникая в поэтическое выражение сознания, мирозерцание, т.е. в эпос якутского народа, он усваивает то, как мир отражается в сознании данного народа. От произведения к произведению все заметнее становится обогащение художественной манеры Короленко приемами, подсказанными мирозерцанием, дополненным и в каких-то строках этого мировосприятия измененным под влиянием якутского начала (искусства, творчества, окружения, природы).

В рассказе «Ат-даван» Короленко описывает ямщиков, расположившихся у камелька. Один из них поет заунывную песню. «Из горла его лились, примешиваясь к шипению и треску пламени, странные, то протяжные, то истерически-порывистые звуки. Это была якутская песня-импровизация, - песня, в которой только привычное ухо может уловить признаки своеобразной гармонии» [3, с. 432].

Писателя удивляет эта песня, непохожая на те, что он слышал раньше. Тонкий слух художника улавливает красоту в непривычной для европейца гортанной якутской песне. Он отмечает, что «есть своя доля красоты и в этом диком, гортанном, прерывистом завывании, похожем то на плач, то на шум ветра в диком ущелье». Для Короленко был характерен взгляд на якутское искусство как на выражение духовного содержания нации. А в песне выражается душа народа. В данном случае основной ведущей нотой песни является печаль, которая является отражением горестного состояния души якута.

Своеобразно объясняет Короленко происхождение гипербола в якутских песнях. Он пишет: «От севера же, от пугливого морозного воздуха, в котором треск льдины вырастает в пушечный выстрел, а падение ничтожного камня гремит, как обвал, - песня приобретала пугливую наклонность к чудовищным гиперболам, к гигантским устрашающим преувеличениям. Вот почему, надо думать, якутский Иванушка, бедный сиротина Эр-Соготох, в своих горестных странствиях натывается то и дело на сказочных молодцов, самый меньший из которых обладает икрами в обхват старой лиственницы, а глаза его весят по пяти фунтов» [3, с. 433]. В этом высказывании, на наш взгляд, очень точно раскрывается роль геоландшафта в формировании художественного сознания якутов.

В.Г. Короленко сумел подметить такое своеобразие якутского фольклора, как импровизационный характер его жанров. «В якутской поэзии, - подчеркивает Короленко, ...есть то, чего у нас нет, - много непосредственности. Якут сразу выливает свои ощущения, без затруднения находя для них и рифмы, и своеобразный ритм...». Далее, касаясь сцены исполнения олонхо, Короленко пишет: «Якуты часто садятся у камелька и, уставив гла-

за на огонь, слушают длинную импровизацию, целые поэмы... иные поэмы можно петь несколько вечеров подряд, и их слушают все с тем же захватывающим интересом». В этих словах он отмечает объем олонхо, занимательность сюжета, манеру исполнения олонхосута и любовь якутов к устному народному творчеству. Здесь же Короленко говорит о богатых изобразительных возможностях якутского языка. Когда, например, описывается покос, то дается, пишет он: «Описание всех кочек разных форм: кочки с круглыми головами, кочки с головами остроконечными, и для каждой формы есть особое существительное». Такие тонкости мог воспринимать только человек, хорошо знающий якутский язык.

В рассказе «Ат-даван» внутренний, скрытый мотив – мотив жизни и смерти, вытекающий из диалектики понятий. Жизнь трактуется как активность, смерть – как пассивность. В отдельных эпизодах, где герой выступает активной личностью, повествование ведется в живом, подвижном тоне, его ритм ускорен, над всей картиной витает образ жизни, динамики. Напротив, там, где герой унижен, пассивен, движение замедляется, почти останавливается, и повествование пронизывается «призраком» смерти. Короленко обращает внимание читателя на «трупы деревьев, запорошенные снегом», «белые склоны с траурной каймой» [3, с. 421]. Именно якутская действительность с ее замерзшей жизнью могла обострить оппозицию «жизнь – смерть» и уподобить смерти нежелание или бессилие бороться с судьбой.

Исследователи творчества В.Г. Короленко верно отмечают, что пребывание писателя в Якутии имело поворотное значение в формировании его взглядов на якутский народ в решении гамлетовского вопроса «быть или не быть» ему писателем. Известно, что свой путь как человек и писатель Короленко начал с преклонения перед «народной мудростью», туманной и неопределенной, которую он воспринимал в духе народнической идеализации. Отказ от идеалистических взглядов произошел именно в якутский период жизни. Важную роль в этом отношении сыграла встреча Короленко с неизвестным якутом на Яммалахском утесе и рассказанная последним легенда о двух братьях, добром и злом. Кончается рассказ-предание победой доброго начала. Короленко был необычайно благодарен этому якуту с его наивными речами и размышлениями: «Я чувствовал, что от этого разговора что-то у меня повернулось в душе. Любить этот народ – не в этом ли наша задача? А я в это время чувствовал к нему любовь». После этой встречи В.Г. Короленко понял, что смыслом его жизни должна стать литературная деятельность.

Роль геоландшафта (экстремальность якутской территории) в формировании мировосприятия человека раскрывается в произведениях русских поэтов, начиная с декабристов. В поэзии декабристов Якутия предстает

как «отчизна вьюг», «край снегов и туч». Природа становится главным мерилом мировосприятия в творчестве В.Г. Короленко. М.К. Азадовский справедливо отмечал, что Короленко «к каждому явлению в жизни и к человеку подходит через природу» [1, с. 16].

Подобный мифологизм сознания мог появиться под влиянием на мировосприятие писателя якутской ментальности. Но восприятие связи природы и человека у Короленко иное, чем у якутских писателей. У него мир воспринимается как суровый и враждебный, подавляющий человека, жестокий, требующий вечной борьбы за элементарное существование. В рассказе «Сон Макара» лес и его обитатели описываются в восприятии главного героя – обьякутившегося русского крестьянина Макара. Именно он видит насмехающихся над его несчастьем зайцев и лис, но характер описания леса, особенности лексики, поэтическая картина, при этом возникающая, несомненно, идут от самого писателя. Начиная со «Сна Макара», одушевление природы у Короленко становится более органичным, передающим лично пережитое и прочувствованное. У писателя находятся свои, новые слова, выражения, возникают новые ассоциации, сравнения и уподобления.

В рассказе «Сон Макара» в пейзажной зарисовке перед тем, как Макар с попиком войдут в дверь избы, где живет большой Тойон, Короленко использует ассонанс, повторение гласной в начале каждого предложения, то есть анафору, характерную для сказовой манеры, в том числе для устного народного творчества якутов: «И в одном месте, на востоке, туманы стали светлее, точно войны, одетые в золото. И потом туманы заколыхались, золотые войны наклонились долу. И из-за них вышло солнце и стало на их золотистых хребтах и оглянуло равнину. И равнина вся засияла невиданным, ослепительным светом. И туманы торжественно поднялись огромным хором, разорвались на западе и, колеблясь, понеслись кверху. И Макару казалось, что он слышит чудную песню. Это была как будто та самая, давно знакомая песня, которою земля каждый раз приветствует солнце» [3, с. 149].

В рассказе «Сон Макара» прослеживаются элементы якутского народного творчества. В якутском устном народном творчестве якутов есть жанр эпического сказания – олонхо. В олонхо есть три мира: нижнее, среднее и верхнее. Ведущей темой якутских олонхо является борьба доброго начала со злым. Причем, богатыри человеческого племени айыы олицетворяют созидательное, доброе начало, а мифические чудовища – богатыри абаасы воплощают в себе силу разрушения, злое начало, наносящее человеку только вред. В своем рассказе Короленко, поддавшись очарованию якутских преданий, вознес Макара на высоту и дал ему возможность перед всевышним тойоном рассказать о своей тяжелой доле и доказать, что справедливости на земле не существует.

Макар, конечно, не похож на сказочных богатырей олонхо, но в один момент, когда он в ответ на все упреки бога набрался смелости и силы и высказал перед ним всю видимую ему несправедливость – в это время он героически вырастает в богатыря, способного на любой подвиг за правду и искоренение зла [2, с. 29].

Развеять тоску автобиографического повествователя в рассказе «Соколинец» может только, как его называет повествователь – «бог юрты» – могучий огонь. Обожествление огня в рассказе могло явиться под влиянием якутской действительности на писателя и общения автора с якутами. Нигде огонь не может быть так нужен, не может так радовать, как в Якутии – стране льда и стужи. Хотя нельзя со всей определенностью сказать, был ли знаком Короленко якутский дух огня – добрый старичок Хатан Тэбиэрийэ, но ясно, что автор относился к нему с уважением [2, с. 30].

Рассказ «Сон Макара» примечателен тем, что показывает, как, какими своими сторонами, какими особенностями Якутия начала «входить» в Короленко, что в первую очередь бросилось в глаза писателю в якутской ссылке и что побудило к появлению в его творчестве новой линии, связанной с якутскими впечатлениями и прошедшей через весь его творческий путь. В рассказе характерная для многих русских писателей деятельность, подробность этнографических деталей, особое внимание к неизвестному ранее, непривычному русскому зрению и слуху. Чувствуется интонация человека, пораженного суровостью края, неустроенностью местной жизни, удивленного оригинальными типами. Позже незаметно для самого Короленко якутские реалии войдут в его сознание и определенным образом изменят какие-то стороны его мирозерцания и отразятся в его поэтике.

Примечательно, что В. Короленко сумел проникнуть в психологию национального характера якутов и подметить такие черты, как незлобивость, беспримерное всепрощение. Это у них как защитная реакция от притеснений и обид, наносимых извне. Людская память, по Короленко, обладает удивительным свойством вытеснения негативных воспоминаний в область бессознательного. Сила и своеобразие характера народа незаметно вливались в самого писателя и становились основой своеобразного равновесия полярных чувств. Рождалась исходная позиция одной из особенностей поэтики Короленко – романтико-реалистического равноправия как выражения равносилы чувств протеста, критических эмоций и спокойной сдержанности.

Таким образом, активное участие русских писателей в изучении и творческом освоении идейно-художественных богатств якутского фольклора играет большую роль в развитии и обогащении русско-якутских литературных взаимосвязей. Изучение проблемы перевода и фолькло-

ризма в контексте взаимодействия литератур расширяет учение о предпосылках возникновения якутской литературы. Главным фундаментом якутской литературы являются глубинные фольклорные истоки. Они оказали большое влияние на творчество русских писателей – политссылных, особенно на мировосприятие В.Г. Короленко, которое отразилось в поэтике его произведений.

В якутском цикле рассказов («Сон Макара», «Ат-даван», «Государевы ямщики» и др.) обнаруживается мифологизм представлений об окружающем и восприятии описываемого: обожествление огня, одушевление образов природы. Якутское влияние проявляется в редком, но характерном использовании некоторых приемов и образов якутского фольклора. Например, в рассказе

«Сон Макара» в кульминационный момент главный герой поднимается в Верхний мир и напоминает богатыря Айыы. Бог здесь явно не христианский, он похож на якутского Аар Тойона (Всемогущего господина).

В рассказе «Ат-даван» наблюдается, как интерес к эпосу якутов перестраивает сознание писателей на якутский манер. Ведь именно в эпосе в сконцентрированном виде выражено своеобразие национального видения народа. Под влиянием якутского начала художественная манера Короленко обогащается новыми приемами. Таким образом, этнографизм и фольклоризм становятся существенными факторами, повлиявшими на поэтику творчества В. Короленко. Это факт взаимодействия двух литератур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азадовский М.К. Короленко В.Г. в Амгинской ссылке / М.К. Азадовский. – Якутск, 1947. – 148 с.
2. Иванова О.И. Фольклоризм в якутских рассказах В.Г. Короленко // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Фольклор и литература коренных малочисленных народов Севера: современное состояние и перспективы развития». Научный электронный журнал Меридиан. – 2016. – №2(2). – С. 29-31.
3. Короленко В.Г. Повести и рассказы. Переиздание / Оформ. П.Ф. Космолинского. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 536 с.
4. Пасютин К.Ф. Короленко и якутское народное творчество / К.Ф. Пасютин // Труды историко-филологического факультета. – Якутск, 1969. – С. 225-230.

© Филиппова Айяна Александровна (fiayalex11@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова

ОСОБЕННОСТИ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛЕКСЕМЫ «OPÉRATION» В ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ГАЗЕТЫ LE FIGARO)

Химинец Елена Михайловна

старший преподаватель, Пермский государственный
национальный исследовательский университет
ellen.lm@mail.ru

FEATURES OF THE SEMANTIC DEVELOPMENT OF THE LEXEME "OPÉRATION" IN DISCOURSE (BASED ON THE FRENCH NEWSPAPER LE FIGARO)

E. Khiminets

Summary: The present article focuses the features of the semantic development of the lexeme "opération" based on the French dictionaries. Furthermore, the features of the semantic development of the lexeme are analyzed on set of articles devoted to the military Operation Serval¹ in the French daily newspaper Le Figaro. The method of component analysis is used to determine the semantic components of the meaning of the analyzed unit. The analysis of the functioning of the lexeme "opération" in French is carried out.

Keywords: operation, component analysis, seme, dictionaries, French newspapers, Mali.

Аннотация: В рамках данной статьи детально изучаются особенности семантического развития лексемы «opération» (операция) на материале французских словарей. Далее особенности семантического развития лексемы рассматриваются на материале статей, посвященных военному событию «Сервал¹» в ежедневной французской газете Le Figaro. Для определения семантических компонентов значения анализируемой единицы применяется метод компонентного анализа. Проводится анализ функционирования лексемы «opération» во французском языке.

Ключевые слова: операция, компонентный анализ, сема, словари, французские газеты, Мали.

В рамках данной статьи представлены особенности семантического развития лексемы «opération» (операция) на материале французских словарей и ежедневной французской газеты Le Figaro. В ходе исследования сформировано и структурировано представление о понятии «военное событие «Сервал»» на основе анализа экспертных источников данной предметной области. Составлен корпус текстов, репрезентирующих исследуемое понятие в новостных текстах французской газеты Le Figaro. Полученный корпус текстов проанализирован в программе Sketch Engine, получена наиболее частотная единица текста «opération», репрезентирующая в новостных текстах военное событие «Сервал». Далее проведен компонентный анализ и анализ контекстуальной семантики, так как «анализ значений слова в контексте всегда выявляет семы, которые не вошли в словарное толкование слова в словарях» [Стернин, Са-

ломатина 2011: 22]. Необходимо отметить, что сема – это компонент значения, отражающий отличительный признак денотата слова (предмета, явления, процесса) или употребления слова и способный различать значения слов [Там же: 5]. С помощью сопоставления материала французских словарей и анализа функционирования исследуемой лексемы в дискурсе демонстрируется семантическое развитие лексемы «opération». Это связано в первую очередь с тем, что пользователи словаря исходят из того, что именно в данном семантическом объеме существует слово и именно в этом объеме оно понимается и употребляется, хотя это далеко не всегда соответствует действительности [Стернин, Рудакова 2011: 12].

Для определения семантических компонентов значения анализируемой единицы обратимся к методу компонентного анализа. Под компонентным анализом

1 В январе 2013 г. началась французская операция «Сервал» на территории Мали. Одной из причин проведения данной операции была нестабильная обстановка в Мали вызванная активизацией деятельности террористических группировок, имеющих тесные связи с Аль-Каидой Исламского Магриба. В результате действия данных группировок и туарегов, выступающих за независимость части Мали, север страны стал не подконтрольным официальной столице Бамако. 11 января 2013 года началось наступление на столицу Мали, и Франция приступила к операции «Сервал». Данное событие получило широкое освещение в средствах массовой информации Франции.

2 The French Serval operation began in Mali in January 2013. One of the reasons for this operation was the unstable situation in Mali caused by the revitalization of the al-Qaeda-affiliated groups. The actions of these groups and the Tuareg, who fought for their independence, resulted in the loss of control over the north of the country. On January 11, 2013, the Malian capital Bamako came under attack by the Islamic militants from the north of Mali, and France launched Operation Serval. This event received wide coverage in the French media.

слова принято понимать метод исследования содержательной стороны значимых единиц языка, имеющий целью разложение значения на минимальные семантические составляющие [ЛЭС]. Компонентный анализ значения непосредственно связан со структурой лексического значения и строится на той предпосылке, что все значения, кроме тех, что совпадают с элементарными понятиями, состоят из компонентов, а именно содержат более простые понятия, связанные зависимостями в целостную структуру значения [Никитин 2007: 110]. В основе анализа лежит гипотеза о том, что значение каждой единицы языка состоит из семантических компонентов, и что словарный состав языка может быть описан с помощью ограниченного и относительно небольшого числа семантических признаков. Метод заключается в анализе дефиниций лексем в толковых словарях, выделении компонентов этих словарных дефиниций и интерпретации их как отдельных дифференциальных признаков значения слова – сем [Попова, Стернин 2007: 125].

Для начала был проведен анализ этимологических и исторических словарей французского языка. Согласно французским этимологическим словарям, лексема *opération* происходит от латинских слов *operari, operare* в значении *travailler* (работать), *faire* (делать), *opérer* (оперировать) [Dictionnaire étymologique de la langue française 1986: 445]. В V вв. зафиксировано религиозное значение лексемы *opération divine* (божественное действие) и *action du Saint-Esprit* (действие Святого Духа) [Dictionnaire historique de la langue française 1998: 2466]. В словаре «Dictionnaire de l'ancien français» зафиксированы два значения лексемы «opération» (1130) *ouvrage* (работа) и *bonnes œuvres* (благотворительность) [Dictionnaire de l'ancien français 2001: 425]. В словаре «Dictionnaire du Moyen français. La Renaissance» можно наблюдать значительное развитие лексического значения, так как в XII вв. у лексемы появляются четыре значения *efficacité* (действие), *calcul, opération* (вычисление, операция), *action, effet* (поступок, действие, результат) и сохраняется значение *bonnes œuvres* (благотворительность) [Dictionnaire du Moyen français. La Renaissance 1992: 446]. Впервые данная лексическая единица была зафиксирована в письменных источниках в конце XIII века, в этот период у лексемы появляется значение в области алхимии. С XIV века лексема начинает использоваться в значении хирургического вмешательства. Далее она применялась в философии, теологии, математике, химии, а также в финансовой сфере. С начала XVIII века лексема применяется в военном значении при описании организованных военных действий и действий во время конфликта.

Отметим, многозначность лексемы «opération» зафиксированную в этимологических и исторических словарях. В рамках данного этапа анализа можно определить неспециальное и специальное значения данной

лексемы. К неспециальному значению можно отнести компонент значения *action/действия*, к конкретизирующим семам можно отнести семы *action, effet/поступок, результат*. К специальному значению относятся религиозное значение, философское значение, термин алхимии, медицинское значение, математическое значение, химическое значение, военное значение, финансовое значение, банковское значение.

Обратимся к рассмотрению современных французских словарей. С помощью компонентного анализа исследованы словарные дефиниции в толковых, энциклопедических, военных, юридических и т.д. франкоязычных словарях. Всего проанализировано 32 словаря.

В рамках неспециального общего значения компонент значения *action/действие* является наиболее частотным и встречается в 81% словарей. Приведем пример: «**Action d'une puissance, d'un pouvoir qui produit un effet physique ou moral**» (Действие силы, силы, которая производит физический или моральный эффект) [CNTRL: электронный ресурс]. Второй компонент значения, выявленный в рамках общего неспециального значения – «результат», присутствует в 69% изученных словарей. Приведем пример: «**Acte ou série d'actes (matériels ou intellectuels) supposant réflexion et combinaison de moyens en vue d'obtenir un résultat déterminé**» (Действия или серия действий (материальных или интеллектуальных), сопряженных с отражением и сочетанием средств для **получения определенного результата**) [Le Nouveau Petit Robert 2008: 1745].

Рассмотрим специальное значение, которое было разделено на военное и невоенное значения. К невоенному значению было отнесено медицинское значение, которое представлено в 75% словарных дефиниций: «**Intervention chirurgicale sur le corps de l'homme ou de l'animal**» (Хирургическое вмешательство на теле человека или животного) [Le-dictionnaire: электронный ресурс]. Следующее специальное невоенное значение – это математическое значение, встречается в 66% дефиниций, финансовое значение, встречается в 56% словарных дефинициях: «**Calculs qu'il faut faire pour obtenir un résultat**» (Расчеты, необходимые для получения результата) [Dictionnaire de Littré 2003: 1183]. Наименее репрезентативными компонентами значения являются религиозное значение (встречается в 41% дефиниций), психологическое значение (19% дефиниций), химическое и фармацевтическое значения (9% дефиниций), и типографское значение (6% дефиниций). Приведем пример: «**Structure logique sous-tendant la pensée**» (Логическая структура, лежащая в основе **мышления**) [Larousse. Dictionnaire en 1 volume 1988: 1013].

Далее обратимся к рассмотрению военного значения, всего было определено 4 основных компонента

значения *action/действие, but/цель, caractéristique/характеристика* и *conséquences/последствия*. Наиболее репрезентативным компонентом военного значения является *action/действие* (представлен в 87% дефиниций). Пример: «*Ensemble des **mouvements stratégiques ou tactiques** exécutés par les forces engagées dans une action militaire*» (Набор **стратегических или тактических действий**, осуществляемых силами, участвующими в военных действиях) [Dictionnaire de l'Académie française: электронный ресурс].

Следующий компонент специального военного значения – *but/цель*, представлен в 72% дефиниций. Пример: «*Ensemble des mouvements et actions d'une armée visant à **atteindre un objectif***» (Совокупность движений и действий армии, направленных на **достижение цели**) [Cordial.fr: электронный ресурс].

Наименее репрезентативными компонентами специального военного значения являются *caractéristique/характеристика* (представлена в 37% словарных дефиниций) и *conséquences/последствия* (представлена в 3% дефиниций). Пример: «*En termes militaires ensemble des mouvements exécutés, au cours de combats ou de manœuvres, par des **forces terrestres, navales ou aériennes** dans une région déterminée ou en vue d'atteindre un objectif précis*» (С военной точки зрения, все движения, совершаемые во время боя или маневров **сухопутными, военно-морскими или воздушными силами** в определенном регионе или для достижения определенной цели) [Grand Larousse de la langue française 1972: 3787].

Таким образом во франкоязычных словарях было обнаружено 13 компонентов значения, включающих 197 сем. Они были распределены на неспециальное значение (24,4%), специальное невоенное значение (44,7%) и специальное военное значение (31%). Принимая во внимание тот факт, что архисема в структуре значения производна от остальных конкретных сем, так как является обобщением последних, хотя в структуре «оформившегося» значения она выступает уже как структурно независимый семантический компонент, а остальные семы конкретизируют архисему [Стернин 1985: 48], можем заключить, что архисемой для лексемы «opération» является *action/действие*.

Обратимся к изучению функционирования лексемы «opération» во французской прессе. Для проведения данного исследования вручную составлялся корпус текстов, репрезентирующий понятие «военное событие “Сервал”» в новостных текстах французской газеты Le Figaro. Под лингвистическим корпусом понимается информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме [Национальный корпус русского языка: электронный ресурс]. Источником корпуса послужили

электронная версия газеты Le Figaro. Был проведен отбор материала по датам военного события в период с 11.01.2013 г. по 14.07.2014 г. и по ключевому слову «Сервал». Затем проводился контент-анализ и отбор статей, посвященных операции «Сервал» на территории Мали. Полученный корпус текстов проанализирован в программе Sketch Engine, с помощью инструмента Wordlist определено, что лексема «opération» является наиболее частотной. Далее с помощью программы Sketch Engine сформированы контексты для анализа семантики лексемы в текстах.

При проведении анализа газетных контекстов общим объемом около 70 тысяч слов, определено 4 основных компонента значения, включающих 589 сем, и зафиксировано только специальное значение лексемы «opération». Специальное невоенное значение представлено правовым и дипломатическим значениями, оно зафиксировано в 2,5% контекстах. Среди изученных контекстов в 19,9% операция «Сервал» сравнивалась с операциями, проводимыми в Ливии в Гао, в Кот-д'Ивуаре, а также при упоминании операций в Центральноафриканской республике и т.д. Отметим, что данные контексты не учитывались при проведении анализа. В 97,4% контекстов лексема представлена в военном значении. Рассмотрим подробнее военное значение лексемы «opération». Было определено четыре компонента значения: *action/действие, caractéristique/характеристика, but/цель, conséquences/последствия*. Наиболее частотными компонентами значения являются *caractéristique/характеристика* и *conséquences/последствия*, далее по частотности расположены компоненты значения *action/действие* и *but/цель*.

Компонент значения *caractéristique/характеристика* представлен в 36% контекстов, приведем пример: «*Notre volonté est de faire en sorte que les décisions internationales appuyées par les Nations unies soient mises en place au plus vite*» ont rappelé samedi le chef de l'État et **le ministre de la Défense**. Mais l'**opération** baptisée «Serval», du nom d'un félin du désert, relève uniquement des relations bilatérales franco-maliennes. S'ils parviennent à **juguler l'avancée des islamistes**, Français et Maliens devront envisager sans tarder avec le soutien des pays africains limitrophes **la reconquête du nord du Mali**» [Le Figaro: электронный ресурс]. Наличие военной лексики позволяет отнести данный контекст к военному значению (le ministre de la Défense (министр обороны), juguler l'avancée des islamistes (сдерживать продвижение исламистов), la reconquête du nord du Mali (завоевание северной части Мали). Исходя из данного контекста можно сформулировать следующую контекстуальную дефиницию: операция – военные действия, у которых есть **кодовое название**. К компоненту значения «характеристика» можно отнести следующие семы, которые характеризуют военные действия:

- **продолжительность:** «François Hollande a assuré que l'opération durerait **le temps nécessaire** pour que le terrorisme soit vaincu dans cette partie-là de l'Afrique» [Le Figaro: электронный ресурс].
- **содействие операции:** «Depuis le début de l'opération **les propositions d'aide se multiplient**» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **просьба от обороняющейся страны:** «L'opération menée par la France a été montée à **la demande des autorités maliennes** en attendant la formation d'une force africaine» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **солдаты:** «Certains ont **l'air jeune**. S'ils sont motivés, disent-ils, l'opération Serval sera pour la plupart **d'entre eux la première mission**» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **вооружение:** «La manœuvre conjointe des forces françaises de l'opération Serval et des forces maliennes s'est déroulée avec un appui de **patrouilles d'avions de chasse** français, a précisé le colonel Burkhard» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **президент:** «Avant de retourner à Paris et de surveiller le déroulement des opérations au Mali, **François Hollande s'accorde quelques minutes pour serrer des mains, prendre des nouvelles, donner des encouragements et poser pour des photos**» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **финансы:** «L'UE a ainsi promis 67 millions de dollars (50 M€) et la France apportera une aide militaire logistique de **63 millions de dollars (47 M€)** qui s'ajoutera au financement de l'opération Serval» [Le Figaro: электронный ресурс];
- **общественное мнение:** «S'ils se généralisent, les mauvais traitements infligés aux islamistes armés ou à ceux qui sont censés les avoir soutenus pourraient **jeter une ombre sur l'opération Serval** qui se déroule pour l'instant relativement bien» [Le Figaro: электронный ресурс].

Перейдем к рассмотрению следующего компонента значения *conséquences/последствия*, он представлен в 31% контекстов. Приведем пример: «Le pilote, âgé de 41 ans, pacé et père d'un enfant, avait été **mortellement blessé** aux commandes de son hélicoptère, vendredi, lors de la première phase de l'opération Serval consistant à arrêter l'avancée des groupes jihadistes vers le sud du Mali, en appui des forces armées maliennes» [Le Figaro: электронный ресурс]. Наличие военной лексики позволяет отнести данный контекст к военному значению (le pilote (пилот), être mortellement blessé (быть смертельно раненным), arrêter l'avancée des groupes jihadistes (остановить продвижение джихадистских групп), forces armées maliennes (малийские вооруженные силы)). Исходя из контекста можно сформулировать следующую контекстуальную дефиницию: операция – военные действия, приводящие к **смертельному исходу**. К компоненту значения «последствия» можно отнести следующую сему, которая

описывает последствия военных действий:

- **результат:** «En moins de 48 heures, les soldats français de l'opération Serval en coordination avec les forces maliennes et des unités africaines, ont **repris le contrôle** de la boucle du Niger, de Gao à Tombouctou» [Le Figaro: электронный ресурс].

Рассмотрим следующий компонент *action/действие*. Пример: «Des soldats français et maliens **contrôlaient** ce matin **les accès et l'aéroport de Tombouctou** (Mali) à l'issue d'une opération terrestre et aérienne menée dans la nuit, a annoncé à l'AFP le porte-parole de l'état-major des armées (EMA) à Paris» [Le Figaro: электронный ресурс]. Наличие военной лексики позволяет отнести данный контекст к военному значению (soldats français et maliens (французские и малийские солдаты), opération terrestre et aérienne (наземная и воздушная операция), porte-parole de l'état-major (пресс-секретарь штаба-армии)). Исходя из данного контекста можно сформулировать следующую контекстуальную дефиницию: операция – **военные действия**.

Следующий компонент значения *but/цель* представлен в 11,8% контекстов. Пример: «**Le ministre de la Défense** a rappelé ce mercredi la **détermination «totale» de la France** à mener jusqu'à leur terme les **opérations militaires pour restaurer l'intégrité du Mali**» [Le Figaro: электронный ресурс]. Наличие военной лексики позволяет отнести данный контекст к военному значению (le ministre de la Défense (министр обороны), la détermination «totale» de la France («полная» решимость Франции), opérations militaires (военные операции), restaurer l'intégrité du Mali (восстановление целостности Мали)). Исходя из данного контекста можно сформулировать следующую контекстуальную дефиницию: операция – военные действия, имеющие цель. К компоненту значения «цель» можно отнести следующую сему, которая описывает военное событие:

- **остановить / уничтожить врага:** «2500 hommes équipés de blindés seront bientôt engagés pour **chasser les terroristes** d'un immense territoire» [Le Figaro: электронный ресурс].

В газете Le Figaro при описании операции «Сервал» основной акцент делается на характеристике военных действий, а именно продолжительности действий, количестве солдат, принимающих участие в операции, помощи и содействии операции от других стран, финансирование операции и т.д. На втором месте расположен компонент значения *conséquences/последствия* включающий семы смертельный исход, результат. Компонент значения *action/действие* включает основную сему военные действия. Последний компонент значения – это *but/цель*, который включает семы остановить, уничтожить врага, оказать помощь.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что при проведении анализа этимологических

и исторических словарей было выявлено неспециальное и специальное значения исследуемой лексики «opération». К специальному значению были отнесены религиозное значение, философское значение, термин алхимии, медицинское значение, математическое значение, химическое значение, военное значение, финансовое значение, банковское значение. В ходе анализа современных французских словарей было обнаружено 13 компонентов значения, включающих 197 сем. Они были распределены на неспециальное значение, специальное невоенное значение и специальное военное значение. При изучении функционирования лексики «opération» во французской газете Le Figaro было определено 4 основных компонента значения, включающих 589 сем, и зафиксировано только специальное военное значение лексики. Наиболее частот-

ными компонентами значения являются *caractéristique/характеристика* и *conséquences/последствия*, далее по частотности расположены компоненты значения *action/действие* и *but/цель*. К компоненту значения *caractéristique/характеристика* относятся такие семы как кодовое название, продолжительность, содействие операции, просьба от обороняющейся страны, солдаты, вооружение, президент, финансы, общественное мнение. К компоненту значения *conséquences/последствия* относятся семы смертельный исход, результат, к компоненту *action/действие* относится непосредственно сема военные действия. К компоненту значения *but/цель* можно отнести сему остановить / уничтожить врага, что позволяет продемонстрировать семантическое развитие лексики «opération».

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистический энциклопедический словарь. URL.: <http://tapemark.narod.ru/les/233d.html> (дата обращения 17.04.2022).
2. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения 17.04.2022).
3. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007, 819 с.
4. Попова Д.С., Стернин И.А. Общее языкознание. М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007, 408 с.
5. Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1985, 137 с.
6. Стернин И.А., Рудакова А.В. Психолингвистическое значение слова и его описание. «Ламберт», 2011, 192 с.
7. Стернин И.А., Саломатина М.С. Семантический анализ слова в контексте. Воронеж: «Истоки», 2011, 150 с.
8. Alain R. Le Robert dictionnaire historique de la langue française. Tome 2. Editions Le Robert. 1998.
9. Algirdas J.G. Dictionnaire de l'ancien français. Troisième édition. Larousse. 2001, 630 p.
10. Algirdas J.G., Teresa M.K. Dictionnaire du Moyen français. La Renaissance. Paris: Larousse. 1992, 668 p.
11. Beaujean A. Dictionnaire de la langue française: abrégé du Dictionnaire de Littré. Paris: Librairie générale française. 2003, 1945 p.
12. Bloch O. Dictionnaire étymologique de la langue française. Septième édition. Paris: Presses Universitaires De France. 1986, 686 p.
13. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. URL: <https://www.cnrtl.fr/> (дата обращения 17.04.2022).
14. Cordial.fr. URL: <https://www.cordial.fr/> (дата обращения 17.04.2022).
15. Grand Larousse de la langue française: en 7 volumes. Tome 5. Rev. et corr. ed. Paris: Larousse, 1972, 6729 p.
16. Dictionnaire de l'Académie française. URL: <https://www.dictionnaire-academie.fr/> (дата обращения 17.04.2022).
17. Larousse. Dictionnaire en 1 volume. Rev. et corr. ed. Paris: Larousse. 1988, 1519 p.
18. Le-dictionnaire. URL: <https://www.le-dictionnaire.com/> (дата обращения 17.04.2022).
19. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/12/01003-20130112ARTFIG00387-un-pilote-francais-tue-au-mali-lors-de-l-operation-serval.php> (дата обращения 17.04.2022).
20. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/21/01003-20130121ARTFIG00835-mali-la-france-s-engage-dans-une-guerre-longue.php> (дата обращения 17.04.2022).
21. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/27/01003-20130127ARTFIG00176-mali-nouvel-appui-logistique-des-etats-unis.php> (дата обращения 17.04.2022).
22. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/15/01003-20130115ARTFIG00673-la-france-se-retrouve-seule-dans-la-bataille-malienne.php> (дата обращения 17.04.2022).
23. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/politique/2013/01/19/01002-20130119ARTFIG00445-prise-d-otages-hollande-n-accable-pas-l-algerie.php> (дата обращения 17.04.2022).
24. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/flash-actu/2013/01/28/97001-20130128FILWWW00359-la-coalition-contrôle-les-acces-a-tombouctou.php> (дата обращения 17.04.2022).
25. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/29/01003-20130129ARTFIG00652-mali-les-africains-mobilisent-leurs-fonds.php> (дата обращения 17.04.2022).
26. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/mon-figaro/2013/01/23/10001-20130123ARTFIG00620-paris-s-inquiete-des-exactions-maliennes.php> (дата обращения 17.04.2022).
27. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/flash-actu/2013/01/15/97001-20130115FILWWW00328-mali-hommage-national-au-soldat-tue.php> (дата обращения 17.04.2022).

28. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/02/03/01003-20130203ARTFIG00176-mali-un-succes-legitimement-salue-mais-provisoire.php> (дата обращения 17.04.2022).
29. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/15/01003-20130115ARTFIG00698-mali-la-france-monte-en-puissance-dans-le-conflit.php> (дата обращения 17.04.2022).
30. Le Figaro. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/2013/03/06/01003-20130306ARTFIG00511-un-quatrieme-soldat-francais-tue-au-mali.php> (дата обращения 17.04.2022).
31. Le Figaro. URL: <http://premium.lefigaro.fr/international/2013/01/15/01003-20130115ARTFIG00698-mali-la-france-monte-en-puissance-dans-le-conflit.php> (дата обращения 17.04.2022).
32. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Nouvelle ed. Paris: Le Robert. 2008, 2836 p.

© Химинец Елена Михайловна (ellen.lm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Пермский государственный национальный исследовательский университет

АДЪЕКТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ, ВХОДЯЩИЕ В СОСТАВ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «РАСТЕНИЯ»

ADJECTIVAL METAPHORS INCLUDED IN THE THEMATIC GROUP "PLANTS"

Hu Yangyixin

Summary: The article is devoted to the description of the metaphorical use of adjectives naming properties, signs and characteristics included in the idea of plants. The article attempts to generalize and classify the similarities between plants and other objects on which metaphors are based, and also provides some specific explanations of the metaphor mechanism. The functioning of the adjectives under study is analyzed on the material of contexts from the National Corpus of the Russian language.

Keywords: metaphor, adjectival metaphors, thematic group, plant.

Ху Янисинь

Аспирант, Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэне;
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
huyangyixin@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена описанию метафорического употребления прилагательных, называющих свойства, признаки и характеристики, входящие в представления о растениях. В статье делается попытка обобщить и классифицировать черты сходства между растениями и другими предметами, на которых основаны метафоры, а также даются некоторые конкретные объяснения механизма метафоры. Функционирования исследуемых прилагательных анализируются на материале контекстов из Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: метафор, адъективные метафоры, тематическая группа, растение.

Метафора как универсальное явление в языке долгое время находилась в центре внимания лингвистов. В первую очередь метафора рассматривалась как средство обозначения нового понятия и создания художественной речи. Со второй половины прошлого века по мере разработки антропоцентрической парадигмы метафоры начали изучаться с точки зрения их роли в процессе познания и рассматриваться как способ создания языковой картины мира [5]. Как пишет Н.Д. Арутюнова, «создавая образ и апеллируя к воображению, метафора порождает смысл, воспринимаемый разумом» [1; 6].

Сосредоточившись на разных аспектах изучения, учёные предложили разные подходы к классификации метафор. Например, Н.Д. Арутюнова выделяет четыре функциональных типа метафоры: номинативная; образная; когнитивная; генерализирующая [2; 340]. В зависимости от частеречной принадлежности единиц, на базе которых развиваются метафоры, можно выделить именной, глагольной и адъективных типов метафор (см., напр., работу Матвеева) [3]. В данной статье анализируются адъективные метафоры, входящие в состав тематической группы «РАСТЕНИЯ», включающей:

1. качественные прилагательные, которые в первом значении входят в тематическую группу «РАСТЕНИЯ». Например, *скороспелый плод / скороспелая мысль; вечнозелёное дерево / вечнозелёное царство, сорные травы/сорное потомство* и т. д.;
2. относительные прилагательные, которые называют признак через отношение к представлениям о растениях. Например, *ветвистая дорога, корневое место, терновый венец* и др.

Притяжательные прилагательные по своей сути обозначают принадлежность какого-либо предмета определенному лицу или животному, поэтому нами не рассматриваются. Бывают ситуации, когда прилагательное называет признак предмета в его отношении к растению, и механизм метафоры также связывается со значением конкретной вещи, но после изменений в словообразовании происходит переход от одного разряда прилагательного к другому (т.е. от относительного к качественному). Например, в сочетаниях *плодовитый писатель – плодоносный год* механизм метафоры заключается в том, что плод в данной случае (и во многих других) обозначает 'результаты, следствие', и в связи с этим лексически верно будет сказать «это самый плодовитый писатель в нашей стране».

Выделяя внимание на референты, которые взаимодействуют в процессе метафоризации, М. Блэк полагает, что сущность, которая обозначается в данном процессе, выступает как основной субъект (primary subject) метафоры, а сущность, которая соотносима с обозначаемым уже готового наименования, называется вспомогательным субъектом (secondary, subsidiary subject) (цит. по В.Н. Телия) [4; 33]. Следовательно, в анализируемых метафорах в качестве «вспомогательного субъекта метафор» выступают представления о растениях, а «основные субъекты» могут быть разнообразными: как предметные, так и не предметные сущности; как конкретные предметы, так и абстрактные явления, причём прилагательные могут быть метафорически использованы при описании этих объектов на основе разных аспектов сходств между ними и растениями.

Анализ позволил выявить следующие параметры, по которым объекты окружающего мира сопоставляются с растениями и уподобляются им:

- цвет (*брусничный цвет, банановый цвет, баклажанный цвет* и т.д.).
- внешняя форма, внешний вид (*бобовое лицо, ветвистые русла, кустистые бороды* и т. д.).
- местоположение (*корневая часть волоса / зуба / крыла* и т.д.)
- стадия или состояние в жизненном процессе (*зрелые люди, плодовитый период, чахлая бабушка* и т. д.).
- производимое впечатление (*замшелый консерватор, вечнозелёное царство* и т.д.).

Анализ материалов позволил нам сделать некоторые частные выводы о механизмах метафорического употребления определённых слов. Возьмём сперва некоторые примеры качественных прилагательных: слово *вечнозелёный* может обозначить 'долго существующий' или 'неустаревший, популярный' (Ср. *вечнозелёный конфликт отцов и детей, вечнозелёное царство; вечнозелёный стиль в одежде, вечнозелёный писатель* и т.п.); прилагательное *сорный* при описании растений означает «выросший из случайно попавших семян, дикорастущий в культурных посевах» [6;642]. Анализ метафорического употребления этого слова позволил выделить следующие семы:

1. без присмотра, см.

«Слава Богу, война кончилась, говорят сельянки, нянча сорных солдатских детей». (Владимир Березин. *Свидетель // «Знамя», 1998*) (НКРЯ).

Ты птица сорная, бесполезная, никто тебя задарма голубить не станет (Эдуард Шим. *Как воробей тёплый угол искал (1965-1985)*) (НКРЯ).

2. неправомочный. См.

А. Ахматова Современная поэзия бравировует своим «сорным» происхождением. Культура превратилась в чердак; соседство грязного белья, Данте и пьяного Карлсона никого даже не удивляет (С.М. Шаулов. *Алексей Кривошеев. Ночные птицы // «Волга», 1999*) (НКРЯ).

Надо, чтобы растущий человек постоянно видел свое отражение в этическом зеркале... Сама собой растет только сорная трава — культурные растения требуют ухода» (Л.К. Чуковская. *Памяти Тамары Григорьевны Габбе (1944-1960) // «Знамя», 2001*) (НКРЯ).

3. неупорядоченный.

Непрошибаемая вата из шумов, других разговоров, чужих слов, сорных моих мыслей, новостей, книг, страхов и прочей муры... (Андрей Дмитриев. *Поворот реки (1995)*) (НКРЯ).

При описании человеческих волос также часто встречаются эти слова, интересно отметить, что слова, используемые при описании волос (на голове), часто упо-

требляют первоначально для описания деревьев, а при описании бород или бровей — кустарников или травы (ср. *кудрявые волосы, но кустистые брови*).

Кроме того, прилагательные-фитонимы часто используются при описании человеческих волос. Интересно отметить, что слова, используемые при описании волос (на голове), нередко первоначально употребляются для описания деревьев, а при описании бород или бровей — кустарников или травы (ср. *кудрявые волосы, но кустистые брови*).

Далее рассмотрим некоторые примеры среди относительных прилагательных.

{КОРНЕВОЙ}

*Так вот: вопрос «Кто виноват?» тоже очень важный для нас вопрос, потому что никто не хочет брать на себя ответственность. Гораздо надежнее и привычнее переадресовывать эту ответственность властям, плохой погоде, неурожаю и прочая. А вот второй **корневой** вопрос «Что делать?» для нас не риторический, а сугубо личный, вопрос на выживание (Вацлав Михальский. *Река времен. Ave Maria // Октябрь, 2010*) (НКРЯ).*

*Это была невидимая связь времён: я, родившаяся и выросшая в Москве, приехала в свои **«корневые» места**, чтобы внести и свой скромный вклад в увековечивание памяти людей, живших здесь, погибших здесь* (И.К. Архипова. *Музыка жизни (1996)*) (НКРЯ).

*Ароматы обладают самой мощной **корневой системой памяти*** (Александр Иличевский. *Перс (2009)*) (НКРЯ).

*Оттуда выплыл мой дед, и, спустя много лет, открылись черты нашего с ним **корневого родства**, упущенного, не угаданного, пока жили рядом* (Н.В. Кожевникова. *Сосед по Лаврухе (2003)*) (НКРЯ).

Помимо вышеупомянутого использования, при котором *корневая часть* указывает на местоположение (как правило, на днище), смысловое содержание метафоры что-либо *корневое* ещё можно охарактеризовать следующему: во-первых, это 'то, что является самым основным, важным и фундаментальным', иногда это не видно непосредственно, а скрыто, как под землю идут корни у растений; во-вторых, оно обозначает 'источник возникновения чего-либо', в сочетаниях типа *корневое место, корневая страна* имеется в виду 'родной город, родина'.

А слово *ветвистый*, помимо характеристики того, что похоже на ветвь (например, река, дорога, рога животного и т.п.), также имеет коннотацию 'развиваться из одного основания' (как отношение между ветвями и стволом, например, *ветвистые семьи*). См.

{ВЕТВИСТЫЙ}

Осталась от всей громадной **ветвистой** коммунистической **семьи**, десятков красивых людей одна — девочка Оля (Александр Терехов. *Каменный мост* (1997-2008)) (НКРЯ).

Поначалу я терялся, пытаюсь уследить за их **ветвистыми мыслями**, расползающимся в разных направлениях, и на третьей минуте разговора у меня начинали ныть все зубы: я нервничал и ничего не понимал (Андрей Волос. *Недвижимость* (2000) // «Новый Мир», 2001) (НКРЯ).

Дальше шло собственно интервью, вернее, несколько коротких ее ответов на его **ветвистые**, рассудительные и рассуждающие **вопросы**, и от этого так называемого интервью возникало странное ощущение карусельной лошадки, крутящейся вокруг крепкой оси —

какого-нибудь столба, — потому что столб никуда не девается, с какой бы скоростью лошадка ни крутилась под музыку (Дина Рубина. *На солнечной стороне улицы* (1980-2006)) (НКРЯ).

Таким образом, анализ контекстов употребления исследуемых адъективных метафор даёт возможность выявить и описать сходства, которые служат основанием для метафоры, позволил облегчить изучение метафорического переноса, связанного с растительным миром. Результаты исследования могут быть использованы при чтении соответствующих курсов по лингвистике, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Правительства Шэньчжэня и Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Вступительная статья // Метафора и дискурс / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5–32.
2. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. М.: Наука, 1978. — Т.37. №4. С. 333–343.
3. Матвеева Т.В. Лексическая экспрессивность в языке: учеб. пособие по спецкурсу / Т.В. Матвеева. Свердловск: УрГУ, 1986. — 91 с.
4. Телия В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и её экспрессивно-оценочная функция // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1988б. С. 26–52.
5. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988а. С. 173–203.
6. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. 100 000 слов и словосочетаний. М.: Аделант, 2014. — 800 с.

© Ху Янисинь (huyangyixin@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО КОНЦЕПТА “HOME\HOUSE” В РОМАНЕ ЭНН БРОНТЕ «АГНЕС ГРЕЙ»

REPRESENTATION OF THE LITERARY CONCEPT "HOME\HOUSE" IN ANN BRONTE'S NOVEL "AGNES GRAY"

*M. Tsaturyan
E. Lomakina*

Summary: The article is devoted to the study of the literary concept of «Home\House» in Ann Bronte's novel "Agnes Gray". The theoretical information of the term "literary concept" is studied in this work that allows us to consider it as the dominant of a literary work. All the meanings of the representation of the literary concept "Home\House" are studied, as well as their coincidence in the linguistic picture of the world is established. In addition, individual author's visions of the studied literary concept are revealed.

Keywords: representation of a literary concept, personal author's mentality, people's ethnocultural originality.

Цатурян Марина Мартиросовна

*Д.филол.н., профессор, Кубанский государственный университет (Краснодар)
tsaturyan.mm@mail.ru*

Ломакина Эльвира Алексеевна

*Кубанский государственный университет (Краснодар)
elviralomakina24@gmail.com*

Аннотация: Данная статья посвящена исследованию художественного концепта "Home\House" в романе Энн Бронте «Агнес Грей». В работе изучаются теоретические сведения термина «художественный концепт», которые позволяют нам рассматривать его как доминанту литературного произведения. Исследуются все значения репрезентации художественного концепта "Home\House", а так же устанавливается их совпадение в языковой картине мира. Помимо этого, выявляются индивидуально-авторские видения изучаемого художественного концепта.

Ключевые слова: репрезентация художественного концепта, персонально-авторская ментальность, этнокультурное своеобразие народа.

В настоящее время исследование концептов является одной из точек соприкосновения лингвистической и литературоведческой дисциплины. Для лингвистики концепт представляет собой мыслительный конструкт с ярко выраженной культурной спецификой и, помимо этого, он играет ключевую роль в исследовании языковой картины мира (ЯКМ), которая представляет собой отраженную в языке совокупность представлений об окружающей действительности, определённый способ восприятия, устройства и осмысления мира.

Однако концепт, «попадая» в пространство литературного произведения, становится художественным. Считается, что одним из первых о таких концептах заговорил С.А. Аскольдов. Разделяя концепты на познавательные и художественные, теоретик писал: «Концепты познания – общности, концепты искусства – индивидуальные» [Аскольдов 1997: 120]. По мнению Ю.Д. Тильмана, «художник не просто использует, а по-своему осмысляет выработанные в культуре концепты, он как бы заново переоткрывает содержание концепта: из многообразного спектра идей и историко-культурных напластований авторским предпочтением отмечены не все – на наиболее важные указывает степень разработанности отдельных концептуальных признаков, которые при обживании концепта автор последовательно проводит, используя различные средства лингвокреативной техники» [Тильман 1999: 25]. М.М. Цатурян пишет о том, что у художественных произведений помимо национально-

культурной окраски содержания и формы, так же существуют особенности стиля писателя [Цатурян 2021: 125]. Таким образом, художественный концепт приобретает, помимо прежних смыслов, новое, индивидуальное видение, которое автор закладывает в него, репрезентируя в своем произведении.

Художественные концепты реализуются в тексте при помощи художественного пространства. Именно оно обеспечивает целостное восприятие художественной действительности и составляет композицию произведения. При этом текст следует рассматривать полностью, не вычлняя и не обособляя одни лишь концепты. Е.С. Кубрякова считает, что «художественный текст выступает в качестве и основной единицы коммуникации, и способа хранения и передачи информации, и формы существования культуры, и продукта определённой исторической эпохи, и отражения жизни индивида» [Кубрякова 2004: 149]. По мнению Л.В. Миллер, необходимо принимать во внимание тот факт, что художественный концепт часто не имеет прямых номинантов в тексте, реализуясь через ряд контекстуальных характеристик, раскрывающих его суть [Миллер 2000: 39]. В соответствии с этим, анализ литературного произведения посредством художественных концептов позволяет нам исследовать персонально-авторскую ментальность, и в то же время этнокультурное своеобразие народа.

Исследуемый нами концепт относят к числу самых

долговечных и значимых в сознании и культуре индивида, а так же он считается центральным концептом универсального человеческого бытия. Согласно данным В.А. Масловой, концепт "Home/House" занимает 22 место в списке ключевых концептов у англичан [Маслова 2018: 251]. В английском языке концепт «дом» репрезентируется с помощью двух номинантов: "Home" и "House". Проанализировав дефиниции из словаря [Cambridge Dictionary Online], можно сказать, что в лексему "Home" входят следующие значения: «семья», «семейный очаг», «родина». Они отмечены эмоциональной привязанностью к месту проживания. В лексему "House" входят такие значения, как: «здание», «учреждение», «организация». То есть, отношение к дому как к семейному очагу выражается через номинант "Home", у номинанта "House" — тесная связь со зданием, а не с атмосферой.

В нашем исследовании вопрос касается репрезентации художественного концепта "Home/House" в произведении Энн Бронте «Агнес Грей», с последующим установлением базовых элементов языковой картины мира представителей английской лингвокультуры.

Главная героиня одноименного романа младшей из сестер Бронте перемещается в художественном пространстве нескольких домов, периодически возвращаясь в отчий дом. Повествование начинается с родного дома (Home), где царит любящая атмосфера, домашний уют и трепетная забота друг о друге. Мы узнаем, что в свое время мама Агнес Грей вышла замуж по большой любви, несмотря на всевозможные предрассудки, касающиеся материального положения ее мужа. Рассмотрим пример исследуемого нами концепта в значении «любовь/любимый человек»: "An elegant house and spacious grounds were not to be despised; but she would rather live in a cottage with Richard Grey than in a palace with any other man in the world." [Бронте 2018: 1]. (Красивый дом и обширный парк – соблазн немалый, но она предпочитает жить в убогой хижине с Ричардом Греем, чем во дворце с кем-либо еще.). А так же концепт "Home" репрезентируется автором как «семейный очаг»: "My father knew too well my mother's superior worth not to be sensible that she was a valuable fortune in herself: and if she would but consent to embellish his humble hearth he should be happy to take her on any terms". [Бронте 2018: 1]. (Моего отца пленили душевные достоинства моей матери, он знал, какое сокровище найдет в ней, и был счастлив обрести ее на любых условиях, лишь бы она дала согласие украсить собой его скромный очаг.).

Джейн и ее сестра, Мэри, получили образцовое воспитание, родительскую любовь и участие. Рассмотрим пример репрезентации концепта "Home" как «заботы»: "I, being the younger by five or six years, was always regarded as the child, and the pet of the family: father, mother, and sister, all combined to spoil me — not by foolish indulgence,

to render me fractious and ungovernable, but by ceaseless kindness, to make me too helpless and dependent — too unfit for buffeting with the cares and turmoils of life". [Бронте 2018: 2]. (Я была моложе Мэри на шесть лет и оставалась «деточкой» и любимицей всей семьи – папа, мама, сестра меня избаловали – нет, не глупой снисходительностью, которая сделала бы меня капризной и непослушной, а ласковой заботливостью, приучившей меня к беспомощности и зависимости от них и не подготовившей к жизненным заботам, ударам судьбы и невзгодам).

Из-за финансовых проблем в семье и имея огромное желание увидеть мир и поработать гувернанткой, Агнес устраивается в дом к миссис Блумфилд учить ее детей. Однако дети не поддавались должному обучению, имели дурные манеры, к тому же сама миссис Блумфилд с мужем не отличались благовоспитанностью. Все полгода, что Агнес работала у них, она лелеяла мысль о том, что таким образом она помогает своей семье. Рассмотрим пример репрезентации концепта "Home" в значении «семья»: "I was competent to undertake the charge, and able to acquit myself honourably to the end; and if ever I felt it degrading to submit so quietly, or intolerable to toil so constantly, I would turn towards my home, and say within myself — They may crush, but they shall not subdue me! Tis of thee that I think, not of them." [Бронте 2018: 22]. (Я все еще жаждала показать моим близким, что справлюсь со взятыми на себя обязанностями, и справлюсь с честью. Если же мне станет невыносимо сносить безмолвно унижения и надрываться без минуты отдыха, я погляжу в сторону родного дома и скажу себе: Пусть сокрушат, но дух мой не сломить! Все помыслы мои – тебе, не им.). Поместье Блумфилдов не стало домом (Home) для героини, скорее временным жилищем (House), и все это время ее не покидала мысль о своем родном доме.

Затем главная героиня попадает в Хортон-Лодж. В семье родовитого аристократа, мистера Мэррея, владельца поместья, Агнес не находит того, чего искала. Мэрреи так же, как и Блумфилды, отличались рядом дурных качеств. Более того, ее не считали членом семьи, не уважали и особо не считались с ее мнением, поэтому в этом доме она чувствует себя лишней и не принадлежащей к этому месту: "The servants, seeing in what little estimation the governess was held by both parents and children, regulated their behaviour by the same standard." [Бронте 2018: 33]. (Слуги, видя, как мало уважают гувернантку хозяева дома и их отпрыски, вели себя соответствующим образом.) Однако Агнес готова стерпеть и это, смириться, лишь бы помочь своей семье, своему родному дому. Снова рассмотрим пример репрезентации концепта "Home" в значении «семья»: "... and often, in consequence, was I on the point of losing or resigning my situation. But, for their sakes at home, I smothered my pride and suppressed my indignation..." [Бронте 2018: 47]. (Несколько раз я чувствовала, что вот-вот лишусь места или

сама от него откажусь, но ради моих близких я укрощаю свою гордость, скрывала негодование.). Рассмотрим следующий пример исследуемого нами концепта в значении «семейные традиции»: “I cannot bear the thoughts of a Christmas spent from home: and, moreover, my sister is going to be married.” [Бронте 2018: 73]. (И мне даже подумать трудно, что Рождество я проведу не дома. Главное же – моя сестра выходит замуж.). Как мы видим, Хортон-Лодж тоже не стал домом (Home) для героини, однако там она познакомилась с человеком, который привнес в ее жизнь любовь.

Агнес знакомится с новым младшим священником в местной церкви, Уэстоном, который сразу же очаровывает ее своими манерами и поведением. Мистер Уэстон говорит Агнес о том, что у него больше нет родного дома (Home), а Хортон стал ему просто временной крышей над головой (House), что делает героев похожими: “I had heard before that he had lost his mother not many months before he came. She then was the last and dearest of his early friends; and he had no home.” [Бронте 2018: 93]. (Я уже слышала, что он лишился матери незадолго до того, как приехал сюда. Значит, это она была самым дорогим ему существом, из всех близких ее он потерял последней и теперь у него нет родного дома.). Здесь мы снова видим репрезентацию концепта “Home” в значении «семья».

Вскоре отец Агнес умирает, и она возвращается домой. Чуть оправившись от горя, мать героини продает дом для того, чтобы открыть пансион благородных девиц у моря. Покидая отчий дом навсегда, исследуемый нами концепт трактуется автором как «родина/родное место»: “I will not dilate upon the feelings with which I left the old house... – then doubly dear to me, because my father, who, for thirty years, had taught and prayed within its walls, lay slumbering now beneath its flags... – the house where I was born, the scene of all my early associations, the place where throughout life my earthly affections had been centred; – and left them to return no more!” [Бронте 2018: 165]. (Не стану описывать чувства, с какими я покинула старый дом... теперь вдвойне дорогому моему сердцу, потому что мой отец тридцать лет проповедовал и молился в ее стенах, а теперь спал вечным сном под ее плитами... – дом, где я родилась, места, где прошло мое детство, где с самых ранних лет сосредоточивались все мои привязанности... И вот я покинула их, чтобы больше не возвращаться!).

Там, в пансионе у моря, Агнес вновь встречается с мистером Уэстоном. Дом (Home) для Агнес предстает

местом, где живет ее любимый человек, ее любовь, не смотря на другие тягостные обстоятельства: “Yes, Edward Weston, I could indeed be happy in a house full of enemies, if I had but one friend, who truly, deeply, and faithfully loved me; and if that friend were you — though we might be far apart — seldom to hear from each other, still more seldom to meet — though toil, and trouble, and vexation might surround me, still — it would be too much happiness for me to dream of!” [Бронте 2018: 195]. (Да, Эдвард Уэстон, я поистине могла бы быть счастлива в доме, полном моих врагов, если бы только у меня был один-единственный друг, который искренне, глубоко и верно любил бы меня. И если бы этим другом оказался ты, пусть мы были бы разлучены, пусть редко получали бы друг от друга весточки, а встречались бы еще реже, пусть я не знала бы отдыха от тяжкого труда, забот и невзгод, – все равно это было бы счастьем, о котором я боюсь и мечтать!). Вскоре священник делает ей предложение: ““My house is desolate yet, Miss Grey,” he smilingly observed, ‘and I am acquainted now with all the ladies in my parish, and several in this town too; and many others I know by sight and by report; but not one of them will suit me for a companion; in fact, there is only one person in the world that will: and that is yourself; and I want to know your decision?’” [Бронте 2018: 249]. (– Мой дом по-прежнему пуст и уныл, мисс Грей, – сказал он с улыбкой, – и я теперь знаком со всеми девицами в моем приходе, и у меня есть незамужние знакомые в городе, других же я знаю в лицо или по слухам, однако ни в одной из них нет того, что я ищу в спутнице жизни. По правде говоря, во всем мире лишь одна создана для меня – это вы. И я хотел бы узнать ваше решение.). В этих двух примерах мы видим, что концепт “Home” неразрывно связан с «любовью».

Итак, как мы видим, для главной героини дом предстает в первую очередь местом любви. Авторская картина мира совпадает с языковой картиной мира в значениях: «семья», «семейный очаг», «родина», «дом», «здание». В произведении не прослеживаются следующие значения, которые присуще ЯКМ: «организация» и «учреждение». Помимо этого, у автора появляется индивидуальное позитивное видение концепта “Home/House” как «любви», «заботы» и «семейных традиций». Что касается индивидуальной негативной репрезентации концепта, то здесь можно увидеть репрезентацию дома как «страдания» и «смирения». Таким образом, художественный концепт “Home/House” реализуется в данном произведении в следующих значениях: «любовь», «семья», «семейный очаг», «забота», «родина» и «семейные традиции».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аскольдов, С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / С.А. Аскольдов. – Москва: Academia, 1997. – с. 269. – ISBN 973-5-7627-9873-7.

2. Кубрякова, Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
3. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. Пособие / В.А. Маслова. – Москва: Флинта, 2018. – 296 с. – ISBN 978-5-89349-748-9.
4. Миллер, Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория / Л.В. Миллер. – Санкт-Петербург : Златоуст, 2000. – с. 39-45.
5. Тильман, Ю.Д. Культурные концепты в языковой картине мира: Автореф. дисс. на соиск. уч. степ канд. филол. наук / Ю.Д. Тильман. – Москва: РГГУ, 1999. – с. 25-27.
6. Цатурян М.М., Руденчик А.А. К вопросу об эквивалентности художественного текста (на материале сказок О. Уайльда): сборник трудов по материалам IV Всероссийского конкурса научно-издательских работ «Инновации в науке и практике» / М.М. Цатурян, А.А. Руденчик. – Уфа : НИЦ Вестник Науки, 30 марта 2021. – с. 124-132.
7. Bronte, A. Agnes Grey / A. Bronte. – Oxford: The Shakespeare Head Press, 2018. – 250 p.
8. Cambridge Dictionary Online: Free English Dictionary and Thesaurus. [Электронный ресурс]. URL: <http://dictionary.cambridge.org>

© Цатурян Марина Мартиросовна (tsaturyan.mm@mail.ru), Ломакина Эльвира Алексеевна (elviralomakina24@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кубанский государственный университет

ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЛЕКСИКИ С ОЦЕНОЧНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ

Чжоу Биньбинь

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный
университет
binbinzhou@mail.ru

PROBLEMS OF SYSTEMATIZATION OF VOCABULARY WITH EVALUATIVE MEANING

Zhou Binbin

Summary: The article is devoted to the problem of systematization of vocabulary with evaluative meaning. This article uses descriptive and comparative methods, the method of dictionary definitions. The author comes to the conclusion that the study of linguistic typology, lexico-semantic typology, as well as systemic connections in vocabulary makes it possible to analyze words with evaluative meaning at a higher level. The concept of the article may be of interest to foreign specialists dealing with the problems of systematization of evaluative vocabulary.

Keywords: lexical typology, lexico-semantic typology, evaluative vocabulary, adjective, paradigmatic, syntagmatic and derivational relations, lexico-semantic group, lexico-semantic field.

Аннотация: Статья посвящена проблеме систематизации лексики с оценочным значением. В данной статье используются описательный и сравнительный методы, метод словарных дефиниций. Автор приходит к выводу, что изучение лингвистической типологии, лексико-семантической типологии, а также системных связей в лексике дает возможность анализировать слова с оценочным значением на более высоком уровне. Концепция статьи может быть интересна зарубежным специалистам, занимающимся проблемами систематизации оценочной лексики.

Ключевые слова: лексическая типология, лексико-семантическая типология, оценочная лексика, имя прилагательное, отношения парадигматические, синтагматические и деривационные, лексико-семантическая группа, лексико-семантическое поле.

Лексическая, или лексико-семантическая, типология является разделом лингвистической типологии, в котором изучается разнообразие семантики лексических единиц, устройство семантических полей, семантические переходы и др. В качестве самостоятельной области исследования она возникла в 50-х гг. XX в. Большую роль в создании и разработке данного направления сыграли работы российских исследователей А.В. Исаченко, Н.И. Толстой, А.Е. Супрун, Р.М. Цейтлини др.

Лексическая типология относится к частной типологии, которая изучает «проблемы более ограниченного характера», например, занимается «исследованием типологических характеристик одного языка или ограниченной группы языков». В рамках частной типологии «можно представить себе в качестве объекта типологического исследования систему личных местоимений, система суффиксальных морфем, образующих имена деятеля и т. д.» [1, с. 9].

Таким образом, лексико-семантическая типология оценочных значений в русском языке относится к частным типологическим исследованиям, рассматривающим на лексическом уровне формирование и развитие лексем, предназначенных для выражения оценки.

Лексико-семантическая система языка включает «множество элементов, находящихся в закономерных отношениях и образующих целостность» [17, с. 26].

Лексические единицы, представляющие собой элементы системы языка, связаны отношениями тождества (дом – домик; мать – мама; синонимичный – синонимический), сходства (удобный – уютный; веселый – радостный), противоположности (хороший – плохой; добрый – злой), включения (эмоциональный – грустный) и др. Каждая единица включается в определенные поля, которые представляют множество, единицы которых взаимосвязаны между собой и взаимодействуют с единицами других полей. Например, слово «хороший» входит не только в ЛСП «положительная оценка», но также в ЛСП «общеоценочная оценка»; слово «трусливый» одновременно входит в ЛСП «отрицательная оценка» и ЛСП «психологическая оценка».

В категорию оценочная лексика входят слова, в значении которых присутствует «оценка, положительная или отрицательная, характеристика предмета, признака или действия» [10, с. 6]. Л.М. Майданова считает, что оценочная лексика — это слова, имеющие «оценочное содержание, которое включается в лексическое значение слова по-разному» [16, с. 56].

Выразить оценочные значения можно с помощью различных лексических единиц: прилагательных, глаголов, существительных, наречий и т.д. Но чаще всего, в этой функции используются имена прилагательные как выразители признаков значений. «Прилагательные имеют ряд специфических характеристик, которые отра

жают их семантику и влияют на основной смысл оценки. Еще одна особенность использования и значения прилагательных заключается в том, что прилагательные сочетают в себе как прагматические, так и семантические аспекты языка. Это в свою очередь отражается в использовании и значении таких лексических единиц» [8, с. 24].

А. Вежбицкая отмечает, что «прилагательное обычно обозначает в той или иной степени единичный признак, в отличие от существительного, которое обычно многофакторно и вызывает в сознании целый комплекс различных характеристик. Тем самым, прилагательному значительно проще быть носителем оценочного значения, причём зачастую исключительно оценочного значения, без примесей каких-либо других семантических компонентов» [7]. Например, красивая картина — о красоте картины, честный человек — о нравственности человека. Аналогичных позиций придерживается и Г.И. Кустова, которая считает, что «в сфере лексики оценочные значения наиболее широко представлены у прилагательных (и, разумеется, у наречий...)» [14, с. 247].

Таким образом, имена прилагательные и образованные от них наречия составляют ядро лексики с оценочными значениями. По мнению А.Р. Минемуллиной, «лексико-семантический разряд качественных прилагательных является основным инструментом для выражения мнения о предмете, лице, их оценки» [18]. В нашей работе мы сосредоточим внимание на изучении качественных прилагательных, которые в русском языке служат для выражения оценочных значений. Эти прилагательные занимают довольно большую часть лексического состава русского языка. Например, Обратный словарь Зализняка насчитывает около 99430 слов, из них около 20600 – имена прилагательные. Таким образом, прилагательные составляют 21% словарного запаса русского языка.

Качественные прилагательные являются частью лексического состава языка. Следовательно, в них находит проявление все то, что свойственно лексике. И.П. Слесарева отмечает, что «лексика является системой, то есть такой организацией, единицы которой взаимообусловлены и взаимозависимы в содержательном плане» [23, с. 13]. В то же время существует два основных типа системных связей в лексике — парадигматические отношения и синтагматические отношения.

Парадигматические связи слов представляются собой системные отношения в группах слов, которые объединяются общностью признаков. К парадигматике относятся «группировки слов в системе языка, основой которых выступает оппозиция — синонимия, антонимия, гипонимия, паронимия, гнездо слов, семья слов, лексико-семантическая группа, а также наиболее общая

группировка слов — поле» [15, с. 438].

Под синонимией понимается «полная или частичная эквивалентность значений, выражаемая разными знаками (лексемами)»; антонимы представляют собой слова (лексико-семантические варианты) «с различными знаками (лексемами) и противоположными значениями (семемами)» [19, с. 228, 247]. В рамках лексикологии синонимия и антонимия играют важную роль в изучении парадигматических отношений, которые в составе лексико-семантических групп являются ярким примером системности.

В то же время работа по изучению лексико-семантических групп тесно связана с изучением синонимов и антонимов. Вся оценочная лексика пронизана не только синонимичными, но и антонимичными связями. Например, противоположным по отношению к лексико-семантическому полю «красивый» является лексико-семантическое поле, в которое входят единицы: безобразный, некрасивый, уродливый и др. Таким образом, изучение синонимии и антонимии дает возможность систематизировать оценочную лексику, квалифицируя ее по значению.

Синтагматические отношения – это «системные связи, проявляющиеся в закономерностях сочетания слов друг с другом»; они «выявляются при соединении слов, т.е. в определенных лексических сочетаниях» [10, с. 32]. К синтагматике относят «группировки слов по их расположению в речи относительно друг друга (сочетаемость, аранжировка)» [15, с. 439].

Прилагательные с оценочным значением как типичная признаковая лексика имеют свою особенность в синтагматическом отношении. Например, по мнению Л.М. Майдановой качественные прилагательные «сочетаются с наречиями меры, степени, что связано с их значением меняющегося по степени проявления признака: очень сильный, весьма остроумный» [16, с. 169].

Еще одно проявление системности лексики связано с деривационными (словообразовательными) отношениями. По мнению Е.И. Зиновьевой деривационные (словообразовательные) отношения — это «отношения смысловой мотивации одних слов другим: лес-лесник, вода-водичка» [10, с. 32-33]. Д. Н. Шмелев считает, что деривационные связи слов — это «третье измерение семантики слова. Семантическая структура каждого отдельного многозначного слова может рассматриваться как отражение этого вида отношений, которые могут быть названы деривационными (в широком смысле слова)» [25, с. 191]. К ним можно отнести прилагательные, образованные с помощью суффикса -еньк, выражающего уменьшительное значение: добрый — добренький, рябой — рябенький, теплый — тепленький. Для выражения

отрицательного оценочного значения в русском языке широко используются приставки (не-, а-, без-/бес-). Например, некрасивый, асимметричный, бессмысленный, безвольный и др.

Итак, парадигматические, синтагматические и дери-вационные связи являются инструментом для изучения лексики с оценочным значением, потому что семантика слова определяется совокупностью этих связей. На их основе формируются лексико-семантические поля.

Признаковые лексемы с оценочным значением образуют лексико-семантическое поле (ЛСП), которое определяется как «способ существования и группировки лингвистических элементов, обладающих общими свойствами» [26, с. 135]. Н.В. Артемова дает следующее определение ЛСП: «ЛСП — упорядоченное множество языковых единиц одной части речи с общим значением, которые отражают понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений и группируются вокруг ядерной семемы» [2, с. 34]. З.Д. Попова и И.А. Стернин определяют ЛСП как «совокупность большого числа слов одной или нескольких частей речи и объединяемых общим понятием (семой)» [22, с. 95].

Наряду с термином «лексико-семантическое поле» в лингвистике употребляется еще один термин – «семантическое поле» (СП). Л.А. Новиков под семантическим полем понимает «иерархическую структуру множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [20, с. 36]. В современном языкознании семантическое поле (СП) понимается также как «совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [12, с. 99].

Е.И. Диброва считает, что «семантическое поле является иерархической организацией слов, объединённой одним родовым значением и представляющая в языке определённую семантическую сферу» [4, с. 34]. По мнению С.В. Кезиной, «семантическое поле – это совокупность слов, имеющих хотя бы одну общую сему и находящихся по отношению друг к другу в разнообразных связях» [11, с. 85].

Некоторые исследователи считают, что семантическое поле является более широким понятием, чем лексико-семантическое поле. Например, Л.М. Васильев полагает, что лексико-семантическое поле является «разновидностью семантического поля, так как более узко обозначает лексическое пространство» [5, с. 107]. По мнению Е.И. Зиновьевой, понятие семантического поля гораздо шире, и такие поля должны анализироваться с привлечением данных различных научных дисциплин, в то время как

лексико-семантическое поле объединяет вербальный ряд единиц – слова и словосочетания, объединенные на основе общности выражаемого ими значения [10, с. 35].

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в лингвистике нет единого мнения о равнозначности понятий «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле». Некоторые считают, СП и ЛСП в настоящее время употребляются как синонимы. Другие полагают, что СП шире, чем ЛСП. Так как разница между этими понятиями не выявлена однозначным образом, в данной работе мы будем придерживаться того мнения, что термины «семантическое поле» и «лексико-семантическое поле» являются синонимичными понятиями. Они представляют собой совокупность слов одной или нескольких частей речи, имеющих общие семы.

ЛСП оценки включает в себя большое количество языковых единиц, выражающих оценочное значение, которые можно сгруппировать по определенным признакам: ЛСП положительной оценки (хороший, радость, красиво, уважать) и ЛСП отрицательной оценки (плохой, грязно, пренебрегать, хляк); ЛСП этической оценки (злой, пренебрегать, жадно, справедливость), ЛСП эстетической оценки (прекрасный, безобразно, красота, загрязнить), ЛСП интеллектуальной оценки (интерес, глупо, генеральный) и т.д.

С понятием системности в лексике и с понятием лексико-семантического поля тесно связано деление на лексико-семантические группы. Лексико-семантическая группа (ЛСГ) входит в состав лексико-семантической системы в качестве объединения слов одной части речи. Как отмечает Васильев, «это любой семантический класс слов (лексем), объединенных хотя бы одной общей лексической парадигматической семой (или хотя бы одним семантическим множителем)» [6, с. 109].

В.И. Кодухов определяет ЛСГ как группу слов, объединенных «по их лексическим значениям с точки зрения однородности, однопорядковости или просто близости их значений» [13, с. 178]. По мнению И.П. Слесаревой, ЛСГ обычно называют «группу слов, достаточно тесно связанных между собой по смыслу» [23, с. 139].

С точки зрения Ф.П. Филина, ЛСГ – это «совокупность слов, имеющих близкие (в том числе противопоставленные – антонимы) и идентичные значения с разными оттенками, дифференциальными признаками (синонимы)» [24, с. 225]. П.Н. Денисов определял ЛСГ как «парадигматические объединения слов, которые принадлежат к одной части речи и обладают однородными и, по крайней мере, сопоставимыми значениями» [3, с. 136]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЛСГ объединяет слова, которые не только имеют близкое лексическое значение, но также принадлежат к одной части речи.

Лексико-семантическая группа представляет собой один из видов лексической группировки парадигматического типа. Ее единицами являются «лексемы, которые принадлежат к одной части речи и объединены общей категориальной семой в значении» [22, с. 9]. Например, в ЛСГ прилагательных отрицательной оценки входят слова безобразный, неодобрительный, презрительный, алчный, безвольный, глупый и т. д.

Таким образом, СП и ЛСГ как «лексические микросистемы имеют много общего: они объединяют элементы на лингвистической основе по парадигме, признаку; их члены находятся во взаимодействии и т. п. Различия между ними базируются на родовидовых отношениях» [21, с. 13]. То есть семантическое поле – более широкое объединение, чем лексико-семантическая группа.

Так, под лексико-семантическим полем Л.М. Васильев понимает «объединение лексических единиц, состоящее из ряда лексико-семантических групп» [6, с. 106]. Схожего мнения придерживается В.Н. Ярцева, которая считает, что «участки лексико-семантических полей — это ЛСГ, т.е. лексико-семантическое поле родовое понятие по отношению к ЛСГ» [15, с. 127]. Проще говоря, лексико-семантическая группа представляет собой часть лексико-семантического поля.

Таким образом, можно прийти к выводу, что изучение лингвистической типологии, лексико-семантической типологии, а также системных связей в лексике дает возможность анализировать слова с оценочным значением на более высоком уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков: Учеб. пособие. 3-е изд. М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
2. Артемова Н.В. Полевая организация глагольной лексики в современном русском языке. М.: «Прометей» МПГУ, 2003. 160 с.
3. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания. М., 1993. С. 136
4. Диброва Е.И. Современный русский язык: Теория и анализ языковых единиц: в 3-х ч. Ростов н/Д: Слово, 1997. Ч. 1. 313 с.
5. Васильев, Л.М. Современная лингвистическая семантика: учеб. пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1990. 176 с.
6. Васильев Л.М. Теория семантических полей // Вопросы языкознания. М., 1971. №5. 113 с.
7. Вежицкая А. Что значит имя существительное? // Семантические универсалии и базисные концепты. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 171-215.
8. Волженцева В.А. Категория оценочности в регионально-ориентированных текстах в сфере туризма. URL: <https://nauchkor.ru/uploads/documents/5f355633cd3d3e0001b8a6d2.pdf>, (дата обращения 02.01.2022)
9. Зиновьев А.Е. Оценочная лексика в речи радиоведущего. URL: <https://topuch.ru/ocenochnaya-leksika-v-rechi-radiovedushhego-na-primere-odnoj-iz/index.html> (дата обращения 16.01.2022)
10. Зиновьева Е.И. Основные проблемы описания лексики в аспекте русского языка как иностранного. 2-е изд., дополн. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2005. 88с.
11. Кезина, С.В. Семантическое поле как система // Филологические науки. №4. 2004. С. 79-86.
12. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика [Учебное пособие]. М.: УРСС Эдиториал, 2000. С. 352.
13. Кодухов, В.И. Введение в языкознание: Учеб. для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1987. 288 с.
14. Кустова Г.И. Оценка как универсальная категория и типы оценочных значений прилагательных // Материалы конференции «Проблемы лексико-семантической типологии (ВГУ, 8-9 октября 2010 г.)», Воронеж, 2011. С. 246-253.
15. Лингвистический энциклопедический словарь. // Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
16. Майданова Л.М. Практикум по современному русскому языку: (для студентов журналистов): учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2007. 528 с.
17. Майоренко И.А. Понятие системы и системного подхода к изучению лексического состава языка // Евразийский Союз Ученых. М., 2015. № 4-13 (13). С. 26-27.
18. Минемуллина А.Р. Оценочные прилагательные в языке современных средств массовой информации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Киров, 2015. 264 с.
19. Новиков Л.А. Семантика русского языка. М.: Высш. шк., 1982. 272 с.
20. Новиков А.И. Семантика текста и ее формализация. М.: Наука, 1983. 216 с.
21. Патра Хутапает Лексико-семантическое поле «туризм» в русском языке (на фоне тайского языка): функционально-семантический аспект: дис. ... маг. фил. н. СПб., 2016. С. 13
22. Попова З.Д. Лексическая система языка / З.Д. Попова, И.А. Стернин. М.: Либроком, 2018. 176 с.
23. Слесарева И.П. Проблемы описания и преподавания русской лексики. М.: Либроком, 2010. 176 с.
24. Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982. С. 225.
25. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.
26. Щур Г.С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 255 с.

© Чжоу Биньбинь (binbinzhou@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ПРОТОТИП СОЗДАНИЯ ИНТЕРНЕТ-ИГРЫ В АНТИФРАЗЫ

Чэнь Ясин

к.филол.н., преподаватель, Шанхайский
политико-юридический университет, г. Шанхай
tchen.yasin@yandex.ru

PRECEDENT UNITS AS A PROTOTYPE OF CREATING THE INTERNET GAME IN ANTIPHRASES

Chen Yaxing

Summary: This article examines the role of precedent units in the creation of riddles-antiphrases based on the linguocognitive principle of contrast. The relevance of the study is motivated by the growing interest of linguists in the peculiarities of the use of precedent units and their transformations in the Internet space. As a result of the analysis, the frequency types of precedent units that served as prototypes for transformations were identified; the most significant cultural archetypes and constants for the linguistic consciousness of modern Russian speakers are determined.

Keywords: antiphrase, precedent unit, contrast, prototype, frequency.

Аннотация: В данной статье исследуется функционирование прецедентных единиц в интернет-игре в антифразы, основанной на лингвокогнитивном принципе контраста. Актуальность исследования мотивируется возрастающим интересом лингвистов к особенностям использования прецедентных единиц и их трансформ в пространстве Рунета. В результате анализа выявлены частотные типы прецедентных единиц, послуживших прототипами загадок-антифраз; определены наиболее значимые для языкового сознания современных русскоговорящих культурные архетипы и константы.

Ключевые слова: антифраза, прецедентная единица, контраст, прототип, частотность.

В последние годы явление «языковая игра» приобретает более широкий диапазон исследования, она представляет собой стабильный объект научных изысканий лингвокультурологии, этнолингвистики, фольклористики и др. гуманитарных наук. Истоки теории языковой игры в современной лингвистике восходят к идеям австрийского философа Л. Витгенштейна, по его мнению, языковая игра – это «весь процесс употребления слов в языке» [2, URL]; исследуя эстетические функции языковой игры, ученые Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Н.И. Розанова сходятся во мнении, что языковая игра представляет собой важный способ вызывать у игроков эстетическое удовлетворение путем намеренным нарушением литературной нормы; изучая проблему языкового творчества, Т.А. Гридина обращает внимание на эстетико-прагматический потенциал языковой игры, в основе которой лежит «стремление достичь эстетической оценки путем творческого использования языковых единиц» [3, URL]; всестороннее описание языковой игры представлено в монографии В.З. Санникова «Русский язык в зеркале языковой игры».

В последние десятилетия в лингвистической науке значительное внимание исследователей уделено функционированию языковой игры в разных дискурсах: в художественном тексте ([Раскопова, 2003]; [Игнатъева, 2012] и др.), в тексте СМИ ([Чемезова, 2008]; [Качалова, 2010] и др.), в рекламном дискурсе ([Лазовская, 2007]; [Попова, 2014] и др.). Благодаря появлению нового коммуникативного пространства лингвистические игры, основанные на языковой игре, приобрели новые формы и

иные масштабы, однако есть лишь единичные исследования их особенностей в интернет-дискурсе.

Одной из самых распространённых лингвистических игр в пространстве Рунета являются интернет-загадки в антифразы, правила данной игры состоят в том, что «одни участники игры заменяют все компоненты прецедентных единиц на контрастные по смыслу слова, а другие участники отгадывают исходные фразы или тексты» [1, с. 141]: *Ненависть не банан не поймаешь в дверь (Любовь не картошка не выбросишь в окошко); Нашедшие-отдайте, потерявшие-расслабьтесь (Ищущие-обретите, нашедшие-оберегайте); Умереть бессовестно помогает наличие сумы (Жить по совести мешает отсутствие средств); Большие твёрдые двери (Microsoft windows) и др.*

Известно, что любая загадка состоит из двух частей: вопроса-загадки (описательная часть) и ответа-разгадки. Для современных исследователей важным является не только поэтический потенциал загадки, но и «связь загадочного предмета, явлений или действий с тем, как они представлены в тексте загадки» [5, с. 106]. Нужно отметить, что текстообразующим принципом при создании загадок-перевертышей является контраст, который реализуется посредством антонимической, гипонимической связи слов и оппозиций культурно-ассоциативного типа: 1) антонимическая связь: *Мужской смех **дорог** (женские слезы **дешевы**) Правителя можно попросить отдать **больше**, чем отдано олигархам (Народ нельзя заставить хотеть **меньше**, чем ему обещано);* 2) гипо-

нимическая связь: *Кидайте бананы тазиками (Грузите апельсины бочками); Дай-ка себе галстук постираю (Может вам шнурки погладить); 3) оппозиции ассоциативного характера: Рассыпать пирамидон по телу (Пролить бальзам на душу); Не жалок крестьянин (Не велик барин) и др.*

Как упомянуто выше, в качестве игрового материала выступают прецедентные единицы, которые представляют собой национально маркированные эталоны, признанные всеми членами русско-лингвокультурного сообщества. В нашей картотеке антифраз имеется 3094 загадки-перевертыши, количественное соотношение их прецедентных прототипов отражается следующим образом: (см. табл. 1).

На основе количественного анализа прецедентных единиц, выступающих в качестве прототипов антифраз,

выявлена их полевая структура (см. табл. 2).

Как видим, в ядро поля источников прецедентных единиц, выступающих в качестве прототипов антифраз, входят названия кинофильмов и реплики персонажей из них, названия музыкальных произведений и тексты из них, которые при создании загадок-перевертышей являются наиболее частотными (736 и 726 примеров соответственно). Такая высокая частотность антифраз на основе прецедентных единиц, восходящих к кино и песням, объясняется тем, что «информационная революция внесла глубокие изменения, которые коснулись всех сторон жизнедеятельности общества, строчки из популярных песен, из любимых кино- и мультфильмов, цитаты из юмористических миниатюр, фразы из выступлений современных политических лидеров, многократно тиражируемые периодикой, радио, телевидением, становятся достоянием того, для кого чтение не стало потребностью» [4, с. 4].

Таблица 1.

Частотность источников ПЕ, использованных в антифразах

Наименование источников ПЕ	Количество ПЕ (процентное соотношение)	Наименование групп ПЕ	Количество ПЕ (процентное соотношение)
Названия кинофильмов	582 (18.8 %)	Кинофильмы	736 (23.7 %)
Реплики персонажей кинофильмов	154 (4.9 %)		
Названия песен	366 (11.8 %)	Песни	726 (23.2 %)
Фрагменты текстов песен	354 (11.4 %)		
Названия стихотворений и ключевые строки из них	275 (8.8 %)	Лирические художественные произведения	517 (16.7 %)
Названия романов и цитаты из них	95 (3.0 %)		
Названия авторских сказок	68 (2.1 %)		
Названия повестей	29 (0.8 %)		
Названия рассказов	22 (0.6 %)		
Названия басен	5 (0.16 %)		
Названия драматических произведений (комедий, трагедий)	18 (0.53 %)	Драматические художественные произведения	
Пословицы	307 (9.9 %)	Паремиологические единицы	367 (11.8 %)
Поговорки	60 (1.9 %)		
Фразеологизмы	346 (11.7 %)		
Крылатые выражения (изречения, афоризмы, цитаты)	218 (6.8 %)		218 (6.8 %)
Названия телесериалов, телепередач	66 (2.1 %)		66 (2.1 %)
Загадки	5 (0.16 %)	Единицы других жанров устного народного творчества	10 (0.31 %)
Скороговорки	2 (0,06 %)		
Анекдоты	2 (0.06 %)		
Считалки	1 (0,03 %)		
Названия произведений живописи	4 (0.12 %)		4 (0.12 %)
Названия игр	2 (0.06 %)		2 (0.06 %)
Прочие	102 (3.2 %)		102 (3.2 %)

Таблица 2.

Полевая структура ПЕ, использованных в игре в антифразы

Структура поля	Количество ПЕ	Типы источников ПЕ
Ядро	700 и более	Названия кинофильмов и реплики персонажей из них, названия музыкальных произведений и тексты из них
Центр	100-700	Названия литературных произведений и цитаты из них, поговорки и пословицы, фразеологизмы, крылатые выражения
Периферия	1-100	Названия телесериалов, телепередач, загадки, названия произведений живописи, анекдоты, названия игр, скороговорки и др.

Интересно отметить, что в антифразах в качестве прототипов широко используются названия фильмов времен Советского Союза: *Незабвенные ноты для фортепьяно (Забывтая мелодия для флейты)*; *Роман Васи Жеребцова, который ненавидел, да женился (История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж)*; *Чепчик французской республики, или Впервые пойманные (Корона российской империи, или Снова неуловимые)*. Встречаются также названия зарубежных кинофильмов или телесериалов, которые пользуются мировой известностью:

- американские: *Прыгающий по коридору (Бегающий в лабиринте)*; *Короткая пощечина под утро (Долгий поцелуй на ночь)*;
- французские: *Белый ландыш (Черный тюльпан)*; *Низкий шатен в желтых тапках (Высокий блондин в черном ботинке)*;
- немецкие: *В валенках по шпалам (Босиком по мостовой)*; *Прославленные герои (Бесславные ублюдки)* и др.

Кроме того, сайты загадок-антифраз нередко пестрят названиями музыкальных произведений и текстами из них (726 примеров), которые используются в качестве прецедентных прототипов для антифраз: *Кто-то их в загсе регистрировал (Никто нас в церкви не венчал)*; *Последняя девушка в городе (Первый парень на деревне)*; *Приходя, все забирайте из будущего (Уходя, ничего не берите из прошлого)* и др.

Нужно отметить, что среди многочисленных трансформаций прецедентных песен особое место занимает песня, появившаяся задолго до фильма, но включенная в него, которая «впоследствии может осознаваться как его неотъемлемая часть и ассоциироваться с соответствующей сценой из него, приобретая нового автора в лице создателей картины» [4, с. 209]: *Тебе неприятно, что я здоров тобой (Мне нравится, что вы больны не мной)*; *Легенда о ненависти (Баллада о любви)*; *Все на Луне оставляет след (Ничто на Земле не проходит бесследно)* и др.

Центр поля составляют прецедентные единицы, источником которых послужили названия литературных произведений разных жанров и цитаты из них, паремологические единицы, фразеологизмы и др. Причина выбора известных изречений для создания антифраз

связана с тем, что потребность загадывания загадки в идиоме исходит из ее метафорической сущности и ее неподчинения представляемым к речи требованиям ясности и логичности: «Идиомы, как и загадки, служат для испытания сообразительности у носителя языка, для усиления эффекта в речи и, в целом, для развития поэтического взгляда на мир в данной лингвокультуре» [6, с. 82]: *С кем горе покинет, с тем и курица бесплодна (У кого счастье поведется, у того и петух несется)*; *Было бы горе, да счастье помешало (Не было бы счастья, да несчастье помогло)*; *Мало будешь думать, медленно помолдеешь (Много будешь знать, скоро состаришься)* и др.

Еще одним популярным и продуктивным способом создания экспрессии в интернет-коммуникации является трансформация таких прецедентных единиц, как фразеологизмы: *Земля с крольчатинной скрылась (Небо с овчинку показалось)*; *Взвешивать одного в равновесах (Мерить всех на один аршин)*; *Обжираться пирожными с колой (Перебиваться с хлеба на квас)*; *Установить реверс шестерне географии (Повернуть вспять колесо истории)* и др.

Кроме того, одним из популярных источников трансформации прецедентных единиц в интернет-коммуникации являются названия литературных произведений и цитаты из них. Как отмечает профессор Л.П. Дядечко, начало «формирует архитектуру вербального произведения, направляя ход мысли и, соответственно, само повествование. Оно должно быть точно рассчитано на потенциального получателя, способно поддерживать его интерес, вызванный названием» [3, с. 193]. В процессе повторения из поколения в поколение этих произведений они постепенно приобретали прецедентный статус среди русскоговорящих: *Ссылка из Парижа в Куршевель (Путешествие из Петербурга в Москву)*; *Очерк об искусственной обезьяне (Повесть о настоящем человеке)*; *Умиляли парень с девушкой у самой желтой пустыни (Жили-были старик со старухой у самого синего моря)*.

По нашим наблюдениям, при создании загадок-перевертышей очень часто используются поэтические строчки русских поэтов А.А. Ахматовой, А.А. Блока, А.К. Толстого, А.Т. Твардовского, Г.Р. Державина, И.А. Крылова, М.В. Исаковского, М. Горького, М.Ю. Лермонтова,

О.Н. Островского, Ф.И. Тютчева и др. Чаще других в качестве прототипов антифраз цитируются следующие русские поэты:

- А.С. Пушкин: *На горе грязной золотится дождь прямой и пестрый (В поле чистом серебрится снег волнистый и рябой); Ходит ли он по переулкам тихим (Брожу ли я вдоль улиц шумных); Деву, сладко смеясь, доверчивый хлопец хвалил (Юношу, горько рыдая, ревнивая дева бранила);*
- Н.А. Некрасов: *Кому в Германии помирать плохо? (Кому на Руси жить хорошо?); Ранняя весна. Вороны прилетели (Поздняя осень. Грачи улетели); Бабища с когтище (Мужичок с ноготок);*
- С.А. Есенин: *Дуб ваш пышный, дуб горячий (Клен ты мой опавший, клен заледенелый); Красная юбка. Оранжевые губы (Голубая кофта. Синие глаза); Она была дочерью знатного господина, и песня о ней очень длинная (Он был сыном простого рабочего, и повесть о нем очень короткая) и др.*

Продуктивным источником прецедентных текстов являются также крылатые выражения: *Недоверие не конец, а начало определенной глупости (Вера не начало, а конец всякой мудрости (Иоганн Вольфганг фон Гёте)); Любовь убивает рабство (Несчастье порождает равенство (Оноре де Бальзак)); Горе – это раздражение окружающими (Счастье – это довольство собою (Аристотель)) и др.*

На периферии поля прототипов антифраз находятся следующие ПЕ:

1. названия телесериалов и передач: *Военный развод (Гражданский брак); Ненависть после последнего вздоха (Любовь с первого взгляда);*
2. загадки: *Бледный юноша стоит в светлице, а рука в кармане (Красная девица сидит в темнице, а коса на улице); По равнинам, по вершинам бегают плащ да сарафан (По горам, по долам ходят шуба да кафтан);*
3. названия картин: *Старик с огурцом (Девочка с персиками); Первая ночь Венеции (Последний день Помпеи) и др.*

Следует отметить, что прецедентные единицы, выступающие в качестве прототипов для создания загадок-перевертышей, различаются также своей структурой и объемом. Они могут представлять собой:

1. слово: *Штиль (Гроза); Смерть (Воскресение); Повар (Стряпуха);*
2. словосочетание: *Пластмассовая гусеница (Стальная бабочка); Искусственный брюнет (Натуральный блондин); Повесть об офицере (Баллада о солдате);*
3. предложение: *Ты подаришь мне шалаш (Я куплю тебе дом); Теплового тяжело тебя привозит (Самолет легко меня уносит); Безрассудство отупляет, а разум открывает глаза (Благоразумие просвещает, а страсть ослепляет);*
4. сложное синтаксическое целое и даже текст. Интересно отметить, что имеются примеры перефразирования целых (главным образом, поэтических) текстов или больших фрагментов, как, например, «Письмо Евгения Онегина к Татьяне»:

Антитекст:

*Да, редко слышать меня,
Нигде не появляться предо мной,
Слезы глаз, неподвижность уст
Не замечать равнодушными губами,
Не слышать меня никогда, не чувствовать
Телом одно мое безобразие,
Вдали от меня на радостях оживать
Краснеть и загораться... невозможно!*

Итак, в кругу лингвистических интернет-игр, основанных на трансформации прецедентных единиц, наибольшим лингвокультурным потенциалом обладает игра в загадки-перевертыши, основанная на контрастной замене всех слов знаменательных частей речи. В качестве игрового материала для создания антифраз выступают разнообразные прецедентные единицы, в которых зафиксированы сведения о народной культуре и менталитете, а высокий процент прецедентных прототипов антифраз свидетельствует об их прецедентности и актуальности среди русскоговорящих, имеющих общее лингвокультурное сознание.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочина Т.Г. Семантическое пространство интернет-игры в антифразы / Т.Г. Бочина // Ученые записки Казанского университета. – 2011. – Т. 153, кн. 6. – С. 140–149.
2. Витгенштейн Л. Философские исследования [Электронный ресурс]: URL: <https://www.litmir.me/br/?b=628758&p=1> (Дата обращения: 13.03.2021)
3. Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество [Электронный ресурс]. URL: <https://gigabaza.ru/doc/110519.html> (Дата обращения: 17.01.2022)
4. Дядечко Л.П. Крылатые слова как объект лингвистического описания: история и современность: Монография [Текст] / Л.П. Дядечко. – Киев: Киевский университет, 2002. – 294 с.

¹ Данный пример не входит в базу материалов диссертационного исследования. Режим доступа: <http://www.webostrov.com/ipb.html?act=Print&client=choose&f=3&t=148> (Дата обращения: 19.06.2006)

5. Орлова О.С. Загадки как объект лингвистического исследования [Текст] О.С. Орлова // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8. – № 3. – С. 104–114.
6. Третьякова И.Ю. Свойства фразеологизмов и паремий, обуславливающие их трансформационную активность (в сопоставительном аспекте) [Текст] / И.Ю. Третьякова // Устойчивые фразы в парадигмах науки: Мат-лы Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения В.Л. Архангельского. – Тула: С-принт, 2015. – С. 64–69.

© Чэнь Ясин (tchen.yasin@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Шанхайский политико-юридический университет

ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРЕДЛОЖНОЙ КОНСТРУКЦИИ «ПО ПУТИ»

Чэнь Сюецин

Аспирант, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
cxq192575181@gmail.com

GRAMMATICALIZATION OF THE RUSSIAN PREPOSITIONAL UNIT PO PUTI 'ALONG THE WAY'

Chen Xueqing

Summary: The Russian grammatical system of the Russian language is constantly developing and replenishing through the grammaticalization of prepositional units. Grammaticalized polyfunctional prepositional constructions, consisting of non-derivative prepositions and significant words, can function as adverbs, predicatives, derivative prepositions, conjunctions, etc. The article is devoted to the problem of grammaticalization the prepositional units *po puti* 'along the way'. The article classifies the polyfunctional unit *po puti* 'along the way' according to its morphological relation, reveals the process of transformation of the lexem «path» and finds out the change in the syntactic possibilities of the unit.

Keywords: grammaticalization, polyfunctionality, prepositional unit, preposition, 'along the way'.

Аннотация: Грамматическая система русского языка постоянно развивается и пополняется путем грамматикализации предложных единиц. Грамматикализованные полифункциональные предложные конструкции, состоящие из неизпроизводных предлогов и знаменательных слов, могут выполнять функции наречий, предикативов, производных предлогов, союзов и др. Статья посвящена проблеме грамматикализации одной из полифункциональных предложных единиц «по пути». В работе дается описание разных реализаций единицы «по пути» с точки зрения ее морфологической отнесенности, раскрывается процесс трансформации лексемы «путь» и характеризуются изменения синтаксических возможностей единицы.

Ключевые слова: грамматикализация, полифункциональность, предложная единица, предлог, «по пути».

В исследованиях русского языка распространено изучение предложных единиц, которые обладают целым рядом необычных свойств как в отношении их синхронных функций, так и в отношении их диахронической эволюции.

Принято считать, что совершенствование системы служебных средств было вызвано их недостаточным количеством для передачи в языке разнообразных отношений. Это является и причиной появления производных предлогов в качестве служебных слов. Формирование производных предлогов в основном опирается на изменение лексического значения знаменательных слов предложно-падежных сочетаниях, которые превращаются в предлоги, при этом в значении слов должен присутствовать элемент релятивности. Как показывает анализ языкового материала конструкции с предлогом *по* являются достаточно продуктивными для формирования производных предлогов: *вверх по, вдоль по, вниз по, по бокам (от), по направлению (к/от), по пути (в/к/на), по соседству с* и др. В данной работе рассматривается одна из подобных единиц – «по пути». Основные особенности этой единицы связаны с ее не вполне тривиальной полифункциональностью и путем ее грамматикализации.

Полифункциональность единицы «по пути»

Конструкция «по пути» обладает набором грамматических функций (предлог, в качестве состав союза, наречие и предикатив). Дадим краткий обзор этих функций, опираясь, главным образом, на описание в [БТС 2014; Рогожникова 1991; Морковкин 1997; Ефремова 2001], а также на основании материалов Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

1. Функция предлога. В качестве предлога «по пути»

1. употребляется при указании на направленность чьей-л. деятельности или какого-л. процесса: *жители кишлаков и городов по пути следования спецназовцев;*
2. употребляется для выражения 'одних взглядов, убеждений, целей': *Мы не пойдем по пути утопических идей.*

В морфосинтаксическом отношении здесь *по пути* ведет себя так же, как и другие представители обширного класса русских предложных единиц *по линии, по адресу, по направлению, по примеру, по образу* и т.п., управляющих формами родительного падежа отвлеченных имен.

«По пути» обладает вариантами «по пути к», «по пути в» и «по пути на»: *разговор произошел по пути к троллейбусной остановке; встретил таджиков по пути в гостиницу; видел друга по пути на работу.*

2. В составе союза. «По пути» может также функционировать в составе союза:

Мне кажется, что овес сеяли из-за его неприхотливости к почве, к обработке, шли не по пути интенсивного использования земли, а **по пути** того, что с овсом меньше возни, не надо так заботиться об удобрении полей [НКРЯ. Жернаков Н. «Знамя коммунизма» (Кимрский р-н Калининской обл.). 1962].

3. В качестве наречия. В качестве наречия «по пути» выражают обстоятельство или время. Наречие «по пути»:

1. имеет значение 'в процессе следования куда-л.; по дороге куда-л.'. «По пути» употребляется как несогласованное определение: *раскидать по пути игрушки*;
2. обладает значением 'проходя, проезжая мимо': **По пути** мне никто не попался;
3. и переносным значением 'одновременно'. Синонимом здесь является *попутно*: *Я сложил в сумку учебники, по пути/попутно сунул туда и тетради*.

4. Функции предикатива. У предикатива «по пути» выделяется два вида значения:

1. значение 'о совпадении пути у кого-л. с кем-л.': *Нам, кажется, по пути?*
2. «по пути» в переносном значении обозначает 'о совпадении чьих-л. взглядов, убеждений, устремлений с кем-л.': *им по пути с режимом, основавшимся на насилии и лжи*. В морфосинтаксическом аспекте «по пути» может употребляются с управляющим словом (**по пути с режимом**). Далее, в сочетании с отрицанием предикатив «не по пути» обозначает об 'отсутствии единства взглядов с кем-либо'. Например: *С левыми нам не по пути; Мне не по пути с моими коллегами*.

Каждая из отдельных групп употреблений «по пути» сама по себе достаточно характерна для категорий, к которым она относится и выражает определенные грамматические отношения. Интересным представляется соотношение *по пути* с полем, предложенным в [Виноградова 2021], ядро которого составляют «классические» наречные предлоги (*внутри, вокруг, мимо, около*). Далее располагаются «новые» единицы, маркированные в словарях как предлоги и наречия (*поблизости от, поодаль от, вниз по, по праву, по случаю* и др.). Единицы, имеющие пометы «в значении сказуемого» находятся на периферии поля (*по вкусу/не по вкусу, по душе/не по душе, по плечу, по силе, по силам/не по силам* и т.д.). Полифункциональная единица «по пути» находится на втором и третьем слоях по близости функции. Показав результаты грамматикализации конструкции, нам кажется, что не меньший интерес представляет также прослеживание по крайней мере некоторых этапов процесса возникновения различных употреблений «по пути».

Статистики употребления «по пути»

Статистика в НКРЯ показывает, что регулярное ее употребление зафиксировано с первой половины XVIII в. (см. Рис. 1.).

В данный период единица «по пути» была еще неологизмом, в корпусе всего лишь 61 случай ее употребления. В заметном количестве употребления «по пути» начались со второй половины XVIII в. при этом появляются варианты с производными предлогами (*к/в/на*) в ее постпозиции. В сегодняшнем НКРЯ имеется уже 7153 примера с конструкцией «по пути».

Со второй половине XVIII в. началось употребление

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1713 по 2022

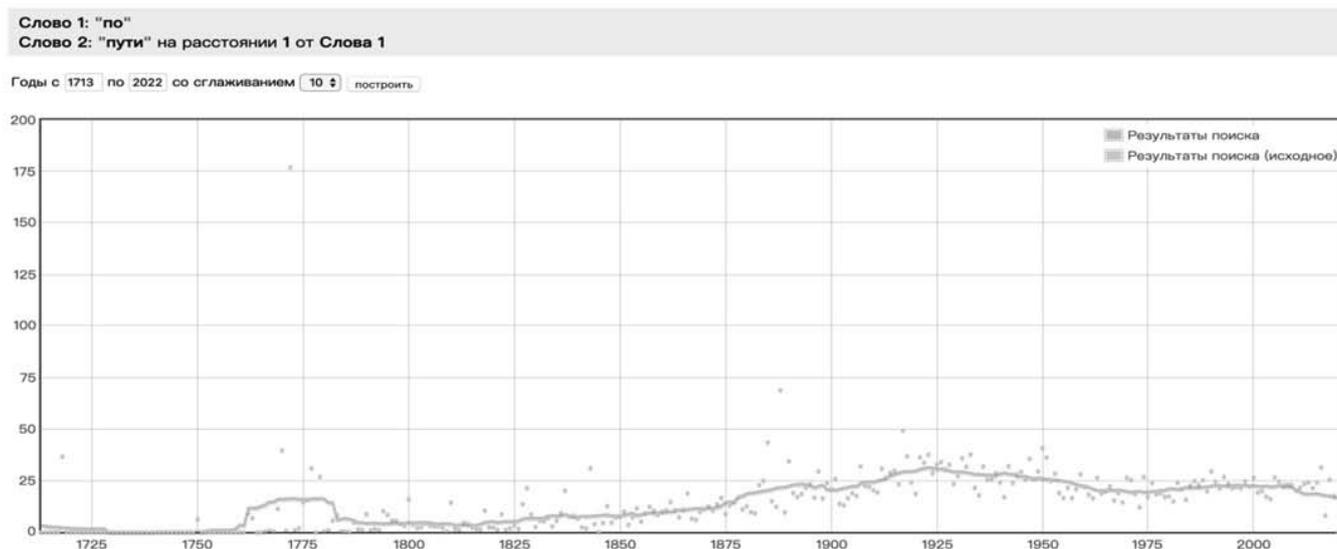

Рис. 1. Распределение по годам употреблений «по пути» с 1713 по 2022 г. (ipm)

Распределение по годам (частота на миллион словоформ) в основном корпусе с 1777 по 2022

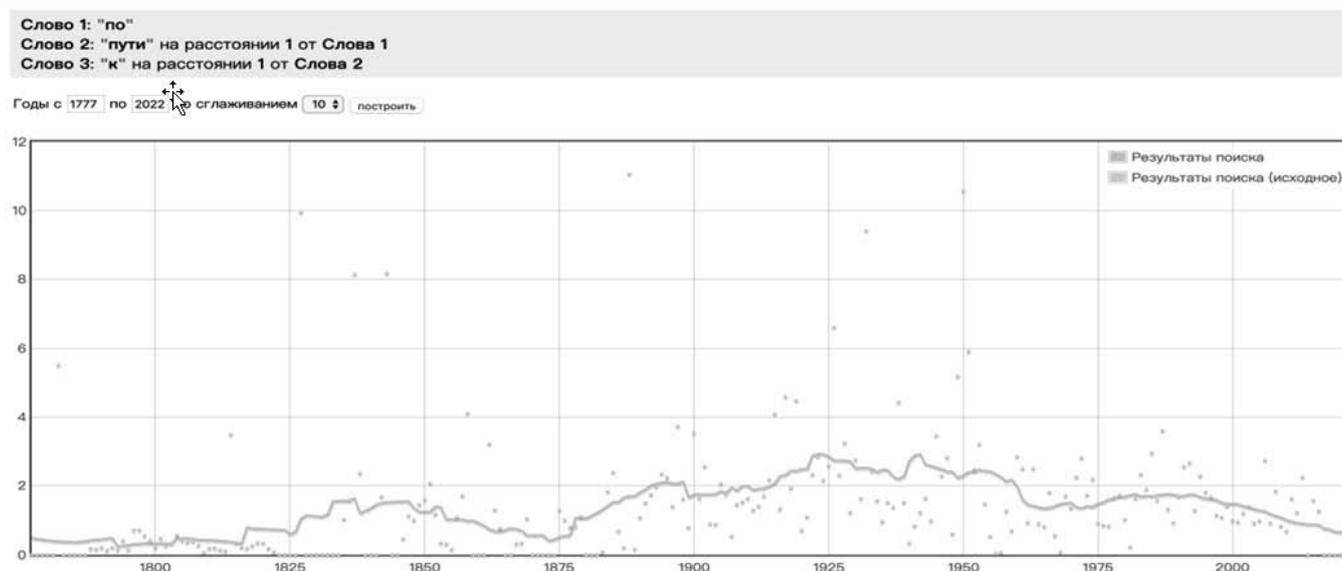

Рис. 2. Распределение по годам употреблений «по пути к» с 1777 по 2022 г. (ipm)

«по пути к» (см. Рис. 2).

В материалах корпуса до нынешнего дня входят всего 535 случаев употребления «по пути к». Из статистики в НКРЯ видно, что системными в текстах XIX–XX вв. также оказываются конструкции «по пути в» (649 вхождений, с 1813) и «по пути на» (259 вхождений, с 1857). Таким образом, во второй половине XVIII–XX вв. в языке соседствуют варианты «по пути к», «по пути в», «по пути на». Наличие подобной морфосинтаксической парадигмы свидетельствует о незавершенности процесса грамматикализации [Всеволодова и др. 2014].

Дополнительно стоит отметить, что только в более поздних материалах – в текстах с середины XIX в. – обнаружено употребление «не по пути». Это показывает то, что предикативная функция единицы *по пути* сформировалась позже.

Процесс грамматикализации «по пути» можно усмотреть не только в частотности реальных употреблений, но и в изменении семантики единицы и синтаксической структуры.

Семантические и синтаксические изменения «по пути»

«По пути» восходит к сочетанию непроизводного предлога *по* и знаменательного существительного *путь*. По свидетельству словаря [Черных 1999: 85] в XI в. отмечаются употребления *пути* в значении ‘дорога, проход’. В процессе десемантизации исходное значение подвергалось преобразованию: у слова *путь* развивалось значение ‘направление движения, маршрут’, ‘направленности

и процессы действия’, которое служит предпосылкой возникновения предлога.

Это значение реализуется в сочетаниях с глаголами или отглагольными существительными типа *идти, пойти, двигаться, продвигаться, развиваться, движение, продвижение, развитие* и др., а также в конструкциях с зависимыми именами типа *мира, прогресса, сотрудничества, демократии, разоружения, милитаризма, конфронтации, переговоров, мирного урегулирования чего-л., упрочение чего-л., ускорения чего-л., расширения чего-л.* и т.п. в правом контексте. Кроме того, указанное значение проявляется и при употреблении данной формы в условиях односторонних синтаксических связей, например, *Тебе куда? нам, случайно, не по пути?* (в одну сторону).

В дальнейшем развитии в единице «по пути» усиливалось значение релятивности под влиянием соединения с отвлеченными существительным. Слово постепенно утрачивает признаки предметного существительного, приобретая значение ‘жизнь человека, ее течение’, конструкция в целом получает значение ‘о совпадении чьих-л. взглядов, убеждений, устремлений с кем-л.'. Это значение также отражается в синтаксических конструкциях: *С вами мне по пути (об общности взглядов, целей, направления деятельности). Нам с тобой не по пути (о разных стремлениях, целях).*

Нетрудно заметить, что в употреблениях прослеживается «по пути» с разной степенью отвлеченности. Процесс грамматикализации предложно-падежных сочетаний сопровождается изменением лексического значения знаменательных слов, приводящих к изме-

нению грамматической семантики и статуса конструкции, в которой формируется производный предлог. Абстрактность значения *путь* допускает возможность ее полной грамматикализации, возможность перехода в разряд предлогов.

Неоспоримым доказательством вхождения «по пути» в состав предлога также является способность сочетаться с различными элементами. Предложно-падежное сочетание расширяет свою синтаксическую сочетаемость и синтаксические возможности синтаксем, особенно «свободных» синтаксем, следовательно, что привело к нестандартному явлению в грамматическом строе, т.е. к появлению полифункциональных единиц. Что диахронически объяснило причину данного языкового феномена.

Нами описаны и проанализированы реализации единицы «по пути», обладающие разной степенью грамматикализации. Они показывают расширение синтаксических возможностей формы единицы: от употребления в качестве обычного свободного словосочетания до употребления в качестве конструктивно-компонента несвободных конструкций и структуры предложения в самостоятельной позиции (предикатив), что позволяет расширить круг парадигмы пред-

ложно-падежных конструкций.

Заключение

С точки зрения категориальной характеристики на уровне частей речи выделяются поликатегориальные (полифункциональные) единицы. Конструкция «по пути» функционирует не только в структуре предложных сочетаний, но и в адвербиальной сфере, в сфере предикатива. Рассматриваемая конструкция представляет собой комплексную синтаксическую категорию с различными категориальными актуализациями, что обосновывает необходимость определения их синтаксического места в высказываниях или текстах в дальнейших исследованиях.

Категоризации предшествует вхождение знаменательных существительных в относительно несвободные сочетания в результате семантического абстрагирования. Этот процесс ярко представлен на примерах формирования производных предлогов на основе структуры «по + дат. пад.». Структура «по + дат. пад.» является моделью для образования не только «по пути», но и серии синонимичных производных предлогов «по дороге», «по линии», «по направлению». Этот процесс демонстрирует ее нелинейный характер, так и значим для изучения грамматикализации предложных единиц, и требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. БТС 2014 Кузнецов С.А. Большой толковый словарь. 2014. Режим доступа: <http://www.gramota.ru>
2. Виноградова Е. Н. Вплотную к наречным предлогам (к вопросу о полифункциональных единицах) / Е. Н. Виноградова // Русский язык за рубежом. – 2021. – № 1(284). – С. 37-45.
3. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. Книга 1. М.: URSS, 2014. 304 с.
4. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М.: Русский язык, 2001.
5. Морковкин В.В. (ред.). Словарь структурных слов русского языка. М.: Лазурь, 1997.
6. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>
7. Рогожникова Р.П. Толковый словарь сочетаний, эквивалентных слову. М.: АСТ; Астрель, 2003.
8. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. -- 3-е изд., стереотип. - М.: Рус. яз., 1999. Т. 2: А Панцирь - Ящур. - 560 с.

© Чэнь Сюэцин (cxq192575181@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Akbilek E.** – Associate professor, Academy of Social Administration (Mytishchi)
- Akhmed G.** – PhD researcher of Moscow State University named after M.V. Lomonosov
- Arvanova S.** – Senior Lecturer, KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Belyaeva L.** – Postgraduate, Ivanovo State University
- Blieva O.** – Dispatcher, KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Bondar I.** – Doctor of historical sciences, professor, Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute
- Chen Xueqing** – Graduate student, Lomonosov Moscow State University
- Chen Yaxing** – Shanghai University of Political Science and Law (Shanghai)
- Darendorf M.** – PhD (History), associate professor, Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute
- Erastova D.** – postgraduate student, Moscow State Regional University; senior lecturer, Russian University of Transport (Moscow)
- Ezaova A.** – associate Professor, KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Filippova A.** – Postgraduate student, FGAOU VO "North-East Federal University named after M.K. Ammosova" (Yakutsk)
- Garanina N.** – Ph.D., Associated Professor, Khakass State University named after N.F. Katanov (Abakan)
- Georgieva I.** – Assistant, KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Georgieva M.** – Senior Lecturer, KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Guan Junbo** – Postgraduate student, St. Petersburg State University
- Gurieva A.** – Lecturer, GAPOU RS (Y) "Nam Pedagogical College named after. I.E. Vinokurov"
- Hu Yangyixin** – Postgraduate, Shenzhen MSU-BIT University; Lomonosov Moscow State University
- Izyumnikova S.** – Assistant, South Ural State Humanitarian Pedagogical University
- Khiminets E.** – Teacher, Perm State University
- Khorokhorina G.** – Associate professor, Academy of Social Administration (Mytishchi)
- Kopreva L.** – Candidate of Science in Philology, Docent, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
- Krutova I.** – Associate professor, Russian University of Cooperation (Mytishchi)

Our authors

- Kuzmina R.** – PhD in Philology, Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North Siberian Branch The Russian Academy of Sciences, Yakutsk
- Lomakina E.** – Kuban State University (Krasnodar)
- Malygina G.** – PhD, associate professor, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod)
- Naumenko N.** – Senior Lecturer, Krasnodar Air Force Institute for Pilots
- Ovanesyam I.** – PhD (History), associate professor, Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute
- Pashina A.** – Ph.D., Associate Professor, Tyumen Industrial University
- Pinigina O.** – Candidate of Pediatric Sciences, Associate Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts
- Pirmanova N.** – Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Orenburg State Pedagogical University
- Sabelnikova E.** – Ph.D. of Pedagogical Sciences, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation (Moscow)
- Savenkova S.** – PhD, associate professor, Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod)
- Sergeeva T.** – FGBOU VO "Arctic State Institute of Culture and Arts"
- Sharipova E.** – Ph.D., Associate Professor, Tyumen Industrial University
- Subacheva E.** – PhD in Philology, associate professor, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)
- Taymour M.** – Ph.D. in Linguistics, Associate professor, Moscow State Linguistic University
- Titova A.** – Lecturer, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)
- Tlepsheva D.** – KBSU im. H.M. Berbekova (Nalchik)
- Tsaturyan M.** – Doctor of Philology, Professor, Kuban State University (Krasnodar)
- Vassilyeva T.** – Graduate student, Lomonosov Moscow State
- Vertyanina N.** – Ph.D., Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshlyakov
- Vlasova T.** – PhD (History), associate professor, Branch of the Stavropol State Pedagogical Institute
- Zhou Binbin** – St. Petersburg State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).